Урал, революцией призванный

К 70-летию Великого Октября

Урал, революцией призванный

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

Урал, революцией призванный

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1987

ББК 66.3(2)
У68

Всероссийский цикл
«Октябрь в нашей судьбе»

Составители:
Л. Г. АДАМОВА
С. Ф. МЕШАВКИН

Научный редактор —
доктор исторических
наук **Н. Н. ПОПОВ**

У $\frac{0802010207-095}{М158(03)-87}$ 1-87

От издательства

Вчитайтесь в эту книгу. Ее открывают размышления нашего земляка-уральца члена Коммунистической партии с 1917 года Ивана Васильевича Малофеева «Сыновьям идти дальше!», а завершает «Чернобыльский дневник» уральских студентов. Они связаны не хронологическим описанием пути, пройденного нашей страной или Свердловской областью за 70 лет после Великого Октября, а главным героем книги. Это новый человек, свершивший революцию в 1917-м и продолжающий трудное дело революции сегодня. Он подтверждает: «Наша революционная мысль не притупилась, наша созидательная энергия не иссякла, а наша политическая воля остается такой же твердой, какой она была у большевиков, поднявших пролетарскую, трудовую Россию на завоевание власти...»

Эта живая связь времен, соединяющая сегодняшнюю работу партии со стратегией и тактикой революционеров в 1917 году, отражена в композиции книги, состоящей из трех глав: «Время, вперед!», «Есть у революции начало...», «Нет у революции конца...».

«Время, вперед!» служит прологом книги. За выступлением старейшего коммуниста следует очерк собкора «Правды» Вадима Данилова «Рывок». Он начинается звонким словом «перестройка». Его герои — бригадир фрезеровщиков Леонид Степанович Дедюхин, смело ломающий привычные, устоявшиеся догмы, первый секретарь Качканарского горкома партии Евгений Сергеевич Савлов, решительно поддерживающий тех, кто берет на себя ношу потяжелее. Октябрьский маршрут привел журналистку Римму Печуркину в старый уральский горнозаводский поселок Красногвардейский. Живой водой из его родника омывали раны бойцов Первого Камышловского стрелкового полка. Ныне к нему приникает рабочий люд современного поселка.

«В социально-политическом, духовном плане советское общество опережает капиталистический мир на целую эпоху». Этой идеей пронизан очерк-исследование доктора философских наук социолога Г. Зборовского «Штрихи к социальному портрету рабочего человека»: «Индивидуализму... противостоит коллективизм, межклассовым и межнациональным антагонизмам — дружба классов, наций и народностей, моральной деградации — нравственная чистота, душевное здоровье». Социологические заметки — результат встреч с представителями трех поколений уральских рабочих.

В главе «Есть у революции начало...» можно почерпнуть сведения об Октябрьских событиях на Среднем Урале,

о подготовке и ходе революции, заметки о малоизвестных, но сыгравших немалую роль участниках революции. Здесь вы встретитесь с автором исторического очерка доктором исторических наук Н. Н. Поповым, с документальным повествованием о событиях, связанных с предотвращением заговора вокруг имени Николая Романова, с новыми фактами из туруханской ссылки Якова Свердлова. Книга, приуроченная к 70-летию Октября, стремится убедить: «Мы всегда говорили, а сегодня вправе с особой силой подчеркнуть: дело революции, круто изменившей судьбы нашей страны и ход мировой истории, революции, открывшей народам дорогу к социальному раскрепощению и национальной свободе, дело революции, развернувшей над Землей знамя мира и международного сотрудничества — это грандиозное и сложное, благородное и трудное дело продолжается!» (Е. К. Лигачев).

Время, вперед!

Bp

Время, вперед!

И. В. Малофеев, член КПСС с 1917 года

СЫНОВЬЯМ ИДТИ ДАЛЬШЕ!

Как стремительно летит время! Подобно бурной полноводной реке, оно уносит все мелкое в океан забвения. И только большое, прочное не может стереть его бег, бессильно унести течение. Таким колоссом, не подвластным времени, стал Великий Октябрь.

Память! Лишь она способна остановить стремительный бег, вырвать бесценные мгновения, воссоздать самые яркие картины. И чем значительнее эти картины по своему содержанию, тем ближе кажутся они, несмотря на годы, к сегодняшнему дню.

Порой даже не верится, что от огненных дней и ночей Великого Октября нас отделяет семь десятилетий. А двадцатый век, в первый год которого мне довелось родиться, уже кончается, вступает в свое последнее десятилетие.

Вся человеческая история — с ее войнами и рабством, подневольным трудом на феодалов и эксплуатацией пролетария капиталом — была подготовкой к Великому Октябрю, открывшему эру перехода к новому, справедливому обществу. Она проходила в борении классов, на шумных перекрестках судеб народных.

Мне довелось жить в самой гуще народа в эти трудные времена, видеть, как зрели классовое самосознание трудящихся, готовность к борьбе за свои права, свободу, человеческую жизнь. Считаю большим счастьем, что в тот мятежный исторический год я связал свою судьбу с ленинской партией и вместе с ней вот уже семь десятилетий иду по неторным, никем еще не изведанным дорогам века.

Открыл те дороги Великий Октябрь. И в его битвах мне посчастливилось принять участие. Революция зрела многие годы в горестях каждой трудовой семьи. И наша семья не была исключением.

...Рабочая одежда у отца была чудна́я: войлочные куртка и брюки, ботинки на толстой деревянной подошве... Отца обливали с головы до ног водой и спускали в еще не остывшую печь. Там, в ее чреве, он проводил горячий ремонт, чтобы печь скорее вновь начала варить металл.

Каменщикам по ремонту горячих мартеновских и доменных печей платили больше, чем другим рабочим: они жертвовали своим здоровьем, а нередко — и жизнью. И все-таки заработка отца, Василия Михайловича, нашей семье не хватало, детей было пятнадцать. Как только кому из старших переваливало за десяток лет — шел на работу, чтобы помочь отцу прокормить семью.

Мне, третьему по счету, удалось все-таки окончить три класса начальной школы. На Симский завод пошел одиннадцати лет,

в 1912 году. Еще неодолимо тянуло на крутые, лесистые берега горных рек Сима и Пистмянки — побултыхаться в их бурных водах, пособирать в лесу ягоды и грибы. А надо чуть свет вставать и идти на завод.
Правда, отец не взял меня помогать на своей работе — пожалел. Устроил учеником слесаря в механосборочный цех. Но попросил мастера не мешкать с учебой: надо, чтоб сам поскорее нес заработок в семью. Я старательно осваивал дело, сдал пробу, затем перешел на болторезный станок.
Каждый день я видел нужду и лишения работных людей. Видел и сколь роскошно живут хозяева завода. Почему так несправедливо устроена жизнь? Спасеньем от горестных дум был лес. Какой он красивый! Раздольные уральские места. Озера, горы, поросшие густыми смешанными лесами, красным мачтовым сосняком, березником, орешником и малиной. В низинах — ельнички и мягкие ковры мха. То вдруг распахнутся вересковые заросли и откроется ослепительно зеленая лужайка. Густые травы, лесная клубника, земляника и множество цветов!
Кажется, в этих местах должна быть такая же красивая жизнь. Увы! Как вспомню о своих вечно голодных сестренках и братьях, почерневших от горя, работы и забот отце и матери — сердце падает. Как же жить дальше?
Забегая вперед, скажу, что немногие из нашей большой семьи остались в живых. Отец, мать Александра Кузьминична и младший трехлетний братишка Петя умерли от эпидемии холеры. Трех сестренок — Кланю, Полю и Паню — отправили в детские приюты. Шестилетнего Мишу и Дуню взял на воспитание старший брат Дмитрий. Мне тоже пришлось растить младших. Вот и думы о том, как сделать жизнь лучше, вопросы, вопросы.
Ответы на эти вопросы давали беседы с рабочими на заводе. Рядом вытачивал детали на станке токарь Алексей Прокопьевич Мальков. В свободную минуту он толковал со мной о закавыках жизни. Как позже я узнал — был Алексей Прокопьевич членом партии большевиков. Оказывается, была целая партия, которая думала о будущем народа, как сделать его жизнь счастливой.
В соседнем, первом механическом, цехе работал токарем Иван Федорович Масленников, который часто собирал вокруг себя молодежь и беседовал с ней. И он был большевиком, его партийное поручение — работа с молодыми людьми.
А в малярном цехе на должности маляра состоял Кузьма Васильевич Рындин — председатель парткома, большевик с 1915 года.
Все это я узнал позже, а пока слушал беседы и участвовал в разговорах об империализме и развязанной им войне, о несправедливостях жизни и путях борьбы с ними. Читал

книги. Их тоже давали большевики. Особенно понравился и запомнился мне «Овод».

Удивительная судьба этой книги. Целое поколение революционеров — поколение Павки Корчагина — воспиталось на ней. Смелость, доходящую до дерзости, готовность перенести любые лишения ради великой цели воспитывала она, если слова ее падали на почву, удобренную революционными идеями.

В мае 1917 года, шестнадцати лет, вступил я в партию большевиков. Сразу дали партийное поручение. Отдельные задания мне давали и раньше — во время февральской революции. Может быть, в порядке проверки моей надежности перед тем как принять в партию. Но теперь поручения были постоянные и более серьезные: расклеивать листовки, распространять литературу. Приходилось и собирать членов большевистской организации на собрания и митинги, охранять их от провокаций меньшевиков и эсеров.

Как и большинство членов организации, я вступил в Красную гвардию. Изучал винтовку и гранату, пулемет «максим», учился стрелять. С красногвардейским отрядом выезжал на подавление восстания атамана Дутова — выбивали его из города Верхнеуральска.

Приходилось проводить и сложные операции. Так было с разоружением мусульманского стрелкового полка, квартировавшего в Уфе. Солдаты его сочувственно относились к революции, однако присутствие полка мешало установлению Советской власти в Уфе. Сделали так. Повесили объявление, что приехала цирковая труппа и будет выступать на базарной площади. В назначенное время почти весь полк был там. В это время красногвардейцы, в рядах которых был и я, сняли часовых у казарм, вывезли оружие. Приготовили писарей и справки. Как только солдаты стали возвращаться после представления, их окружили во дворе казарм и объявили, что полк распускается, солдаты могут получить документы и отправляться по домам.

Трудно пришлось в 1918 году, когда Симский завод, как и многие районы Урала, был занят колчаковцами. Почти все члены партийной организации ушли в лес — в партизаны или в подполье. Оставили на заводе десять парней, в том числе меня, сказали: «Вы — молодые, почти мальчишки, вас, может, и не тронут, будете связными, нашими разведчиками». Поочередно, перекинув для отвода глаз уздечку через плечо, ходили в партизанский отряд, доставляли сведения о передвижении войск, о предателях. Удавалось и оружие добыть. Однажды мы с несколькими товарищами заманили полицейских в дом на окраине поселка, напоили самогоном, обезоружили и сдали партизанам. Конечно, белые жестоко расправлялись, когда удавалось поймать кого-то из связных,

на месте рубили шашками — будь то хоть парень, хоть девушка. Вот тогда мне, молодому коммунисту, пришлось на практике осваивать приемы конспирации. Только благодаря этому избежал расправы.

Не оставались в долгу партизаны. Отбивали обозы с оружием и продовольствием, прямо в поселке ловили и наказывали, расстреливали предателей. Белые знали об отряде, но в лес, в «осиное гнездо», как они говорили, сунуться боялись. А вот партизаны все чаще появлялись в поселке.

На всех произвела ошеломляющее впечатление такая дерзкая вылазка. По поселку промчался небольшой отряд конников — белых солдат под командованием офицера в щегольской форме. Подскакали к группе офицеров, те откозыряли командиру отряда. А отряд начал пороть офицеров нагайками. В командире отряда местные жители узнали партизана Петьку Усачева, переодетого в форму офицера. В солдатское обмундирование были переодеты многие партизаны.

Пока белые очухались от замешательства и кинулись догонять отряд, он уже перемахнул мост через реку Сим и исчез в лесу, куда преследователи ехать побоялись.

Я был свидетелем этой сцены. Долго потом ходили рассказы, как Петька с товарищами пороли белых офицеров. Крепла у людей вера в неизбежную победу революции.

Не раз посылали колчаковцы на Симский завод карательные отряды по двести — триста человек, но так и не удалось им ни партизан достать, ни сломить революционный дух населения поселка. И когда подошли части Красной Армии, партизаны соединились с ними, вместе освободили завод и поселок. А население, рабочие завода не дали возможности колчаковцам осуществить коварный замысел — перевезти завод в Сибирь.

Вместе с частями Красной Армии я ушел освобождать Сибирь от Колчака. Старший брат Дмитрий тоже воевал — комиссаром полка. Много было боев — и там, и позже — по ликвидации банд в астраханских и калмыцких степях. Тогда у меня уже накопился опыт, и меня назначили политруком, двадцатилетним комиссаром. Особо запомнился последний бой с бандитами.

...Голая пустыня простиралась до самого горизонта. День был знойный и, кажется, не предвещал никаких перемен.

Но неожиданно налетел ветер. Заходили песчаные волны. Песок стал подниматься вверх, образуя вначале пыльные облака, потом целые тучи. Стало трудно дышать, и всадники перестали различать друг друга в нескольких шагах.

— Собраться всем! — крикнул по рядам командир отряда Шереметьев.— Спешиться!

Красноармейцы сбились в большую колонну, прижимаясь

к коням, друг к другу. Песчаные волны засыпали ноги, добирались до пояса. Сколько это будет продолжаться? Ведь так может и с головой всех засыпать!
Ветер стих так же внезапно, как и налетел. Начали освобождать, откапывать из песка коней, оружие. И тут совсем близко раздались выстрелы. Бандиты подошли почти вплотную к отряду и в упор расстреливали красноармейцев, лошадей.
— В цепь! — скомандовал Шереметьев.— Беглый огонь!
Высвобождая оружие из песка, красноармейцы начали беспорядочную, потом все более усиливающуюся стрельбу по образовавшим полукруг бандитам. А те вели прицельный огонь, почти без промахов. И только когда застрекотал пулемет, бандиты стали удаляться. Черные точки всадников таяли в пустыне.
— В погоню-ю! — послышался голос командира.
Скакали долго, следя за черными точками, хорошо видными в бинокли. Они метались из стороны в сторону, очевидно стараясь запутать отряд, скрыть направление своего бегства. Уже когда стало смеркаться, сбоку показались темные силуэты юрт.
Не здесь ли спрятались бандиты? Шереметьев разделил красноармейцев на группы и приказал обыскать юрты, сделанные из кошмы. Обошли все до единой. Беглецов не обнаружили — как сквозь землю провалились.
Быстро спускалась темная южная ночь. Делать нечего, пришлось здесь и остановиться на ночлег. Разбились группами, выставили часовых и, потеснив местных жителей, улеглись спать в юртах.
Я расположился вместе с командиром отряда Шереметьевым. Не спалось мне в ту ночь, разные мысли лезли в голову... Почему нас преследуют неудачи? Кое-кто из красноармейцев косился на командира отряда, бывшего белого полковника Шереметьева. Не он ли повинен во всем, потомок известного графского рода? Искренне ли перешел он на сторону революции? Мне нужно было все обстоятельно взвесить.
Только далеко за полночь начал засыпать. Проснулся от шума за стенками юрты. Схватил кобуру с наганом и выскочил на улицу. Часового у юрты не было: он лежал окровавленный в стороне. Не оказалось часовых и у других юрт — убиты. Я дал несколько выстрелов — надо поднять отряд.
Поднялись не все: в некоторых юртах красноармейцы были вырезаны. В них не оказалось и местных жителей.
И тут при тщательном обследовании юрт было обнаружено, что стенки у них двойные. Вот в них, как в пакетах, и прятались бандиты, а ночью устроили резню.
Быстро снесли мертвых в одну юрту, оставили несколько человек, чтобы похоронить,— и в погоню. Красноармейцы

скакали хмурые, злые. Я ехал рядом с Шереметьевым, на лице которого была растерянность.
— Отстраните меня от командования,— угрюмо сказал Шереметьев,— мне не верят.
— Не раскисай, командир! — одернул я его.— Иначе всех нас перережут.
Я понимал, что опыт и тактические знания полковника вряд ли соответствуют условиям такой войны. И гнал от себя сомнения: полковника рекомендовали как честного, преданного человека. На скаку мы перебрасывались соображениями о дальнейших действиях.
Бандиты удалялись к морю. Но ведь лодок и других плавсредств у них не было. Выход один: прижать их к берегу. Бойцов отряда расставили широким полукругом, усилив фланги.
Однако на берегу моря бандитов не оказалось. Правда, в нескольких сотнях метров от берега виднелся остров, поросший камышами. Полковник с группой бойцов направили коней в воду. Топко, болото. Слезли с коней и попробовали идти пешком. С острова раздалось несколько залпов. Быстро отошли назад.
И тогда пригодилась военная сметка полковника. Идти вперед нельзя, на открытом месте всех перестреляют, как на стенде. Но ведь и остров — весь на виду. Камыш — не преграда для пуль. И поэтому Шереметьев распорядился подползти, окопаться поближе к берегу и начать методичный, по квадратам, обстрел острова.
Идет стрельба — час, другой, третий — четкая, «накрывающая». И вот над камышом поднялся белый флаг. Шереметьев скомандовал — прекратить огонь. Из камыша один за другим показались бандиты. Выйдя на берег, бросали оружие. Последняя банда была ликвидирована. Меня вместе с группой политработников направили учиться в военную академию в Москву. Однако доучиться не пришлось: много дел было для коммунистов и на мирном фронте.
Меня направили в Орловскую губернию, Мценский уезд. Это был тот самый уезд, где когда-то, если вспомнить очерк Н. Лескова, отправляла на тот свет своих родственников купчиха, прозванная леди Макбет.
Следы гражданской войны были видны на всем. Стоял чугунолитейный завод. Бездействовала старинная мельница. «С чего начинать?» — встал передо мной, секретарем райкома, во всей своей сложности вопрос. Решил посоветоваться с мужиками. Вместе с председателем райисполкома отправились по деревням. Пешком: ни лошади, ни тем более машины в райкоме не было. Да нет, говорят, худа без добра. Мужики откровеннее высказывали свои соображения пешему секретарю. Эти советы и легли в основу плана действий.

На заводе в первую очередь взялись за механический цех. Кроме деталей, нужных для восстановления основных цехов, он мог готовить разные разности для крестьян: обода для тележных колес и полозья саней, лемеха сох и зубья борон, ведра и кастрюли... Да мало ли в хозяйстве утвари из железа, по которому изголодалась деревня. Продавали не на деньги — за хлеб.
Следующий шаг — восстановление и пуск мельницы. Она стала государственной и сыграла немаловажную роль. Во-первых, молоть зерно начали раньше тем, кто активнее помогал в восстановлении хозяйства района. Во-вторых, за помол крестьяне платили тоже хлебом. А заодно удалось выяснить, у кого имеется его излишек. И скоро пошли первые обозы из Мценского уезда для голодающей России.
Постепенно крепло хозяйство, становилось на новый, социалистический путь. И от партийного руководителя требовались не только преданность революции, сметка, но и более глубокие знания, понимание законов общественного развития.
Снова меня направили в Москву, учиться в университет имени Свердлова. Какие горизонты открылись там! Лекции читали известные политические и общественные деятели — А. В. Луначарский, К. Е. Ворошилов, М. Н. Покровский и другие.
После окончания университета — на родной Урал. Работал в свердловских областных партийных органах, первым секретарем Полевского райкома партии.
Но не забывался и мой боевой опыт. И он пригодился. Прошло чуть более двух десятилетий с тех пор, когда были изгнаны интервенты, как вновь двинулись на Советскую землю вражеские полчища. На этот раз — невиданные по численности и совершеннейшему вооружению, коварству и масштабам своих замыслов.
Идеологи фашизма хотели отнять у советского народа все то, что он с такими жертвами и трудом приобрел благодаря Октябрьской революции, лишить другие народы надежды на будущее. Ведь в эти два десятилетия — невиданно короткие сроки — советские люди создали мощную индустрию, перестроили сельское хозяйство, стали уже жить хорошо, свободно и радостно. И хлеба стало вдоволь, и песен столько сложили! Так неужели всего этого снова лишиться?! И мысли такой нельзя было допустить.
Пригодился не только опыт, но и знания, полученные во время почти непрерывной учебы гражданскому, а бывало — и военному делу. Присвоили мне звание старшего лейтенанта и направили в контрразведку. Служить довелось в бригаде «катюш». Это разящее новейшее оружие, наводившее ужас на фашистов, нуждалось в особой охране.

Много огненных дорог довелось пройти, во многих боях участвовать, но некоторые запомнились особенно явственно, свежи в памяти детали, будто дело происходило совсем недавно. Один из таких — бой за освобождение Кировограда на Украине.

Здесь была сосредоточена крупная группировка противника, состоявшая из десяти дивизий и бригады. Расположились они выступом, нацеленным на столицу Украины — Киев. Наше командование решило, действуя двумя фронтами, Первым и Вторым Украинскими, разгромить эту группировку, открыть путь на запад.

Однако линия обороны немцев была сильно укреплена противотанковыми и противопехотными заграждениями, целой системой опорных пунктов, оборудованных инженерными сооружениями. Один из таких пунктов — село Субботцы. Разведка переднего края подтвердила данные о мощных сооружениях. Атака на них могла захлебнуться, принести большие жертвы. Вот тогда и вступили в бой «катюши». Бригада сделала несколько залпов по переднему краю. Я был на КП вместе с командиром дивизиона и следил за залпами, всей боевой обстановкой. На моей ответственности была сохранность техники и людей. Ни одно орудие, ни один невзорвавшийся снаряд ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Это моя, чекиста, забота!

Каждый снаряд вскопал воронку диаметром семь-восемь и глубиной более двух метров. Траншеи противника были будто перепаханы гигантским плугом. Взорваны орудийные дзоты, уничтожены пулеметные точки... Вот тогда пошли в атаку танкисты и пехотинцы. Множеством трупов фашистских солдат и офицеров был усеян передний край их обороны, исковерканной техникой и оружием. К исходу второго дня операции прорыв был расширен до 70 километров по фронту и до 30 — в глубину. Бригада «катюш» следовала за передовыми частями и поддавала фашистам «огоньку». Противник был окружен в Кировограде, взят в плен или уничтожен. Радостно встречали жители города советских воинов-освободителей. Вечером 8 января 1944 года Москва салютовала двадцатью артиллерийскими залпами в честь освободителей Кировограда. Всем воинам бригады «катюш», в том числе и мне, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего. Не всем, правда, довелось услышать это: немало солдат и офицеров было ранено, были и убитые. Погиб на фронте и мой младший брат Миша, который до войны жил и воспитывался у старшего брата Дмитрия, а потом — у меня. Миша был танкистом и пал смертью храбрых под Смоленском.

Демобилизовался я в 1946 году. И снова — партийная и хозяйственная работа. Порой сильно болела голова,

особенно вечерами. Но кровяное давление не мерял, думал: выcплюсь — и боль пройдет, утром снова на работу.
А коварная гипертония быстро прогрессировала. Пришлось уйти на пенсию.
Но не было у меня и мысли оставить общественную работу. Был избран председателем совета пенсионеров при обкоме профсоюза работников коммунальных предприятий, членом бытовой комиссии старых коммунистов, выступал с докладами, проводил беседы в трудовых коллективах, в школах и учебных заведениях, на собраниях комсомольцев. По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Президиума Верховного Совета РСФСР мне посчастливилось в составе свердловской делегации участвовать в совместном торжественном заседании, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. А затем я был делегатом XXVI съезда КПСС. Об этих незабываемых событиях много раз рассказывал в своих беседах.
Особое слово всегда — о молодежи, о необходимости воспитывать у нее чувство прекрасного, умение ценить и умножать все то, что создано умом и руками народа. И конечно же, о главной проблеме нашего времени — активной борьбе за мир.
...Есть что вспомнить нашему старшему поколению. Все, чем памятен наш век, все довелось увидеть, все испытать: революцию и гражданскую войну, беззаветную борьбу за новое, справедливое общество и огонь Великой Отечественной. Прошагать всеми главными тропами века и выйти на дорогу, ведущую народ к счастливой жизни, о которой семь десятилетий назад мы мечтали.
Мне может возразить кто-то из читателей: рассказал о себе, своей семье, а претендуешь на обобщение. Мог бы я рассказать и о других судьбах моих сверстников.
Но чтобы было убедительнее, сошлюсь на известные уральцам книги. Они документальные. Это рассказы рабочих Высокогорского железного рудника и металлургов о старой и новой жизни. Это — документы эпохи. Первая — «Были горы Высокой» — вышла в 1935 году под редакцией и с предисловием Алексея Максимовича Горького, в котором он дал высокую оценку сборнику: «В ряду наших книг «Были горы Высокой» — целостное эпическое повествование, рассказанное участниками описываемых событий, героями тех дел, которых скромно и убедительно воспевает эта книга. Сто авторов книги — сто действующих лиц. Это не результат отбора наиболее замечательных людей Железного и Медного рудников — это рассказ рядовых».
Вот один из рассказов — Таисьи Зиновьевны Чернышевой: «Рабочая сила была гната отовсюду, скупалась в разных

губерниях у помещиков. Помещики выбирали крестьян похуже, и все эти люди из-под жестокой власти помещиков попадали к Демидову. Демидов тоже не миловал. Он своим помощникам давал право поступать с крепостными, как хотят. Били, если кто не слушает, а не даст себя побить — отдавали в солдаты на 25 лет».

Продолжает рассказ Федор Данилович Козьмин: «За неявку на работу — стежка! И женщин стегали. Юбку нижнюю намочат, натянут да стегают, чтобы плотнее было. А если плохо палач стегает:

— Ты, шельма, чего? Ложись сам!

И его...»

Столетия долей уральцев был подневольный, тяжелый, безрадостный труд. «Без наказания не оставлять и поступать тирански без всякого милосердия»,— писал Акинфий Демидов в XVIII веке. И так было вплоть до Великого Октября.

Книга «Были горы Высокой» вышла в годы ожесточенных классовых битв первых пятилеток, когда вопрос «кто кого?» хотя и был решен, но побежденный враг еще не сложил оружия. Книга встала в строй, как боец. Подлый выстрел из-за угла в одного из авторов «Былей» — в Григория Быкова стал прямым тому доказательством.

Во второй книге — «Новые были горы Высокой» — горняки и металлурги рассказывают о тех переменах, которые принес в жизнь уральцев Великий Октябрь. Вот строки предисловия, которые написал М. А. Шолохов:

«Отличная книга о прекрасных тружениках горы Высокой. Потомки рабов проклятой помещичьей России, они творят чудеса, самоотверженно, героически трудясь, трудом своим прославляя ныне свободную, великую Родину.

Каким же нерушимым памятником будет эта книга, как и предшествующая ей, для грядущих поколений, которые будут жить и работать уже при коммунизме, благодарно вспоминая тех, кто пóтом и кровью своей уготовил им счастливую жизнь!»

Перемены произошли не только в облике уральских городов и улиц, заводов и фабрик. Изменился человек. Другой стала его жизнь, новое содержание получила она. И сделал это свободный и радостный социалистический труд. Вот обо всем этом рассказывается в «Новых былях...».

Потрясает судьба первой в мире женщины-горновой Фаины Васильевны Шаруновой. По 12 часов не уходила она от пышущего жаром горна домны: металл нужен был фронту, мужьям и сыновьям. Каждый день приходили письма — полевые солдатские треугольники с коротким адресом: «Урал. Шаруновой». Вот одно такое:

«Фаина! Через два часа наша часть идет в бой. Мы

включаем тебя в состав экипажа нашей самоходной установки. Клянемся, что выплавленный тобою металл будет устремлен только в цель, круша фашистских бандитов!..»

О своих судьбах рассказывают сталевары Юрий Плосконенко и Юрий Зашляпин. У обоих предки были крепостными Демидовых. У первого выиграны Н. Н. Демидовым в карты у графа Разумовского в Черниговской губернии и пригнаны пешком на Урал (так и появились здесь украинские фамилии), у второго — приписаны крепостными к Висимо-Уткинскому заводу. А потомки этих крепостных — оба Юрия — стали депутатами Советов.

Паренек из вятского села Владимир Лукьянов стал металлургом, квалифицированным специалистом, депутатом Верховного Совета СССР. Такую дорогу открыла революция перед простыми людьми из народа. Вот какими строками заканчивает он свой рассказ:

«И снова на память пришли мне... слова любимого с детства писателя, мечтавшего о светлом будущем русского народа, о России, идущей впереди всех стран по пути прогресса. Сбылась мечта. Но уже не птица-тройка, а космическая ракета мчит нас вперед, к тем высотам, что указали Ленин и партия. Вот наши пути и наши судьбы».

Стремительно летящее время несет большие перемены в нашей жизни. Для молодых людей они, возможно, и не столь заметны. А вот когда посмотришь на них с высоты прожитых лет, семи послереволюционных десятилетий,— они разительны.

Оглядывая пройденный за семь десятилетий путь, можно увидеть не только наши свершения, но и промахи, ошибки, упущения. Да, мы идем непроторенными дорогами, однако, думается, промахов могло быть меньше. Во второй половине семидесятых годов и в начале восьмидесятых заметно снизились темпы роста объемов производства. Если раньше они составляли 7—8 процентов, то в этот период уменьшились до 2—3, даже до 1 процента в год. Медленно росла производительность труда, от которой, главным образом, и зависит выпуск продукции.

Особенно злободневно звучат сегодня слова В. И. Ленина о том, что производительность труда в конечном счете самое главное для победы нового общественного строя, что победим мы лишь тогда, когда создадим более высокую, чем при капитализме, производительность общественного труда. Со всей остротой встали проблемы качества продукции, ее конкурентоспособности на мировом рынке. Апрельский (1985), январский и июньский (1987) пленумы ЦК КПСС, XXVII съезд партии определили четкие пути их решения, в частности ускорение научно-технического прогресса, революционную перестройку экономики.

Думая над этими проблемами, прихожу к твердому убеждению, что советским людям по силам решить их в сжатые сроки. Ведь смогли же наши ученые, инженеры-конструкторы спроектировать, а рабочие — изготовить во время войны лучшее вооружение. Возьмите непревзойденный по своим боевым качествам наш уральский танк Т-34, самолеты, прославленные «катюши». Мне довелось быть очевидцем того, какой страх они нагоняли на фашистов. Все эти машины были намного выше тогдашних мировых образцов. Так неужели ныне истощилась творческая смекалка наших инженеров, ученых, рабочих? Не верю в это! Напротив, всем сердцем верю в животворную силу рабочего класса, родники народной инициативы и предприимчивости, надо только дать им возможность проявиться с полной силой, надо убрать с дороги многочисленные препятствия.

И еще об одном хотелось бы напомнить. Революция в нашей стране завершилась победоносно во многом потому, что во главе ее стояла высокоорганизованная партия большевиков. Сейчас, когда совершается революционная перестройка, хотелось бы, чтобы побольше было в трудовых коллективах организованности, порядка и дисциплины. К этому зовут нас решения партийного съезда.

Ведь вдуматься только, что значит для страны каждый день Среднего Урала. За один день в области в 1985 году производилось 184 миллиона киловатт-часов электроэнергии, около 21 тысячи тонн чугуна, почти 32 тысячи тонн стали, добывалось 43,5 тысячи тонн железной руды и 14 тысяч тонн угля. Изготовлялось 86 центробежных насосов, 1740 стиральных машин, выпускалось 26,6 тысячи погонных метров шерстяных тканей, 35 тысяч пар кожаной обуви и т. д. Поистине каждый час, каждая минута на вес золота! Разве можно терять понапрасну эти дорогие минуты?!

Документы XXVII съезда партии, последующих пленумов ее Центрального Комитета настраивают нас на свершение нового этапа революции, плодотворное использование каждой рабочей минуты, добросовестную творческую работу каждого на своем месте. Только это обеспечит нам ускоренное социально-экономическое развитие, успешное продвижение по пути, открытому Великим Октябрем.

Литературная запись
Александра Ермакова

В. Данилов

РЫВОК

Перестройка... Это емкое слово наиболее полно характеризует восьмидесятые годы двадцатого столетия. Перестройка касается всех и каждого — от рабочего до министра. Об этом публикуемые ниже очерки.

День был одним из тех, какие нередки здесь в начале осени: с утра макушка Качканара щеголяла в пестром, освещенном солнцем каменном наряде. А к вечеру заволоклась тучами и, закрутив окрест мокрую вьюгу, скрылась в непроглядной мгле. Евгений Сергеевич Савлов, вернувшись в свой кабинет с только что закончившегося собрания партийно-хозяйственного актива, видел в окне лишь огни близлежащих улиц.

Улиц в городе, выросшем у подножия железной горы, возле гигантского горно-обогатительного комбината, теперь множество. И он, Савлов, в этом городе который уже год «всех главнее», как выразился когда-то один из поздравивших его с избранием на пост первого секретаря горкома. «Всех главнее» — это как сказать, а вот ответственный за все — это точно.

И как же, право, бывает неуютно от сознания своей вины и ответственности за чей-то промах, собственной причастности к делу, которое не делается. Будто выставили тебя из теплого кабинета в эту вот студеную, мокрую круговерть, и как ни поворачиваешься, хлещут по щекам острые льдинки.

Взять сегодняшнее собрание актива. Обстоятельный доклад о задачах дальнейшего повышения эффективности производства и решении назревших проблем социального развития коллективов, соответствующие повестке дня выступления в прениях, солидное постановление, обязывающее партийные, советские и хозяйственные органы «принять неотложные меры», «усилить внимание» и т. д. И едва ли не все участники собрания, дружно проголосовавшие за это постановление, прекрасно понимают, что постановление может быть началом больших перемен, а может лежать спокойно в папке дел. И от него, первого секретаря, зависит, чтобы каждый пункт постановления стал сигналом к действию. Каким?

Савлов вспомнил свою далекую уже юность, работу в должности главного механика одной из шахт на Украине, на которую попал сразу же по окончании Нижнетагильского горно-металлургического техникума. Горяч был, а в иных случаях — чрезмерно. Однажды прорвало водовод, поток хлынул в лаву, а дежурный слесарь махнул рукой: «Моя смена закончилась». Безусый механик, схватив валявшийся под ногами ломик, ринулся на солидного годами слесаря: «Закончилась, говоришь?» Тот, ойкнув, кинулся устранять неисправность. С той поры за ломики не хватался, овладевал

иными средствами воздействия на нерадивых. В бытность директором завода отличался умением находить слабые места в исполнении своих приказов даже у самых ловких по части создания видимости трудового напряжения и заставлял их признавать свои ошибки. Но то на заводе, там директорский приказ, как и план,— закон. А здесь...

Савлов поднял телефонную трубку, набрал номер второго секретаря горкома:

— Леонид Андреевич, зайди.

Пономарев явился через минуту, одетый в пальто, видимо, спешил домой. Присел на край стула и, не дожидаясь, что скажет первый секретарь, сочувственно вздохнул:

— Все терзаешься? Напрасно. Дела у нас идут совсем неплохо. Промышленность план выполнила, а горно-обогатительный комбинат даже с превышением. У кого лучше-то?— Многозначительно помолчал.— Ни у кого. Поверь мне. Есть и у нас, конечно, недостатки, но опять же, как у всех. Не мы их породили, и не нам их хоронить. Зато смотри, какой красавец город отгрохали. На всю страну известный.—Снова вздохнул, на сей раз досадливо.— А тебе все мало.

Савлов собирался посоветоваться со вторым секретарем насчет повышения действенности принятых горкомом решений, но раздумал вдруг советоваться. Загасил в пепельнице сигарету, закурил другую и в задумчивости подошел к окну, за которым бушевала метель. Пономарев надел шляпу:

— Мне можно идти?

— Ступай.

В дверях обернулся:

— Хочешь, Евгений Сергеевич, откровенно?

— Только этого и хочу.

— Ладно, слушай. Знаешь, сколько директор ГОКа получает? То-то. Раза в два больше нашего. Пусть он и думает, как выше собственной головы прыгнуть. Глядишь, еще прибавят. А нам ничего не прибавят, с нас только спрашивают... Ну пока, до завтра.

Когда Савлов работал на заводе, его помощник обычно отвечал звонившим ранним утром: «Евгений Сергеевич в цехах». И теперь из горкомовской приемной часто сообщали: «Уехал на Северный карьер», или «До вечера будет у строителей», или «Пошел по магазинам»... А в этот раз первый секретарь чуть свет отправился на фабрику железорудных окатышей. Любил он бывать здесь, как, впрочем, и во всех других подразделениях горно-обогатительного комбината, отличающихся современной технической оснащенностью и завидной налаженностью производства. Эта налаженность могла, кажется, только радовать — как-никак есть в ней изрядная доля и его труда,— но в последнее время все чаще вызывала неудовлетворенность.

Налажено все так, что комбинат успешно справляется с поставками продукции, удостоенной государственного Знака качества, занимает так называемые классные места в соревновании, а нижнетагильские металлурги, между тем, предъявляют все новые претензии: и количество поставляемого сырья их не устраивает, и свойства его не совсем такие, как хотелось бы. От претензий не отмахнешься, поскольку ГОК существует для металлургов, а не наоборот, работает не во имя классного места в соревновании и не ради почетного Знака, а единственно для того, чтобы они, металлурги, исправно выполняли свои обязанности. К ним-то претензий еще больше, особенно от машиностроителей, а те, можно сказать, в долгу перед всей страной. Значит, в долгу и горняки, сколь бы высоки ни были статистические показатели их завидно налаженного производства. Ему требуется не просто движение по восходящей, но крутой рывок.

Такой рывок обещает реализация предложения Института металлургии Уральского центра АН СССР положить в основу реконструкции Качканарского ГОКа внедрение не имеющего аналогов в мировой практике способа окускования и частичной металлизации окатышей. Окатыши, как показали опыты, обретут новое качество. Их применение на 8—10 процентов повысит производительность доменных печей, сократит расход кокса и природного газа. Так что металлурги будут довольны. Очевидна и выгода самого ГОКа. Не создавая дополнительных площадей, с тем же персоналом он более чем в полтора раза увеличит выпуск продукции, что равнозначно вводу еще одной фабрики, сооружение которой обошлось бы по сравнению с реконструкцией вдвое дороже.

Предложение ученых поддержали Уралмаш, институты Уралгипроруда и Уралмеханобр, трест Качканаррудстрой.

Вон какая сила! Но ее надо еще привести в действие, тем более что строительный трест до сих пор не получил соответствующего задания от главка. Да и будь все задания расписаны — все равно выполнять их надлежит не где-нибудь, а здесь, в Качканаре, на фабрике, и не кому-нибудь, а самим, своими руками. Рук же, как известно, недостает, и времени в обрез, и вообще кругом одни нехватки. Встретивший Савлова начальник фабрики Старостин с ходу начал перечислять их.

— Погодите, Юрий Иванович,— тронул его руку Савлов.— Об этом мне известно. Всем известно. На недавнем собрании партхозактива всласть наговорились о не зависящих от нас причинах. Давайте — о зависящих, а? О том, что сами можем сделать, не ссылаясь ни на что...

— Да мы...

— Да-да, вы хорошие,— в прищуренных глазах Евгения Сергеевича мелькнули веселые огоньки.— Вы очень стараетесь. Но стараться сегодня надо по-другому, не как год, тем более

два года назад. Надо ломать границы привычного, выходить за них, прыгать, как говорится, выше собственной головы. Ну а если серьезно, то надо подняться выше прочно засевших в наших головах некоторых представлений. Соберем-ка членов штаба реконструкции, потолкуем...

Савлов приехал на фабрику окатышей с мыслью, подсказанной встречей, случившейся на трехсотметровой глубине Главного карьера. Путь к буровому станку ему преградили два парня — водители самосвалов. Один из них, высокий, надо полагать, недавно уволенный из армии в запас, вытянулся и гаркнул:

— Товарищ первый секретарь, разрешите к вам обратиться!

— Разрешения не требуется. Слушаю вас. Недовольны чем-нибудь?

— Так точно. Недовольны тем, что нормы больно сильно перевыполняем. Вроде дополнительный навар получаем, а разобраться, так больше теряем на разболтанности.

— Не понял.

Второй водитель, постарше и поменьше ростом, хмыкнул:

— Вот-вот, и здесь находятся непонимающие: химичите, мол, ради личной выгоды. А мы и не скрываем про выгоду. Повысят нормы — машин убавится, а те, которые останутся, простаивать не будут, водители, выходит, заработают не меньше, а скорее — побольше. Вот о какой выгоде печемся, ясно?

— Значит, просите повысить нормы выработки?

— Так точно,— снова вытянулся молодой.— И более ничего. За остальное сами отвечаем...

— Хорошо... Зайдите в пятницу в горком. Лады? Подумаем, семь раз отмерим, потом с администрацией поговорю. Вас как зовут-то?

— Мордвин Андрей,— представился бывший воин.

— Юрий Иванович Серебряков,— ответствовал тот, что постарше.

Разговор с администрацией еще не состоялся, но до нее дошел слух о встрече двух водителей с первым секретарем горкома, и она, администрация, удовлетворила просьбу коллектива автомобилистов об увеличении норм выработки. Казалось, вопрос решен. Но Савлов думал иначе. Поддержать словом и делом тех, кто берет на себя ношу потяжелее, распространить инициативу в масштабах города — такой он видел повестку дня расширенного заседания бюро горкома. Как лучше это сделать? Не обязательно лишь в виде немедленного ужесточения норм. Может быть, в форме соревнования за выполнение напряженных, даже сверхнапряженных заданий меньшим числом работающих. И чтобы в него не по форме, а по существу включились все коллективы. «Получится ли,— сомневался Савлов.— Ну, примем постановление, обяжем, потребуем,

как обычно. А не останется ли — опять же, как обычно,— все на бумаге? Дать бы делу новый толчок, обеспечить ему инженерную поддержку...» Предложением об этой поддержке и начал он на фабрике окатышей беседу с членами штаба реконструкции.
Вначале лица собеседников выразили недоумение: мы-де свой труд тонно-километрами, как шоферы, и нормо-часами не измеряем, мы — люди творческие. Потом был задан вопрос: чего конкретно добивается первый секретарь. Тот ответил: конкретно — максимального уплотнения сроков монтажа модернизированных обжиговых машин, а еще конкретнее — постепенной замены каждой из четырех таких машин без остановки трех остальных, на полном ходу производства.
Наступило молчание, потом кто-то раздумчиво произнес:
— Ничего себе задачка...
Грянул хохот. Савлов поднялся:
— Значит, договорились. Задача и впрямь трудная, зато для людей творческих простор, есть где развернуться. Кстати, о трудности. С ней успешно справляются на Первоуральском новотрубном заводе, где реконструируют оборудование без остановки производства. Надо перенять опыт.
Разошлись после семи часов вечера. Евгений Сергеевич, вернувшись в горком, застал в приемной немолодого уже, показавшегося знакомым, крепко сколоченного мужчину. Секретарша шепнула, что это пенсионер, делать ему нечего, вот и сидит целый день.
— Ладно, пусть войдет.
Пенсионер начал с подковыркой:
— Вон напротив горкома плакат повесили: «Слава первостроителям Качканара». А мне, между прочим, ни славы, ни почета, хотя первостроитель я. Живу в старом домике без всяких удобств, прошу квартиру — не дают. Где же справедливость?..
И внезапно смолк, будто натолкнувшись на савловский прищур, излучавший колючий холод. После минутного молчания Евгений Сергеевич сказал:
— Разберемся по порядку, Борис Степанович. Так ведь вас зовут? Так вот, по порядку. Во-первых, в первостроителях мы числим тех, кто пришел сюда в пятьдесят седьмом году, с топором пробивался в тайгу, жил в палатке. Вы к таковым не относитесь, поскольку приехали, когда улицы асфальтом залили и кинотеатр открыли. Правильно? Во-вторых, ваш старый, как вы выразились, домик простоит еще лет двадцать, а из удобств в нем недостает только горячей воды и ванны. Тоже верно?
Савлов говорил глухо, неотрывно глядя на посетителя. Встал, закурил, подошел к окну, обратился по привычке в ту сторону, где надлежало быть видимой макушке Качканара и где сейчас ничего не было видно. Вдруг круто повернулся:

— А квартиру вы получите. Обязательно получите. Но когда, сказать не берусь. Медленно мы строим жилье. Помогли бы, а?
Опустивший было голову Борис Степанович изумленно взглянул на первого секретаря. Тот продолжал:
— Встречал я вас в лесу на лыжне. Здорово ходите, не угнаться. И таких, с позволения сказать, стариков у нас хватает. Пенсию получают приличную, не нуждаются, сидят по домам. Организовать бы из них строительную бригаду, а лучше — две, три... С жильем дело поправили бы, и тресту легче будет сосредоточиться на реконструкции фабрики окатышей.
Не возьметесь организовать?
Посетитель не переставал удивляться: никак не предполагал, что первый секретарь знает его по имени-отчеству, а главное, он ждал разноса за то, что назвался первостроителем и сильно преувеличил свои жилищные трудности. Вместо этого — просьба о помощи. Посетитель смущенно засобирался:
— Я, пожалуй, того... засиделся. Извините, если что не так... А насчет бригад... Я подумаю. Не один, конечно. Мы подумаем. Есть у меня на примете понятливые мужики — мастера на все руки.
Проводив позднего визитера, Савлов обнаружил на столе лист бумаги с только-только начатой речью, которую предстояло произнести на завтрашней сессии горсовета. Председатель исполкома предупредил: на выступление — сорок минут, и ни минутой меньше, больше можно. А сорок минут — это двадцать страниц машинописного текста, которые сейчас никак не идут в словно налитую чугуном голову. И почему обязательно сорок минут, а, допустим, не десять или не пять? Савлов подвинул к себе лежавший на углу сверток, развернул, взял квадратную с живописным рисунком плитку. Подумал: «Вот она, речь...»
Назавтра он так и поступил. Встав на трибуне, поднял над головой эту плитку:
— Видите, какая нарядная? К тому же прочная. Квартиры можно украшать, клубы, столовые, детские сады. Из Москвы привезли. Мы туда шлам, которого у нас горы скопились, отправляем, а оттуда прекрасный отделочный материал получаем. Сами же не можем отходы производства на свою же пользу употребить. Вот он, факт, характеризующий наше отношение к экономике. Предлагаю записать: товарищам, имеющим отношение к налаживанию безотходного производства, подготовить предложения для рассмотрения на исполкоме, срок — неделя. У меня все.
После первого секретаря горкома полагалось выступить только докладчику с заключительным словом. Однако в этот раз поднял руку депутат из отдаленного поселка. Заговорил уверенно:

— Я тоже буду краток. Не только облицовочную плитку можно изготовлять из наших шламов. Разговоры об этом ведутся не один год, но одни разговоры. Почему? Этот вопрос я и адресую хозяйственным руководителям, а также исполкому, горкому и его первому секретарю.

После окончания сессии второй секретарь горкома Пономарев негодовал:

— Умник какой выискался! Он, видите ли, хочет адресовать... Будто в горкоме сами не видят, что к чему, а у первого секретаря нет других забот. Я бы на твоем месте оборвал этого умника...

Савлов улыбнулся:

— И плохо бы сделал. Очень плохо. Он прав. Вопрос о безотходности надо, думаю, обсудить не только на исполкоме, но и на очередной сессии. Причем с депутатским отчетом — твоим или моим. С моим, например.

— Ну это совсем уж ни к чему.

— Вот что еще надо тебе сказать.— Савлов глубоко затянулся сигаретой, постучал пальцами по столу.— Шел бы ты работать на завод.

— На завод?!

— Ну да, на завод. Зарплата там больше нашей и вообще... С обкомом вопрос согласован, и пленум, надеюсь, не возразит.

...В те редкие дни, когда макушка Качканара купается в солнечном обилии, Савлов, глядя на нее, иной раз думает, что хорошо бы забраться на самую-самую высоту. Какая картина откроется! Двадцатипятилетний город, очень молодой еще, но уже сложившийся, со своим неповторимым лицом, со всем, что требуется человеку. Производственные корпуса комбината и других предприятий кажутся наверняка малюсенькими, такими, что не сразу различишь. Зато перспектива предстанет необъятной, уходящей в лесную и гористую, бесконечную даль.

Только трудно подняться на самую-самую высоту. И не каждый отважится.

— Говорят, нет ничего хуже, чем ждать и догонять,— заметил Леонид Степанович Дедюхин.— «Ждать», обратите внимание, стоит на первом месте, потому как пренеприятнейшее это состояние — бездействие в надежде на что-то...

Мы шагали по краю дороги, разделяющей заводские корпуса и очень напоминающей благоустроенный городской бульвар. Весной дорога купается в сиреневом цвету, летом опутана малахитовой зеленью, зимой щеголяет в белоснежных шапках на кронах деревьев. Такие бульвары начинаются у самой проходной Свердловского машиностроительного завода имени Калинина и словно сразу же дают знать, что порядок

и ухоженность здесь в особом почете. Порядок везде и во всем, поскольку предприятие передовое: пройдите дальше по располагающему к прогулке бульвару и убедитесь. Хотя бы в цех № 2, механосборочный, громада которого высится неподалеку. К нему и направлялись мы с бригадиром фрезеровщиков Дедюхиным.
И впрямь цех, каких мало. Широкие пролеты светятся от солнечного обилия, а еще от блеска, излучаемого отшлифованными металлическими гранями выстроившихся в ряд станков с числовым программным управлением, и оттого, что нет в цехе чего-то привычного, того, что часто сопутствует механосборочному производству, может быть, завалов, предназначенных для обработки и уже обработанных деталей, грохота и многолюдия.
Войдя в цех, Дедюхин будто растворился в светящемся пролете, среди всего-то десятка рабочих. Все в спецовках, одинаково сосредоточенно-неторопливые и молчаливые. Один только подошел к бригадиру и заговорил. Тот кивнул:
— Ладно, Федя, после смены потолкуем.
А после смены Федор Нигматуллин доказывал ненужность нового, планируемого к внедрению приспособления, предназначенного для скорейшего выполнения ответственного заказа:
— Зачем оно нам, когда старое годится, если изменить его чуть-чуть вот здесь? И удобнее получится, и экономия будет...
В глазах Леонида Степановича засветились искорки:
— Молодец. Правильно мыслишь. Посчитай все, тогда обсудим.
В бригаде фрезеровщиков умеют считать, прежде всего — рабочие минуты. И много что еще умеют. Например, радоваться выигрышу минут и огорчаться потерями, а главное, умеют искать и находить пути к выигрышу.
Вспоминаю свое посещение завода имени Калинина в конце 1985 года. Наслышанный об успехах передового коллектива, допытывался, где их истоки, расспрашивал о новом оборудовании, которое, думалось, и обеспечивает предприятию высокие производственные показатели. И вдруг слышу от начальника цеха № 2 Владимира Борисовича Якимова:
— Задали нам хлопот эти станки с ЧПУ. Морока!
— Морока?
— Точно так. Станки подходящие, возможности у них немалые, но сами по себе они не заработают. Надо привести их в действие, задать им программу. Это не сразу делается, а у меня, извините, план,— Якимов многозначительно поднял указательный палец.— План, увеличенный в соответствии с возможностями этих самых станков. Так что не скажу, что с ними мне живется легче.
Заметив на лице начальника цеха выражение лукавой настороженности, я понял, что он вовсе не против прогрессивного

оборудования, и план для него хоть и главная, но не единственная забота. Он просто иронизирует над моей некомпетентностью по части освоения новой техники. Что же касается «мороки», хлопот, связанных с переоснащением производства, то их действительно оказалось больше, чем многие предполагали.

Было время, когда замечательные станки последнего поколения бездействовали или гнали продукцию вчерашнего дня, никому уже, строго говоря, не нужную. Фрезеровщики работали на давно привычных универсальных станках, а на новые, красовавшиеся на почетных местах, словно экспонаты выставки, повествующей о не очень близком будущем цеха, любовались, дивились их техническим характеристикам.

Николай Михайлович Каргаполов вздыхал:

— Да-да... Наш-то план для них, что семечки. В два счета разделаются с ним. Только когда?

Недавний школьник Вадим Коновалов ухмылялся:

— Вот она, НТР! Когда-нибудь, глядишь, к нам пожалует.

Рассудительный Геннадий Иванович Усков вразумлял новичка:

— Это тебе не трактор. Тут электроника. Ей задание, математически рассчитанное, требуется, то есть программа. Составят ее технологи — и враз свое возьмем. А пока жди и не рыпайся.

— Когда же составят?

— Полагаю, месяца через два или три. Это, брат, инженерного ума дело.

В те дни упорно молчал только Дедюхин. Был против обыкновения хмур, на смену являлся, будто после бессонной ночи. Зачастил в один из цехов, где станки с ЧПУ вошли в обыкновение. Вскоре заявил:

— Ждать не будем. Сами составим программы.

Фрезеровщики, давно знающие своего бригадира, молчали. Один Коновалов выразил недоумение:

— Как это сами? И я, значит, тоже?

— И ты, значит...

— Не-ет, у меня толку не хватит. Честно признаю. И потом, для чего это мне, если отдел технологов вон какой громадный? Пусть свою зарплату отрабатывают, а я свое и без этих ЧПУ имею.

— Имеешь. Все имеем,— кивнул согласно Дедюхин. В глазах его вместо веселых огоньков блеснули холодные искорки.— А как насчет совести? Тоже имеешь? Тогда прикинь, во что обходится каждый час простоя этой техники, сколько мы могли бы сделать и не делаем. Вот так: не будем ждать и кивать на кого-то. У технологов свои трудности, у них не один участок и не один цех и видов продукции, кстати, не как у нас, гораздо больше.

Вскоре Леонид Степанович показал товарищам длинную полосу

плотной бумаги, испещренную какими-то цифрами и значками: вот она, программа,— и всего-то дел. Цифры и значки перевели на перфорационную ленту, которую заложили в станок. И начал он без устали и безошибочно выдавать детали самой замысловатой конфигурации. Потребовались детали посложнее в еще большем количестве — Дедюхин, поколдовав над чертежами, изготовил и для них испещренные загадочными цифрами полосы плотной бумаги. По три-четыре программы в месяц выдавал. Станки с ЧПУ и обрабатывающие центры, каждый из которых оснащен десятками разных инструментов, были задействованы полностью. Приходили из других цехов удостовериться, что бригада действительно собственными силами в короткий срок пустила в ход оборудование, простаивавшее у иных долгие месяцы.

— Нужда заставила,— отшучивался Дедюхин. А на одном из собраний, когда его попросили высказаться поподробнее, заявил: мол, сейчас, как указывает партия, необходим подлинный прорыв по всему фронту научно-технического прогресса. Первыми идти в прорыв должны рабочие-рационализаторы. Мало теперь перекрывать задания на столько-то процентов. Очень мало! Надо ломать привычные представления о производственном успехе, выдвигать на первый план творческое начало в работе. В заключение улыбнулся белозубо и задорно:

— А если о «секрете» говорить, то вот он: не любим мы ждать, когда кто-то придет и что-то за нас выполнит.

Он сделал ударение на «мы», давая понять, что не он единственный решил успех дела, все решали. И в общем, недалек был от истины. За программирование взялся сын бригадира — Валерий. Этому не удивились, поскольку младший Дедюхин — в отца, рабочий высочайшей квалификации и упорства завидного. Но потом к хитроумным расчетам приобщился Андрей Буряк, за ним последовали другие.

— Никак хочешь всех в инженеры вывести?— спрашивали бригадира.

— Тоже неплохо,— отвечал он.— Только не затем, чтобы технологов подменили, а для своего же интереса. Нынче оборудование такое, что можно всю жизнь проработать, только тем и занимаясь, что кнопки нажимать. Неинтересно это. Голове нужна работа.

Леонид Степанович задался целью научить всех программированию, поднять каждого хотя бы на ступеньку выше оператора и наладчика. Для этого снова взялся ломать привычное, давно устоявшееся, в частности, заведенный порядок распределения заработка по коэффициенту трудового участия. Справляешься с заданием — молодец, брака не допускаешь — хорошо, трудовой распорядок неукоснительно

соблюдаешь — опять же похвально. Но это твои прямые обязанности, за их выполнение дополнительная оплата не полагается. Для повышения КТУ требуется нечто большее: умение шагнуть дальше каждодневного, продолжить накатанный уже путь по нехоженому.

Совет бригады, в который входят самые умелые и авторитетные ее члены, поддержал Дедюхина. Однако новый подход к оценке работы давался, что называется, со скрипом. Поначалу пришлось снизить коэффициент даже кое-кому из заслуженных ветеранов: что поделаешь, если привычка — вторая натура, тем более привычка исполнять свою работу исключительно «от сих до сих», складывавшаяся десятилетиями. Как ее вытравить? Были недовольные.

Но до прямых конфликтов, до жалоб на «самоуправство бригадира» в вышестоящие инстанции не дошло. Пожалуешься ли, когда знаешь, что придется посмотреть в чистые, полные доверчивой надежды глаза Дедюхина, который к самому себе, к собственным поступкам подходит куда с большей требовательностью.

...Мы возвращались той же нарядной во все времена года дорогой к проходной завода. Спрашиваю, чтобы только нарушить затянувшееся молчание:

— Как у Вадима Коновалова сейчас дела?

— Да так себе... Испортился парень: общественный порядок нарушил, дома ведет себя неважно и работает с прохладцей. То ли неудачная любовь, то ли еще что.— Леонид Степанович вдруг остановился и повернулся ко мне.— Любовь — она тоже фактор, а? Фактор, влияющий на производство? В общем, проглядел я парня,— резюмировал он, продолжая путь.— Это некоторые думают, что Дедюхину, раз он Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, все легко дается. Чепуха! Только-только входим с бригадой в прорыв. Надо расширять его, вводить в него свежие силы.

Мы вышли на небольшую площадь возле проходной, украшенную яркими плакатами и стендами. Леонид Степанович кивнул на них:

— Нравится? Мне тоже. Здорово смотрится, и слова замечательные. Иногда только мыслишка гложет: не слишком ли они хорошие, не настраивают ли на благодушие? Постоишь вот так, почитаешь, и душа радуется: вот-вот достигнем новых рубежей, не сегодня-завтра сведем под корень материальные и всякие прочие потери. А высокие рубежи так просто не даются, пока дойдешь до них, десять потов сойдет, и потери на удивление живучи, хотя некоторые, кажется, ничего не стоит устранить.

Возьму, что мне ближе. Конструкторы, подготовив чертеж детали, шлют его в цех. Мы, подивившись искусству

проектировщиков, отправляем этот чертеж в отдел главного технолога. Там через какое-то время рассчитывают программу обработки новой продукции и вместе с чертежом возвращают нам. Деталей тысячи, документы на каждую ходят туда-сюда, так что дополнительная затрата времени получается солидная. Давно говорим об этом, предлагаем бумаги от конструкторов посылать прямо в технологический отдел, а оттуда вместе с готовой программой — в цех. Но негодный порядок, установившийся много лет назад, остается незыблемым. Может, об этом написать на самом большом стенде крупными буквами да позлее?

Я направился к проходной. Дедюхин — в партком. Он мне перед этим сообщил, что партийный штаб завода рассматривает сегодня одну из важных граней перестройки.

Римма Печуркина
ЖИВИ, РОДНИК, ЖИВИ...

Октябрьский маршрут

Все горнозаводские поселки и выросшие из них города похожи один на другой. И каждый хорош по-своему. Поселок Красногвардейский Артемовского района напоминает Атиг, Сысерть, Михайловск строгим рисунком плотины, простором пруда, окаймленного холмами: на одних качает вершинами лес, на других красуются разноцветными крышами рубленые дома.

Но есть здесь и свое, неповторимое. Звонкой голубоватой прохладой дышат земные недра, тут и там вынося к людям вечно живые родники. Станция, возле которой расположен поселок, так и называется — Талый Ключ.

Пройдем по Красногвардейскому. Широкий бетонный колодец с воротом на берегу пруда. Белый сруб из неошкуренных березовых бревен. Нарядный кирпичный домик, спрятавший в себе водозабор. Все это родники. А вот из поросшего травой склона вырвалась на трубе мощная струя. А здесь женщина с ведрами на коромысле свернула в переулок и наклонилась над ямкой между кочками. Видно, и там, неприметное со стороны, пульсирует недреманное око земли. Разнообразны «лица» родников. И «душа» у каждого тоже своя. Говорят, раньше, приглашая гостей на чаепития, хозяева делали такой «козырный ход»: приходите, самовар заполним из Бобковского ключа. А воду из Калининского продавали даже на Ирбитской ярмарке.

Споры о том, в каком ключе вода вкуснее, и сейчас вроде привычной разминки в разговоре. Но в одном жители Красногвардейского единодушны: нигде больше нет такого, как у них, земного дара.

Двести с лишним лет назад приникал к роднику рабочий люд, собранный к речке Ирбитке на строительство завода. Павел Петрович Бажов назвал это время «собакинской стройкой». В семидесятые годы прошлого века держатель кабаков Савва Собакин двумя моментами решил ознаменовать новый этап своей жизни: сменил фамилию на Яковлев и начал скупать заводы и строить новые — в том числе Ирбитский металлопрокатный завод, ныне Красногвардейский крановый. В грозное лето 1918 года здешней живой водой омывали раны бойцы Первого Камышловского стрелкового полка. Хоть и назван он Камышловским — по первой своей роте, но сформирован здесь, в нынешнем Красногвардейском. Когда в поселок пришли отряды, заводчане не стали прятаться за широкие спины и острые штыки соседей — 750 рабочих Ирбитского завода встали в строй. Первые бои были у родной околицы. Женщины носили мужьям еду в окопы

так же привычно, как в цехи, жали хлеб на простреливаемых полях.

Впервые здешние названия мне удалось услышать от немолодой свердловчанки, которая, пока была жива, каждое лето ездила в Талый Ключ на могилу отца. Уралец, революционный матрос Прокопий Тихонович Буланов, вступивший в отряд вместе с ирбитскими коммунистами, был ранен в бою, захвачен белыми в плен и четвертован.

Я тоже пришла к скромному обелиску, где длинный список похороненных в братской могиле открывает фамилия Г. А. Усиевича, политкомиссара Восточного фронта, соратника В. И. Ленина.

И промчавшиеся здесь события, и само название поселка — Красногвардейский — звонкое, как награда, не дают ему права затеряться в истории, уйти на обочину.

У меня хранятся копии писем П. Т. Буланова, которые он писал жене и дочери. Я взяла их с собой. И здесь, перелистывая письма, полные раздумий о жизни и людях, перебирая свидетельства прошлых лет, собранные в народном музее, думала о том, чем можно ответить из сегодняшнего дня тем, кто здесь, на этой земле, жизнью своей отстаивал Советскую власть.

«Я смело смотрю в будущее. Каково бы ни было теперь — впереди будет светло и радостно».

Из писем П. Буланова

Кое-где здешние родники пошли нынче по трубам: Красногвардейский завод построил для своих рабочих благоустроенный микрорайон: двухэтажные дома со всеми удобствами, озелененные дворы, просторный детский комбинат. Красногвардейский леспромхоз в заботе о людях идет своим путем. Если где-то чересчур «производственные» названия улиц и переулков — Бетонные, Автогенные — звучат грубо и неуклюже, то для жителей улицы Арболитовой в ее названии — сама поэзия. Леспромхоз освоил для сельских строек выпуск бетонных плит с наполнителем из древесных отходов. Других осчастливил и себя не обидел. Симпатичные арболитовые дома усадебного типа вытянулись уже на целую улицу. Есть новенький, с иголочки, магазин. Не без подсказки исполкома поселкового Совета леспромхоз подарил поселку детскую амбулаторию.

Красногвардейский опытный химлесхоз тоже располагает жилым фондом, имеет Дом культуры, детский комбинат, планирует пуск торгового центра.

Три ведомства в одном поселке. Бывает, садятся все три руководителя в машину председателя исполкома и едут смотреть «общие» объекты. И хоть порой белая «Нива» буксует в грязи и, хуже того, «буксует» решение некоторых

вопросов — Красногвардейский в общем итоге движется не назад, а вперед. И еще шире расправятся его улицы, когда будут построены давно необходимые поселку очистные сооружения.

Но дело, наверное, не только во внешних приметах. Куда важнее — характер коренного местного жителя. Как, из чего он сложился?

«В бывшем Оханском уезде под селом Дворцы анчутинская конница с боевым пулеметчиком Пановым А. П. стремительным ударом разбила батальон противника и освободила двадцать шесть красноармейцев, накануне захваченных белыми и приговоренных к расстрелу».

П. Бажов. Формирование на ходу

Легендарный конник Павел Никандрович Анчутин вскоре погиб в бою. Его именем названа улица в Красногвардейском. Боевой пулеметчик А. П. Панов вернулся домой, организовал артель «Красный доброволец», прообраз нынешней службы быта. Был непоседливым, шумным — в народе еще с гражданской звали его Санко Бесстрашный. Иногда на встречи с молодежью он ходил вместе с братом Иваном — в Камышловском полку они воевали рядом. Позднее Иван служил в Москве, учился на пулеметных курсах. Однажды кто-то из земляков увидел снимок, где после коммунистического субботника курсанты сфотографированы с Владимиром Ильичем Лениным, и опознал на ней Ивана Панова по характерному вздернутому носу.

Дочь Александра Панова большую часть жизни прожила на улице Анчутина. Ее зовут Евгения Александровна, по мужу она Бороздина.

Бороздины — тоже род коренной, давний и прочный. Григорий Селиверстович, свекор Евгении Александровны, был кузнецом. Сначала его кузница работала на разгром белогвардейщины, потом на победу социализма, потом на победу над фашизмом. Когда страна вставала на военные рельсы и надо было срочно проложить стальной путь от станции Талый Ключ до завода, старый кузнец сутками не уходил от горна. По рельсам, закрепленным его костылями, через год пошли поезда. Двое сыновей кузнеца в это время были на фронте. Одного из них, Геннадия, семья не дождалась.

Евгения Александровна Бороздина пришла на завод девчонкой, сразу после войны, нынче минуло сорок лет с того дня. Как начала токарем, так токарем и осталась. Только разряд поднимался и дошел до высшего, шестого. И авторитет рос. Громила недостатки с трибун партийных конференций, нянчилась с пэтэушниками. Во внеурочное время именно за ней прибежали, позвали в цех, когда случилось ЧП — встал паровоз и надо было срочно выточить к нему уникальную деталь.

На пенсию ее проводили с орденом Ленина. Но династия на том не кончилась. Сейчас работают на крановом ее муж, сын, невестка, брат, сестра. Люди негромкие, скромные, но попробуй представь завод, поселок без их умения, без их надежности.

*«Я жил и удивлялся — как это людей могут интересовать мизерные вещи и удовлетворять ничтожные результаты.
Я удивлялся, а меня не понимали, видели счастье в жалких грошах, за гроши убивали себя в пустой работе, на гроши разменивали свое мизерное «я».
Мне кажется, что и мир для них — тоже нечто мизерное, и жизнь мизерная, и небо мизерное, и счастье грошовое, мизерное...»*

Из писем П. Буланова

Зинаида Ивановна Костылева чаще всего видит небо сквозь вершины сосен. Одна из работниц опытного химлесхоза рассказывала, как летним утром встретила Зинаиду на дороге, идущую из леса, бодрую, свежую, нарядную. Зинаида Ивановна не утренний променад совершала. А шла уже с работы на перерыв. Пока другие еще досматривали предутренние сны, она успела в лесной избушке облачиться в спецовку и пройти от дерева к дереву с хаком в руках. Она вздымщица, добывает живицу. Работа считается денежной, но деньги эти, как известно, даются не просто. Заняты на подсочке в основном мужчины, но далеко не каждый справится. Как-то пожаловали за большими деньгами гости из одной солнечной республики. Их потом в тех соснах всем мастерским участком собирали — лес ведь не каждому дом родной.

Костылева работает в лесу уже более двух десятков лет. За большие производственные достижения ей была присуждена Государственная премия. Не раздумывая долго, в руках не подержав, Зинаида Ивановна перечислила ее в Фонд мира. Чтобы небо над вершинами сосен всегда было просторным и мирным.

Евгений Сергеевич Братчиков — оператор челюстного погрузчика в Красногвардейском леспромхозе. Работает красиво, точно. И с юмором. Если шофер неловко подаст автомобиль под погрузку, Братчиков может и качнуть его легонько: не зевай, мол, браток, а то и тебя погружу. Погрузчик свой он зовет самокатом. Самокат старенький, менять пора. С чем и приступил Евгений Сергеевич к большому начальству, приехавшему в лесосеку. Когда, мол, новая машина будет. Начальство вопрос поняло, но от ответа попыталось уклониться. Известно было, что Братчиков давно стоит в очереди за «Волгой». И высокий гость пошел на отвлекающий маневр: будет тебе «Волга», Евгений Сергеевич. Братчиков на лакомую наживку не клюнул:

— Э-э, нет, уважаемый товарищ. Ты самокат дай, а «Волга» когда-нибудь сама прикатит.
Два штриха к вопросу о масштабах счастья, о широте кругозора.

«Человек обязан думать не только о себе.
Мое «я» должно полностью или частично раствориться в этой внешней жизни, должно выполнять обязательные функции человека, гражданина, товарища».

Из писем П. Буланова

У мастера литейного участка Ивана Романовича Балачука было все, чтобы спокойно доработать до пенсии: около двадцати лет «горячего стажа», стабильный коллектив, налаженное хозяйство литейки. Но тут к нему приступили:
— Ты хороший хозяин. Соглашайся, больше некому. Ты ведь коммунист, Иван. Коллектив просит...
Его «сватали» принять подсобное хозяйство. А принимать, собственно, кроме должности, было нечего. Ни кола, ни двора. Приехал, глянул на будущую площадку, кинулся прочь. Вернулся. Так колебался две недели. Потом засучил рукава. Поехал по соседним хозяйствам. «Наводчиками» были то водитель встречной машины, то студент, подсаженный в его машину. Выспрашивал, где какая техника брошена, где есть лишняя животина хороших кровей. Сам признается: казанской сиротой прикидывался — где купит, а где и выпросит. Понемногу оброс хозяйством. Но и сегодня жизнь хлопотная.
— А,— махнул рукой,— ни выходных, ни проходных.
Последнее слово вылетело и камнем упало, напомнило о том, что такая привычная, такая родная ему заводская проходная теперь как бы ему не принадлежит. Не металлург он теперь, не машиностроитель — аграрник. Но о них, товарищах из цехов, все его хлопоты. Для него руководить — не руками водить. Нередко и сам берется за инструмент.
Мы разговаривали в кабинете, который на кабинет похож пока мало: не отремонтирован, не обставлен. Зато в других углах хозяйства был порядок: новый свинарник, склады, аккуратно засыпанный шлаком двор. А у навеса в это время стоял маленький красный трактор по имени «Дашка». И на него грузили свиные туши — первую продукцию подсобного хозяйства.

«Новые хозяева предприятия — рабочие сразу же берут все дела в свои руки. От управления завода была получена вся документация, а на коммерческой книге слесарь Иван Чебаков поставил ладонью первую печать».

Из истории Красногвардейского кранового завода

«Будь спокоен, отец: что вы завоевали, мы не отдадим...»
Из письма Героя Советского Союза
Н. Панова

Несложна вроде нынешняя продукция кранового — тали и краны ручные, краны-штабелеры, а идет нарасхват. Поставляют ее и за границу, в том числе в страны Европы. Конечно, в эти годы завод не стоял на месте — понемногу перестраивал цеха, насыщал их оборудованием. Но порой это напоминало латание дыр. Выдыхался ветеран, не поспевал в ногу со временем. Скажем, получил задание освоить нынче новый однотонный штабелер, и только на опытный образец хватило силенок. Требовалась революция.

И она свершилась. Красногвардейский завод стал частью производственного объединения Уралмаш. И теперь крановому никто не скажет: «Вы чье, старичье?» Он теперь и не старик вовсе, а подросток из хорошей семьи, младшее, всеми опекаемое дитя.

Многие проблемы решаются теперь с ходу. Появились: трактор на лесопилке, кирпич на стройке, мебель во вновь отстроенном клубе. Но все это мелочи. Главное: на современной основе идет обновление предприятия. Монтируется здание, где разместится заготовительное и механосборочное производство. Его, от документации до оснастки, готовит Уралмаш.

Нет, наверное, дня, когда бы на станции Талый Ключ не сошел бы с поезда кто-нибудь из уралмашевцев. Связисты покончили на заводе с игрой в глухие телефоны, инженеры АСУ прикинули, какие программы разработать. Отряд пришел, хорошо обученный и вооруженный. Так к лицу ли хозяевам завода прятаться за его спину? Нет, революция без них не свершится. Без Бороздиных, Ветлугиных, Пановых, Чебаковых, Пономаревых.

С Геннадием Владимировичем Пономаревым, бригадиром токарей, членом исполкома поселкового Совета, мы разговаривали о его семье, многочисленной, как бригада (четыре дочки у Пономаревых), о бригаде, дружной, как семья. Что характерно, бригадная форма организации труда родилась здесь не по приказу свыше, а сама собой, как естественная форма человеческих отношений. Сначала стали брать задание на два станка, потом на три.

Геннадий был в этом деле закоперщиком, негласным лидером. И только много времени спустя его по приказу назначили бригадиром.

У токарей резко поднялась производительность труда, выросла зарплата. Геннадий считает, что главная причина успеха — в общем, артельном характере труда, так свойственном русскому, советскому человеку:

— Если на покос выйдешь артелью или дрова рубить, разве

станешь на чьем-то горбу ехать, разве не захочется себя показать?
По итогам пятилетки бригадир награжден орденом «Знак Почета».
О чем мечтает уралмашевец из Красногвардейского Геннадий Владимирович Пономарев? На этот вопрос он уже ответил в анкете обкома КПСС: выпустить новый кран высшей категории качества, поработать всей бригадой на станках с числовым программным управлением.

«Не растут деревья с подрубленными корнями, не может нормально развиваться общество без опыта предшествующих поколений».
Из письма в 2017 год связиста Первого Камышловского полка И. Филаретова
Едва приехав в Красногвардейский, Тихон Павлович Калинин приобщился к его прошлому. На заводе ему дали задание собрать металлолом. Взяв на помощь школьников, он какое-то время охотился за бросовыми железками, а потом вышел с ребятами к Шайтанскому пруду, на отвалы кричного шлака давних, чуть ли не собакинских времен. Звенел под ломами богатый металлом шлак. Попадались гвозди, дверные навесы. Сохранившиеся, не убитые ржавчиной свидетельства честного труда. Рождался интерес к людям, здесь жившим.
С тех пор Калинин стал как бы живой историей — бессменный участковый инспектор милиции, всезнающий местный Анискин, постоянный депутат поселкового Совета и даже нештатный заместитель председателя исполкома. И сам он историями оброс — тут тебе и рискованные задержания, и тонкие беседы с подопечными разных возрастов. Ну а к истории поселка, к его истокам отношение у него самое уважительное.
Один из нынешних руководителей кранового завода вспоминает такой давний случай. Еще пацаном приехал он в Красногвардейский из Артемовского в футбол играть с местными соперниками. После матча пришли гости к роднику охладиться. Ну и забаловались. Подошел к ним строгий усатый милиционер и объяснил спокойно, но внушительно, что ключ — место святое, для игрищ и забав неподходящее.
Да, проникся Тихон Павлович духом здешней земли. Он первый помощник Александры Ивановны Панковой, хранительницы народного музея. То человека интересного подскажет, то посудину диковинную подарит.
Стараниями энтузиастов, и прежде всего самой Александры Ивановны, собраны богатства немалые. Старинные бытовые предметы, документы и фотографии времен гражданской войны, письма с фронтов Великой Отечественной,

в том числе весточки родным от летчика, Героя Советского Союза Николая Панова. Два Героя выросло в поселке. Вторым был Иван Старченков, тоже летчик.

Всем, что напоминает о ратном народном подвиге, Александра Ивановна дорожит особо. Ведь и она фронтовичка, бывший радист авиаполка. И небрежение к памяти она воспринимает остро, как личную обиду.

Пришли мы с ней на площадь, где было первое построение Камышловского полка, и увидели: обелиск покрашен, да так, что фамилии не прочесть. А их должна знать молодежь. Рядом с обелиском плита, где указано, что тут будет сооружен памятник землякам, погибшим во время Великой Отечественной войны. Больше десятка лет этой плите, и знаменует она теперь собой не столько благое намерение, сколько кощунственную забывчивость. Особенно неуместную сейчас, когда проступает на горизонте великая дата в жизни нашего государства.

«А жизнь так прекрасна и обширна, столько в ней светлых дорог и возможностей».

Из писем П. Буланова

Наташа вывела Стройного на волю. Его сухая остроухая голова возвышалась над Наташиной вязаной шапочкой недостижимо далеко. Но вот ловкое движение, и Наташа в седле, и две гордых головы почти рядом. Стройный пошел под ней легко, игриво. Следом двинулся Гриша Панчеха. А ребята тем временем чистили, седлали коней, выезжали верхом на покрытое травкой поле. Шло обычное занятие в конно-спортивной школе при подсобном хозяйстве Красногвардейского леспромхоза. Пока еще набирает силу это невиданное здесь дело. Но уже состоялись первые выезды на народ в честь Дня знаний, есть уже и красно-белая жокейская форма, и колокольчики «дар Валдая», принесенные старожилами, и щегольская, хоть и самодельная двуколка-качалка — сам директор пол-отпуска гайки крутил. А главное — есть у ребят гордость за хорошее, красивое дело, которым они владеют. Кому-то оно поможет выбрать дорогу в жизни, как помогло уже Сергею Никонову стать студентом сельскохозяйственного института. Кого-то, об этом больше всего мечтают создатели школы, привяжет к родному поселку, к окрестным лесам, старым и новым кварталам, холодным ключам и горячей литейке.

Как сказал семьдесят лет назад сегодняшний наш собеседник Прокопий Тихонович Буланов: «Родине нужны работники. Пусть каждый даст ей столько сил и труда, сколько может. А там и праздник будет».

Есть у революции начало...

ECT

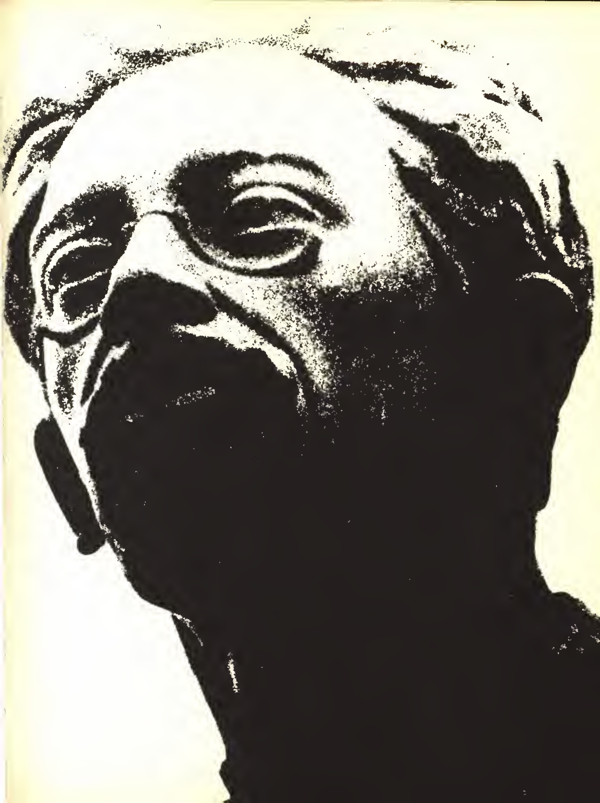

ьу

Есть у революции начало...

Н. Н. Попов

ОКТЯБРЬ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ (Страницы истории)

Скоро человечество будет отмечать конец двадцатого века, который принес с собой больше перемен, чем любое предшествующее столетие. И ни одна страна не внесла в эти перемены более весомого вклада, чем Союз Советских Социалистических Республик — родина Великого Октября. Начало всем этим грандиозным изменениям положила Великая Октябрьская социалистическая революция, означавшая наступление эры перехода человечества от капитализма к социализму. Великий Октябрь относится к числу тех событий мировой истории, значение которых со временем не уменьшается, а возрастает. «Чем дальше отходит от нас этот великий день,— писал в 1921 году В. И. Ленин,— тем яснее становится значение пролетарской революции в России, тем глубже мы вдумываемся также в практический опыт нашей работы, взятый в целом»[1].

На Среднем Урале, то есть на территории нынешней Свердловской области, издавна был сосредоточен крупный передовой отряд рабочего класса, который стал прочной опорой большевистских организаций и под их руководством шел в авангарде масс за свержение власти царизма и буржуазии. В 1917 году в пяти уездах Среднего Урала (Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском, Камышловском и Красноуфимском) насчитывалось около 154 тысяч рабочих, или свыше 40 процентов их общего количества на Урале. Это обстоятельство делало Средний Урал важной базой социалистической революции. Не случайно уральский пролетариат занял особое место в ленинском плане вооруженного восстания.

Ленинский курс на социалистическую революцию, провозглашенный в «Апрельских тезисах» вождя, получил горячую поддержку большевистских организаций Среднего Урала и значительной части трудящихся. 4 мая 1917 г. Совет рабочих и солдатских депутатов Екатеринбурга принял резолюцию, в которой призвал трудящихся сплотиться вокруг Советов и «готовиться к переходу власти в руки представителей революционной демократии». В июне аналогичное решение принял руководимый большевиками I Екатеринбургский окружной съезд Советов, на котором 100 делегатов от 40 городов и заводов представляли около 200 тысяч организованных рабочих и солдат. Процесс большевизации трудящихся масс шел с опережением по сравнению со всей страной. Это видно из решений II Уральского областного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшегося в августе в Екатеринбурге. Он стал первым в стране областным съездом Советов, принявшим большевистские решения.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 144.

Уверенная поступь революции в стране была констатирована на VI съезде РСДРП(б), взявшем курс на вооруженное восстание. Примечательно, что одним из делегатов на съезд партии екатеринбургские большевики единогласно избрали ее вождя В. И. Ленина.

Успехи большевиков в отвоевании масс в стране и на Урале на сторону пролетарской революции встревожили буржуазию, перешедшую в наступление после июльских событий в Петрограде. Но ленинская партия смогла сохранить, а на Урале даже упрочить свои позиции. Тогда контрреволюция сделала ставку на реакционеров во главе с генералом Корниловым. Контрреволюционный мятеж генерала Корнилова и его разгром рабочими и солдатами во главе с партией большевиков представляли, по выражению В. И. Ленина, невероятно крутой поворот событий 1917 года. Сразу после разгрома корниловщины революционный процесс в стране получил мощное ускорение и нарастал вплоть до Октября. Революционный взрыв приближали усилившиеся разруха и лишения. Они были вызваны продолжавшейся войной и усугублялись всевозможными попытками буржуазии задушить нарастающую революцию «костлявой рукой» голода. Дезорганизация производства, саботаж и локауты приняли такие масштабы, что делали хозяйственную катастрофу неизбежной. Владельцы предприятий намеренно вызывали трудящихся на эксцессы, сокращали объем работ, подвоз сырья и топлива, мешая работе транспорта, даже останавливали отдельные фабрики и заводы. «Закрытие заводов и фабрик, общее для всей России,— это сознательный план борьбы с революционным пролетариатом, с русской революцией,— писала 9 сентября 1917 года в статье «Об экономическом положении на Урале» газета «Рабочий путь», центральный орган РСДРП(б).— Причем необходимо отметить, что он ведется из единого центра». Этим центром, по мнению газеты, были русские и иностранные банки, которым принадлежало большинство уральских заводов.

5 сентября Совет съездов горнопромышленников Урала высказался за полную отмену твердых цен на продукты питания и фактически принял решение объявлять локауты и закрывать предприятия в тех случаях, когда органы Временного правительства на местах не смогут ликвидировать рабочий контроль. Так оно и произошло. К примеру, правления Алапаевского и Богословского округов сознательно спровоцировали конфликт, поставив рабочим категорическое требование не вмешиваться в руководство производством. Прекращение производства планировали владельцы заводов Злоказова и Ятеса в Екатеринбурге.

От развала экономики особенно сильно страдал пролетариат. Рост номинальной заработной платы, достигнутый в ходе февральской революции, был сведен на нет ростом цен и

отсутствием многих товаров. Цены на продукты питания и предметы первой необходимости только за сентябрь — октябрь 1917 года выросли на 340 процентов, превысив в десять раз предвоенный уровень. Заработная плата выдавалась с перебоями. На Таватуйском заводе, например, рабочие не получали ее в течение семи недель.

Горнозаводские районы буквально голодали. В телеграмме председателя Уральского областного военно-промышленного комитета, направленной 21 сентября Временному правительству, говорилось: «В Екатеринбурге запасов хлеба нет. На заводах хлеб выдается фунтами. Население местами недоедает, местами буквально голодает. Продовольственные организации осаждаются толпами из уездов, требующими хлеба. Положение самое серьезное, самое угрожающее». Начались стихийные выступления в Невьянске, Кушве, Бисерти, на Ревдинском заводе и в других местах.

В ряде мест Советы пытались как-то облегчить положение трудящихся. Так, в Нижнесергинском заводе районный съезд Советов рабочих депутатов решил организовать прямой обмен крестьянского хлеба на производимое заводами железо, установил минимум заработной платы для рабочих с учетом квалификации.

Хозяйственная разруха и голод до такой степени обострили бедствия трудящихся, что сделали их положение к осени 1917 года невыносимым. Подчеркивая это в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», В. И. Ленин указал на ряд революционных мер, которые могли спасти народ. В их числе были рабочий контроль над производством, национализация банков и синдикатов, передача земли в руки народа.

Осенью 1917 года на Среднем Урале, как и во всей стране, нарастал размах забастовочного движения. Особое значение имела Всероссийская железнодорожная забастовка, проходившая 24—27 сентября. Ее активно поддержали железнодорожники Урала. В Екатеринбурге перед стачкой на общем собрании железнодорожников выступил член обкома большевиков Ф. И. Голощекин, призвавший их к дружной, организованной борьбе. Представитель областного Совета вошел в стачечный комитет. Екатеринбургский и Надеждинский Советы выпустили воззвания, в которых призвали трудящихся поддержать забастовку на транспорте.

Несмотря на отказ меньшевиков и эсеров поддержать стачку, железнодорожники добились частичной победы. 4 октября «Уральский рабочий» опубликовал резолюцию рабочих и служащих станции Екатеринбург-1, в которой они выразили недоверие Временному правительству и соглашательскому руководству исполкома Всероссийского профсоюза железнодорожников, пошедшего на значительные уступки властям. Упорством и организованностью отличались проходившие в этот

период забастовки екатеринбургских печатников, рабочих Богословского и Надеждинского заводов. Стачечное движение возглавили большевики и массовые организации трудящихся. Так, Екатеринбургский окружной Совет рабочих и солдатских депутатов потребовал от Управления Кыштымского горного округа возобновить работу цехов Нязепетровского железоделательного завода. В докладе председателя бюро Совета съездов горнопромышленников Урала об этом говорилось: «...Названный Совет обратился к рабочим Кыштымского, Карабашского и Каслинского заводов и каменноугольных копей с воззванием, составленным в большевистском духе, призывая рабочих к открытой борьбе с капиталом и объявляя, что в первых числах октября месяца будет пущен в ход явочным порядком остановленный капиталом Нязепетровский завод».
Капиталисты использовали стачки как предлог для закрытия предприятий, надеясь, что голод сломит упорство рабочих.
В ответ на эту провокацию трудящиеся стали брать управление заводами и фабриками в свои руки. В начале сентября рабочие платиновых приисков, принадлежавших акционерному обществу Нижнетагильских и Луньевских горных заводов Демидовых в Верхотурском уезде, отстранили от должности управляющего и избрали комитет из 8 человек для руководства работой прииска. По предложению областного и Екатеринбургского Советов в октябре то же самое сделали рабочие льнопрядильной фабрики Жирякова в Черноусовской волости Екатеринбургского уезда. Собрание Совета рабочих депутатов и представителей заводов и рудников Верх-Нейвинского, Верхнетагильского и Нейво-Рудянского районов потребовало от администрации немедленно возобновить работу бездействующей доменной печи на Верхнетагильском заводе.
Рабочий контроль все более стал приобретать характер прямого вмешательства трудящихся в процесс производства. Рабочие комитеты и комиссии решали вопросы найма рабочих, увольняли реакционно настроенных чиновников, вмешивались даже в «святая святых» капиталистов — в их финансовые операции. Рабочий контроль над производством и распределением становился, таким образом, одним из самых важных средств мобилизации революционной энергии масс и предотвращения экономической катастрофы.
В революционную борьбу активно включилось и трудовое крестьянство. Крестьяне стали захватывать помещичьи и заводские земли, леса, инвентарь, жечь усадьбы. Управляющий Билимбаевским округом доносил 1 октября Главному правлению, что население округа вырубает тысячи деревьев в частновладельческих лесах, производит массовые захваты земель и нет никаких средств приостановить эти действия. Крестьяне Красноуфимского уезда фактически сорвали затеянную Временным правительством в сентябре перепись хлеба, скота и фуража.

Показательным является донесение туринского уездного комиссара в вышестоящую инстанцию, в котором он признал, что в деревне произошел «перелом в сторону, сулящую мало хорошего... что новая власть утратила доверие к себе крестьянства», а «все убеждения, призывы к исполнению гражданского долга не действуют».
Под влиянием большевистской агитации росла политическая сознательность крестьян. В Верхней Туре, например, была принципиально осуждена соглашательская политика по отношению к буржуазии, в Невьянске крестьянский сход отказался принять начальника милиции, назначенного уездным комиссаром, в Камышлове на уездном съезде была принята резолюция, требовавшая передать контрольную власть над административными органами на местах Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
VI съезд РСДРП(б), взявший курс на вооруженное восстание, обязал партийные организации уделить максимум внимания созданию вооруженных сил социалистической революции. После разгрома корниловщины эта работа выдвинулась на первый план. «История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный»,— писал В. И. Ленин в сентябре 1917 года [1]. Необходимость вооружения рабочих для борьбы с контрреволюцией горячо поддержало общее собрание Военной организации екатеринбургских большевиков. Мощно зазвучал голос рабочего класса. Так, собрание 600 рабочих завода Злоказова единогласно постановило «требовать через своих представителей от Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов немедленного вооружения рабочих по примеру рабочих Петрограда». Только за один день здесь записалось в Красную гвардию 80 человек.
Создать Красную гвардию — под таким лозунгом состоялись собрания и митинги в железнодорожных мастерских и депо станции Екатеринбург-I, на заводе Ятеса, Верх-Исетском заводе и т. д. Любопытна и поучительна резолюция собрания граждан и общественных организаций Нижнесалдинского завода: «Произвести удержание с заработка и жалования рабочих и служащих и дохода торговцев за сентябрь месяц 1917 года в размере одного процента на усиление средств Совета по содержанию милиции и вооружению Красной гвардии».
За резолюциями быстро последовали практические шаги. Екатеринбургский Совет на одном из заседаний признал необходимым создать красногвардейские отряды на предприятиях города, утвердил Положение о Красной гвардии и Устав, в основу которого легло «Положение о Московской Красной гвардии». При исполкоме Совета создается Центральный штаб, в состав которого вошли представители Совета, профсоюзов и начальники районных дружин, а руководителем назначен балтийский матрос П. Д. Хохряков, командированный в

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 264.

Екатеринбург Центральным Комитетом для подготовки вооруженного восстания.
Но какая же может быть гвардия без оружия? А его-то как раз не было. Многое решала предприимчивость. Верхнетуринские большевики еще летом направили двух своих энергичных представителей в Петроград и Ижевск, откуда и было доставлено два пулемета, много ружей и револьверов. Екатеринбургским красногвардейцам пришла на помощь Военная организация городского комитета РСДРП(б). Только отряд Красной гвардии завода Злоказова получил 60 револьверов. «Правда, в большинстве это было проржавленное оружие старой системы,— писал в воспоминаниях бывший красногвардеец А. Д. Авдеев,— но радость и энтузиазм были необычайны». По свидетельству А. Д. Авдеева, оружия на всех не хватило и его выдавали по жребию.
Создание Красной гвардии вызвало ожесточенное сопротивление буржуазии и соглашателей. «Уральский рабочий» писал 17 сентября, что их агитация стала превращаться «в прямое натравливание солдат на рабочих». В эту клеветническую кампанию включились эсеры и меньшевики. На заседании Екатеринбургского Совета 6 сентября эсер Колосов доказывал, что «если рабочие доверяют солдатам, то вооружение их не нужно». Солдаты же совершенно определенно высказали свое мнение. В качестве иллюстрации может служить собрание солдат 8-й роты 108-го пехотного полка, которое признало необходимым образовать рабочую Красную гвардию, объяснив это так: «Мы усилим наш вооруженный революционный авангард, который на защиту революции по первому требованию мог бы выступить вместе с нами не с голыми руками и не с одними знаменами, а с оружием в руках».
Упорная работа большевиков по созданию Красной гвардии принесла свои результаты. Накануне Октябрьского вооруженного восстания в отрядах Красной гвардии города Екатеринбурга насчитывалось около тысячи человек, а всего в уезде — примерно 1300. Складывалось крепкое революционное ядро, на которое могли опираться большевики.
Усилилась революционная деятельность и непосредственно в местных гарнизонах. Достаточно сказать, что Военная организация при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) только со 2 по 16 сентября провела в войсках два организационных собрания, 4 лекции и митинг. За это время 15 солдат поступили в партийную школу пропагандистов, была создана также школа политического воспитания солдатских масс.
Пламенным трибуном на солдатских митингах был П. Д. Хохряков. 13 октября 500 солдат 108-го полка заслушало его доклад о текущих событиях и потребовало перехода власти к Советам, заявив, что «только такое правительство способно дать справедливый мир всему народу и крестьянам — землю. Все эти

требования мы будем поддерживать вплоть до вооруженного выступления». Днем раньше такую же резолюцию по докладу П. Д. Хохрякова приняли солдаты 124-го полка. Важно было привлечь на свою сторону солдат из национальных меньшинств. В Екатеринбургском гарнизоне среди них активно действовали большевики С. Саидгалеев, С. Касимов и Г. Касимов, возглавлявшие областной мусульманский военный Совет. В конце сентября они наладили издание газеты «Урал Тауши» («Голос Урала»), выходившей на татарском языке. Газета распространялась как среди солдат, так и среди гражданского населения. В политических взглядах солдат Екатеринбургского гарнизона произошел перелом. Если в мае 1917 года они шли за эсерами и меньшевиками, а в июле многие из них колебались, то в конце сентября — октября рядовой состав воинских частей почти полностью поддерживал большевистские лозунги. Характерное признание сделал пермский губернский комиссар, заявивший, что нет гарнизона «худшего во всей губернии по составу и настроению», чем Екатеринбургский, и «в борьбе с большевизмом местным органам правительства опереться решительно не на что и не на кого».

Солдаты устали от продолжавшейся четвертый год войны и требовали мира, полной демократизации армии, передачи земли крестьянам. Теперь они связывали свои надежды только с Советами. Многие солдаты перестали доверять командованию и подчиняться его приказам. Участились случаи дезертирства. Это заставило командование армии ввести конвоирование рот, отправлявшихся на фронт, что вызвало бурный протест солдат. Характерна резолюция собрания солдат 124-го полка Екатеринбургского гарнизона: «Мы считаем для себя оскорблением ехать под конвоем, как арестанты. Мы — граждане свободной республики, а не рабы...»

Многие солдаты отказывались выполнять карательные функции в деревне, все большее число их переходило на сторону пролетариата. Бюро Военной организации екатеринбургских большевиков опубликовало в газете «Уральский рабочий» «Проект наказа товарищам солдатам, едущим в деревню». В этом документе излагалась позиция ленинской партии по основным вопросам текущего момента, разоблачалась клевета буржуазной печати в адрес рабочего класса. Солдатам поручалось также рассказать крестьянам правду о грабительской войне. Наказ призывал бороться за передачу всей власти Советам и за переход земли в руки крестьянских комитетов. Вооружившись наказом и партийной литературой, около 200 солдат созданного в Екатеринбурге землячества отправились в октябре семнадцатого года в деревни Пермской губернии. Хорошо зная крестьянские нужды, солдатские агитаторы быстро завоевали популярность среди деревенской бедноты. Подчеркивая это, «Уральский рабочий» писал, что после бесед

агитаторов-солдат часть населения, иногда значительная часть, изредка даже большинство, склонялась к поддержке большевиков.

Резко упало в массах влияние эсеров. В сентябре полностью распалась Невьянская эсеровская организация. «Уральский рабочий» опубликовал письма екатеринбургских рабочих И. Л. Пехтерева и А. М. Чадова, которые вышли из партии эсеров, разочаровавшись в ее лозунгах и политике. Газета утверждала, что «уход революционных работников из нереволюционной партии эсеров, ведущей соглашательскую политику с контрреволюционной буржуазией, происходил в те дни ежедневно».

Эсеровскую партию обескровил происходящий в ее рядах раскол. Выделившееся из нее крыло, недовольное политикой лидеров, стояло на крайнем левом фланге мелкобуржуазной демократии и вело за собой немало солдат и крестьян. По ряду вопросов левые эсеры стояли на правильных, революционных позициях, и большевики считали возможным сотрудничать с ними.

Еще больший разброд царил у меньшевиков. Показательно, что после выступления представителя областного комитета РСДРП(б) П. К. Зарина на митинге рабочих угольных копей Богословского горного округа все рабочие — члены меньшевистской организации заявили о разрыве с ней и вступили в партию большевиков. «Мертвыми душами» назвала газета «Уральский рабочий» членов Нижнетагильской меньшевистской организации.

И в это же самое время, в канун революции, стремительно нарастал авторитет большевистских организаций Среднего Урала. Их число в октябре 1917 года превысило 50 за счет создания осенью нескольких новых организаций: Артинской, Березовской, Билимбаевской, Верхотурской, Калатинской, Карабашской, Саранинской, Турьинской и Уткинской. В пяти среднеуральских уездах, где, по признанию пермского губернского комиссара, «большевизм укрепился серьезно и прочно», в октябре насчитывалось примерно 15,7 тысячи членов большевистской партии, что составляло чуть менее половины всего состава Уральской областной организации РСДРП(б).

К числу крупнейших партийных организаций края, насчитывавших в своих рядах по тысяче и более членов, относились Алапаевская, Верхнетуринская, Кушвинская, Невьянская, Сысертская. От 200 до 500 человек входило в Атигскую, Асбестовскую, Верхнесалдинскую, Каменскую, Камышловскую, Надеждинскую, Нижнесергинскую, Нижнетагильскую, Полевскую, Ревдинскую, Северскую и другие организации.

Ведущей большевистской организацией края оставалась Екатеринбургская — 3 тысячи членов. Ее возглавляли партийные работники, имевшие большой опыт политической работы в массах,— И. М. Малышев, В. Н. Андронников, Ф. И. Голощекин,

Н. Н. Крестинский, Л. И. Вайнер, Н. М. Давыдов и другие. Авторитет ее был столь высок, что его признавал даже пермский губернский комиссар Временного правительства. В донесении министру внутренних дел он отмечал, что «Екатеринбург, являющийся центром... области, является... центром большевизма».
Активно шел процесс большевизации Советов. Важной победой стало завоевание Екатеринбургского городского Совета. К концу сентября его состав уже не отражал настроений масс. Возникла парадоксальная ситуация — эсеро-меньшевистское руководство противостояло большевистски настроенному в целом Совету. В ходе перевыборов, которые состоялись с 10 по 25 октября, большевики получили две трети депутатских мандатов, что свидетельствовало о признании трудящимися правильности их политической линии. На большевистские позиции перешли также Верх-Нейвинский, Калатинский, Нейво-Рудянский и другие Советы. Накануне Октября все 25 Советов Екатеринбургского уезда находились под руководством большевиков. Преобразованные Советы сразу взяли под свой контроль экономические проблемы. Невьянский Совет упорядочил сроки выдачи заработной платы рабочим округа, Нижнесергинский районный съезд Советов вместе с представителями профсоюзов учредил рабочий контроль над действиями администрации при приеме и увольнении рабочих и служащих, а также установил обязательный минимум оплаты труда чернорабочих на заводах Сергинско-Уфалейского округа. По просьбе рабочих Калатинского рудника Шайтанского округа исполком Уральского областного Совета выразил решительный протест, когда администрация попыталась закрыть предприятие.
Острой проблемой Советов стала продовольственная, надо было предотвратить голод. Верхнетуринский Совет, например, выявил все запасы продовольствия в волости и распределил его по заранее составленным спискам.
Такие меры несколько смягчали остроту кризиса, но не могли решить его. Ревдинский Совет подчеркивал в связи с этим в своем постановлении, что недостаток продовольствия в стране и голодные бунты вызваны империалистической войной и политикой соглашателей. Автор корреспонденции из Ревды писал в «Уральском рабочем»: «Рабочие не хотят ждать, голод не тетка, ждать больше нечего, обещания эсеров кушать не будешь. Бывшее Временное правительство дало рабочим камень вместо хлеба. У народа больше нет доверия Временному правительству, организованному на почве коалиции. Его насущные требования — власть Советам».
Почти полное завершение процесса большевизации Советов Среднего Урала продемонстрировали состав и итоги работы открывшегося 13 октября в Екатеринбурге II окружного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором

было представлено 244 тысячи человек. Из 110 делегатов съезда 82 голоса принадлежало большевикам, 21 — эсерам, причем в основном левым, 3 — меньшевикам, остальные — беспартийным. Примечательно, что на съезде не оказалось ни одного меньшевика-оборонца.
По всем обсуждавшимся на съезде вопросам были приняты большевистские решения. В резолюции по текущему моменту прямо говорилось, что «открытое столкновение между буржуазией, возглавляемой Временным правительством, и пролетарско-крестьянско-солдатской демократией начинается». За эту резолюцию, призывавшую к немедленному переходу власти в руки Советов, проголосовало 83 делегата, остальные — воздержались.
На съезде были одобрены действия окружного Совета по реквизиции фабрики Жирякова, Нязепетровского завода и других предприятий, утвержден план действий по разрешению конфликтов между рабочими и предпринимателями.
В новый исполком Екатеринбургского окружного Совета вошло пять большевиков и два левых эсера. Председателем исполнительного комитета стал В. Н. Андронников, секретарем — П. М. Быков.
Съезд убедительно показал, что рабочие и солдаты Центрального Урала готовы к вооруженному восстанию. Не случайно «Уральский рабочий» назвал этот форум «смотром перед боем». Осенью 1917 года большевики края добились решающего влияния и в такой массовой организации пролетариата, как профсоюзы. В октябре профсоюзы Среднего Урала объединяли свыше половины всех рабочих и служащих. Это была огромная сила, опираясь на которую большевики направляли борьбу трудящихся за установление рабочего контроля над производством и распределением, за повышение заработной платы. Так, 20 сентября собрание союза трудящихся Алапаевского округа потребовало от управляющего округом немедленного выполнения утвержденных Советом прибавок к заработной плате. В случае же отказа — немедленная забастовка. Проходившая 15 октября в Екатеринбурге I городская конференция фабзавкомов, объединявших до 10 тысяч рабочих, потребовала перехода власти в руки Советов и призвала все фабзавкомы города и округа активно бороться за свержение эксплуататорских классов. В созданный конференцией Центральный совет фабзавкомов Екатеринбурга вошли И. М. Малышев, Р. Ф. Загвозкин и другие большевики. В Центральный штаб Красной гвардии города был избран А. Д. Авдеев, а делегатом на Всероссийскую конференцию фабзавкомов — Н. М. Давыдов, которому был дан наказ «стоять на большевистской точке зрения».
В канун вооруженного восстания мощно зазвучал голос молодого поколения. Молодежные организации были оформлены

на Верх-Исетском заводе, фабрике Логинова, в железнодорожном депо, на заводах Злоказова и Ятеса, на монетном дворе и других предприятиях. В сентябре с помощью приехавшего из Екатеринбурга П. Завьялова социалистические ячейки рабочей молодежи создаются на Северском, Березовском, Богословском, Верхнесинячихинском, Верхнетуринском, Калатинском, Михайловском, Надеждинском, Полевском и других заводах Среднего Урала. Они помогали партийным организациям вовлекать рабочую молодежь в активную борьбу за победу социалистической революции.

В сложных условиях, учитывая засилье эсеров и меньшевиков в муниципальных органах, разворачивалась борьба уральских большевиков за средние городские слои. Но если в июне — июле на выборах в городские думы по количеству поданных за них голосов большевики шли на втором месте после эсеров, то в сентябре — октябре положение коренным образом изменилось. На выборах в земства практически во всех заводских центрах Среднего Урала за представителей РСДРП(б) голосовало абсолютное большинство избирателей. На Верх-Исетском заводе, например, большевики получили 23 места, эсеры — 9, меньшевики — ни одного.

Крупного успеха добились сторонники ленинской партии на выборах в Екатеринбургскую думу, проходивших в начале ноября. Они проводились повторно, поскольку результаты первых, проводившихся в июле, опротестовал губернский комиссар, ложно обвинивший большевиков в нарушениях закона. Уловка не помогла. Эсеры, меньшевики, бундовцы, народные социалисты — все они резко сдали свои позиции. Большевики, наоборот, получили в сравнении с летними выборами на 67 процентов голосов больше и, завоевав 39 мест, стали самой сильной фракцией в думе.

О значительном влиянии большевиков Среднего Урала в массах осенью 1917 года свидетельствуют и результаты выборов в Учредительное собрание. Большевистская партия, не преувеличивая значения Учредительного собрания, выступала в его поддержку как демократического парламента. Уральская областная конференция РСДРП(б) указывала в связи с этим, что выборную кампанию нужно рассматривать как один из этапов в борьбе за расширение и углубление политических завоеваний пролетариата, поэтому выдвинула в качестве основной задачи «не погоню за местами, а прежде всего использование повышенного политического интереса... в целях революционного просвещения масс».

Несмотря на активное противодействие эсеров, результаты предвыборной агитации большевиков на Среднем Урале оказались весьма впечатляющими. Если по стране кандидаты большевистской партии получили четверть всех голосов, то в Екатеринбургском уезде — 42,8 процента, в Камышловском —

30,8. На многих заводах — Сысертском, Верхнетуринском, Нижнеисетском, Северском, Березовском, Верх-Исетском и Невьянском за них проголосовало абсолютное большинство избирателей.

За большевистские списки отдали свои голоса и многие крестьяне края, среди которых в целом пока преобладали эсеры. Тем не менее в Серебрянской волости Верхотурского уезда ленинская партия получила 67 процентов голосов избирателей, в Новолялинской — 58.

Накануне вооруженного восстания по решению Центрального Комитета партия большевиков провела по всей стране широкую кампанию за созыв II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. На Среднем Урале повсеместно прошли массовые митинги и собрания, принявшие резолюции с требованием немедленного созыва Всероссийского съезда Советов, который, как заявили, например, екатеринбургские железнодорожники, «должен взять всю верховную власть». Рабочие Верх-Исетского завода заявили на общем собрании о своей полной готовности поддержать авангард рабочего класса — петроградский пролетариат и матросов — не только на словах, но и на деле. Собрание солдат 124-го пехотного полка подчеркнуло: «В случае сопротивления и нежелания буржуазного правительства Керенского уйти от власти мы готовы поддержать Советы в их борьбе за власть и мир».

Делегатам, избранным на Всероссийский съезд Советов, трудящиеся давали большевистские наказы. В Петроград направлялись телеграммы, свидетельствовавшие о полной поддержке съезда, о готовности рабочих и солдат края оказать необходимую помощь.

Вопрос о вооруженном восстании был поставлен на очередь дня В. И. Лениным в письмах в ЦК, Петроградский и Московский комитеты: «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание», написанных 12—14 сентября. В них Владимир Ильич сумел очень точно определить благоприятное соотношение классовых сил в пользу пролетариата и его союзников. «За нами,— писал он,— большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы. За нами большинство народа... За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь... За нами верная победа...» [1]

Твердая уверенность В. И. Ленина в победе вооруженного восстания базировалась на том факте, что партия вела за собой не только подавляющее большинство рабочих, но и основную часть революционных солдат и матросов. Анализируя впоследствии итоги выборов в Учредительное собрание, вождь революции сделал вывод, что вся армия в октябре—ноябре 1917 года была наполовину большевистской.

В уральских гарнизонах большевики тоже пользовались значительным влиянием и вместе с левыми эсерами вели за

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 244.

собой примерно две трети всех солдат. На выборах в Учредительное собрание в Екатеринбургском гарнизоне список большевиков получил 77,4 процента солдатских голосов, тогда как эсеры и меньшевики — лишь 10,9. Вместе с многочисленными отрядами рабочей Красной гвардии революционно настроенные солдаты составили огромную силу, готовую в любой момент вступить в вооруженную борьбу за установление диктатуры пролетариата. Один из руководителей Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б), прапорщик 124-го полка В. И. Туголуков, отмечает в воспоминаниях: «Перед Октябрьской революцией (я) получил задание от Голощекина: подобрать из большевиков-солдат группу, на которую можно было вполне положиться в том случае, если бы понадобились вооруженные силы».

Революционная ситуация в стране и на Урале становилась все более очевидной. 15 октября «Уральский рабочий» опубликовал статью В. И. Ленина «Кризис назрел», в которой излагался план вооруженного восстания. Важное место в нем отводилось уральскому пролетариату. Он должен был сломить сопротивление местной буржуазии и в случае необходимости прийти на помощь обеим столицам, обеспечить связь центра страны с Сибирью и Туркестаном для оказания им поддержки и доставки оттуда продовольствия в промышленные районы. Эта принципиально важная установка была своевременно доведена до большевиков края.

Для исхода борьбы за власть в крае огромное значение имело ленинское партийное руководство местными организациями. Центральный Комитет имел перед Октябрем прочную связь с большевиками Урала. В заседаниях ЦК неоднократно принимал участие председатель Уралобкома РСДРП(б) Н. Н. Крестинский. Неоценимую помощь в подготовке вооруженного восстания на Урале оказали командированные сюда Центральным Комитетом Ф. И. Голощекин, М. К. Муранов, Н. Г. Толмачев, П. Д. Хохряков, А. В. Шотман. Они провели большую работу в массах, возглавили ряд серьезных участков революционной деятельности областной партийной организации.

Итак, трудящиеся Среднего Урала, как и всей страны, были готовы под руководством большевиков подняться на последний и решительный бой за свержение эксплуататорской власти.

Под руководством большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина рабочие, солдаты и матросы Петрограда выступили с оружием в руках против буржуазного Временного правительства и низложили его. 25 октября 1917 года открылся II Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов, созыва которого так упорно добивались трудящиеся страны. Подавляющее большинство делегатов съезда представляли сторонников ленинской партии. В их числе были и посланцы

Среднего Урала — представители Алапаевского, Екатеринбургского, Надеждинского, Невьянского, Нижнесергинского и Нижнетагильского Советов. В день открытия Всероссийского съезда состоялось первое заседание переизбранного Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно приняло адресованное съезду приветствие и выразило «твердую уверенность, что съезд, сильный поддержкой всей страны, положит конец нынешнему недопустимому политическому положению, возьмет власть и твердой рукой поведет русскую и международную революцию к новым победам и миру».
В соответствии с волей трудящихся II Всероссийский съезд Советов объявил о переходе власти в стране в руки Советов, обязав их повсеместно обеспечить подлинный революционный порядок. Он принял исторические декреты о мире и о земле. В первом из них был указан народам реальный путь выхода из войны, во втором говорилось о передаче в руки трудового крестьянства всех помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель со всем инвентарем. Съезд образовал рабоче-крестьянское правительство во главе с В. И. Лениным.
Трудящиеся Среднего Урала узнали о решениях съезда Советов из газеты «Уральский рабочий», опубликовавшей их 1 и 2 ноября, а также от выступивших перед ними делегатов съезда — П. М. Быкова, Ф. И. Голощекина, Н. М. Давыдова, Т. С. Кузнецова, А. К. Лепы, В. И. Туголукова и других большевиков. Вопреки ожесточенной агитации меньшевиков и правых эсеров, рабочие и солдаты края повсеместно одобрили решения II Всероссийского съезда Советов и заявили об их поддержке. Об этом говорилось в резолюциях, принятых в конце октября — начале ноября на собраниях железнодорожников, рабочих и служащих фабрики Логинова и Макарова, правлением профсоюза металлистов в Екатеринбурге, рабочими Верхнесинячихинского, Верхнетуринского, Надеждинского, Невьянского, Сысертского и других заводов, а также Арамильской фабрики, Уральским областным мусульманским военным советом, солдатами многих частей и подразделений Екатеринбургского гарнизона, крестьянами деревни Носковой Бруснятской волости Екатеринбургского уезда и другими. Так, в резолюции общего собрания пяти тысяч рабочих Невьянского завода было записано: «Мы, рабочие завода, горячо приветствуем петроградский пролетариат в лице Совета рабочих и солдатских депутатов за смелый и решительный шаг, за взятие власти в свои руки и со своей стороны обещаем полную поддержку всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем, хотя бы для этого понадобилась наша жизнь для сохранения власти и дорогой нашей свободы».
В ночь на 26 октября Екатеринбургский Совет получил известие о свержении Временного правительства и утром того же дня объявил себя единственной властью в городе. Он сразу отстранил от власти уездного и городского комиссаров

буржуазного правительства, закрыл контрреволюционную газету «Зауральский край», принял меры для обеспечения ежедневного выпуска печатного органа Совета — газеты «Борьба». Все жизненно важные пункты города были взяты под охрану красногвардейцев и революционных солдат. На железнодорожную станцию, почту и телеграф направлялись комиссары Совета. Под его контроль ставились действия командования гарнизона. Коллегии пропагандистов было поручено разъяснить военнослужащим смысл происходящих событий.

Вечером 26 октября в городском театре состоялось экстренное собрание Екатеринбургского Совета, на котором присутствовало 350 его членов и большое количество рабочих и солдат. Они с воодушевлением заслушали сообщение о победе вооруженного восстания в Петрограде и переходе власти в руки Советов.

На следующий день исполнительные комитеты Уральского областного и Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов обратились к местным Советам с предписанием брать в свои руки власть, смещать представителей старой власти, всякое сопротивление подавлять силой оружия.

Опираясь на красногвардейцев и революционных солдат, Екатеринбургский Совет развернул активную работу, направленную на пресечение саботажа и открыто контрреволюционной деятельности противников новой власти. Ускоренным ходом шло формирование и обучение отрядов Красной гвардии.

В конце октября в Екатеринбургском гарнизоне был создан сводный отряд из революционных солдат. Командиром его стал прапорщик 124-го полка В. И. Туголуков.

Руководствуясь указаниями ЦК партии, екатеринбургские большевики готовили вооруженные силы для упорной борьбы при любом развитии событий в стране. «Вся провинциальная армия,— писала 29 октября газета «Уральский рабочий»,— должна привести себя в полную боевую готовность, чтобы в случае нужды двинуться на помощь революционному петроградскому авангарду или, может быть, в случае разгрома петроградцев принять бой с наступающей контрреволюцией здесь, на местах».

29 октября при Екатеринбургском Совете был создан военно-революционный комитет, получивший неограниченные полномочия по охране города. В его состав вошли 4 большевика и сочувствовавший им беспартийный. Исполком городского Совета и военно-революционный комитет приняли решительные меры по пресечению действий контрреволюционеров. Они сместили не подчинившегося им начальника гарнизона полковника Марковца, арестовали командира 126-го полка полковника Обухова, который издал приказ с изложением провокационной телеграммы Керенского. Командирам воинских частей было предписано объявлять в приказах и распространять воззвания только по разрешению исполкома Совета.

Несмотря, однако, на принятые меры, в конце октября обстановка в городе обострилась. Забастовка почтово-телеграфных служащих, антисоветские происки офицеров-эсеров, отсутствие надежной связи с Петроградом создавали почву для распространения в городе различных провокационных слухов. Положение усугублялось нехваткой продовольствия и авантюристическими действиями местных анархистов. В этих условиях эсеры внезапно вышли из исполкома Совета.

30 октября городской комитет эсеровской партии в ультимативной форме потребовал от исполкома Совета создания в Екатеринбурге «однородной социалистической власти, образованной из представителей социалистических партий и революционных организаций», но «без диктатуры одной партии или части демократии».

Исполнительный комитет Екатеринбургского Совета под давлением его председателя Л. С. Сосновского, стоявшего на капитулянтских позициях, принял эсеровский ультиматум, хотя мог и не делать этого, так как за спиной большевиков стояли рабочие города и три четверти солдат гарнизона. Предложение эсеров было вынесено на общее заседание Совета, которое вынуждено было согласиться на передачу власти коалиционному органу. В него вошли по два представителя от исполкомов Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов, партий большевиков и эсеров, профсоюзов железнодорожников и почтово-телеграфных служащих, Центрального бюро профессиональных союзов, Центрального совета фабрично-заводских комитетов, а также по одному представителю от меньшевиков и Бунда.

Согласие на такой объединенный орган власти, в котором большевики имели лишь около половины мест, было крупной ошибкой большевистской фракции Совета, поскольку это развязывало руки для подрывной деятельности контрреволюционных партий и организаций.

Войдя в «революционный комитет», большевики вовсе не собирались ограничивать права Совета. Они считали, что образование коалиционного органа власти, формально стоящего над Советом,— мера временная. Поэтому они сразу поставили своей задачей ликвидировать так называемый «революционный комитет», для чего заняли руководящие позиции в его президиуме и усилили работу по укреплению Советской власти. Правые эсеры и меньшевики вскоре убедились, что их попытка ликвидировать ее путем образования коалиционного «ревкома» не удалась, и даже провели совещание с целью создания нового «комитета спасения». Но сделать это им не удалось.

7 ноября состоялось заседание Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, обсудившее в числе других вопросов и положение, сложившееся в городе в связи

с созданием «революционного комитета». В ходе обсуждения выяснилось, что не Совет зависит от него, а наоборот.
В принятой резолюции подчеркивалось, что вопросы, связанные с армией, а также взаимоотношениями труда и капитала, оставлены в ведении Совета. Эсерам было предложено «ввести обратно своих представителей в исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и тем доказать на деле, что они не стремятся к замене Совета революционным комитетом». При соблюдении этих условий, постановил Совет, он не будет отзывать своих представителей из объединенного комитета, поручив им вести в нем последовательную революционную линию.
В утверждении Советской власти в Екатеринбурге важную роль сыграла городская конференция РСДРП(б), которая рассмотрела вопрос об отношении к коалиционному ревкому и о текущих делах Совета. Она подчеркнула, что всякие колебания в проведении линии II съезда Советов способны лишь усилить позицию контрреволюционных элементов. На конференции выступили делегаты II съезда Советов П. М. Быков, избранный на нем членом ВЦИК, и Ф. И. Голощекин, входивший в состав Петроградского ВРК. Перед отъездом на Урал они были приняты В. И. Лениным, который высказал им мысли о работе по укреплению власти Советов на Урале, предложил усилить борьбу с мелкобуржуазными партиями. Вскоре после конференции стойкий ленинец П. М. Быков заменил Сосновского на посту председателя Екатеринбургского Совета.
По призыву большевиков рабочие и солдаты, среди которых велась активная разъяснительная работа, за короткий срок на многочисленных митингах и собраниях выразили отрицательное отношение к объединенному ревкому и потребовали установить единовластие Совета. Характерна резолюция, принятая на собрании рабочих и служащих Екатеринбургских железнодорожных мастерских. В ней отмечалось: «Мы требуем единой Советской власти и никакой другой подчиняться не намерены, в случае же неудовлетворения наших требований мы встанем на защиту нашего Совета и не позволим умалить его значения». Подобные резолюции приняли рабочие многих предприятий города, солдаты местного гарнизона.
Эсеро-меньшевистская агитация в массах не имела успеха. Газета «Уральский рабочий» рассказала 21 ноября, что лидера местных эсеров солдаты 124-го полка выгнали с митинга. Убедившись, что не только рабочие, но и многотысячный гарнизон города стоит за единовластие Совета, большевики поставили вопрос о ликвидации объединенного революционного комитета. Для того, чтобы окончательно выявить волю трудящихся масс, Совет по предложению большевиков решил провести в городе по примеру Петрограда День Совета.
Он стал боевым смотром революционных сил, сплоченных

вокруг большевистской партии и Советов. Большевики выпустили к этому дню листовку, разоблачающую контрреволюционную политику меньшевиков и правых эсеров и призывающую к установлению в Екатеринбурге единовластия Совета. 21 ноября в городе состоялись грандиозные митинги и демонстрации рабочих и солдат, показавшие, что ревком не пользуется у них никакой поддержкой. На следующий день ревком сам заявил о своей ликвидации. Единственным органом власти в Екатеринбурге вновь стал Совет рабочих и солдатских депутатов, возглавивший первые социалистические преобразования.

Вслед за городским Советом активные меры по установлению власти трудящихся принял и Екатеринбургский окружной Совет рабочих и солдатских депутатов. 27 октября он телеграфировал всем Советам округа: «Немедленно возьмите власть в руки Совета, милиция всецело подчиняется Совету... Примите строгие меры охраны заводов и складов, вводите немедленно контроль над производством. Организуйте Красную гвардию, если милиция ненадежна, оружие передать Красной гвардии». Окружной Совет потребовал немедленно отстранить от должности комиссаров Временного правительства и сделать все для предотвращения каких-либо эксцессов.

Получив эту телеграмму, местные Советы стали устанавливать свою власть. Исполком Нижнесалдинского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов обратился с воззванием к трудящимся, в котором призывал встать с оружием в руках на защиту Советской власти, «грудью встретить всех, кто посягнет на завоеванные свободы». Сосредоточив в своих руках всю власть и отстранив от нее земство, Совет решил немедленно созвать собрание Красной гвардии, вооружить ее, расставить караул, взять под охрану телеграф, станцию.

Билимбаевский Совет рабочих и крестьянских депутатов сразу после получения телеграммы объявил себя единственной властью в заводском поселке. Впрочем, осуществлять ее он фактически начал раньше. Руководимый большевиками Совет распорядился приостановить погрузку чугуна, который заводская контора собиралась отправить по железной дороге потребителям. Эта мера была ответом на отказ управления Билимбаевским заводом повысить заработную плату рабочим, на его стремление сократить производство. Теперь, получив поддержку из Екатеринбурга, трудящиеся могли действовать против капиталистов с еще большей революционной решительностью.

В Невьянске сообщение о победе пролетарской революции в Петрограде было получено 27 октября. По инициативе большевиков при Невьянском Совете создается революционный комитет во главе с С. Ф. Коськовичем, которому поручается подавить контрреволюционные силы и обеспечить порядок в заводском поселке. Эта сложная задача была с честью выполнена. Важную роль в этом сыграла Красная гвардия Невьянского

завода, вооруженная в первой половине ноября с помощью военно-революционного комитета Петроградского Совета.
В конце октября Советская власть была установлена на заводах Сергинско-Уфалейского горного округа — Верхнесергинском, Михайловском, Нижнесергинском. В первые дни после победы вооруженного восстания в Петрограде взяли власть в свои руки Советы Алапаевского, Надеждинского, Кушвинского, Ревдинского, Сысертского и других заводов, Егоршинских угольных копей, Турьинских рудников.
В горнозаводских районах, где удельный вес пролетариата был относительно велик, Советская власть была установлена быстрее, чем в других местах. До начала ноября 1917 года взяли власть в свои руки все Советы Екатеринбургского, 11 из 20 — Верхотурского и 6 из 8 — Красноуфимского уездов.
Гораздо медленнее революционные процессы развивались в тех уездных центрах, где не было крупных промышленных предприятий, а значит, и прочной пролетарской базы. Так, Камышловский Совет рабочих и солдатских депутатов создал революционный комитет, в который вошли три эсера и два большевика и который стоял на платформе создания «однородного социалистического правительства». Но влияние большевиков в городе росло. 14 ноября на митинге солдат 157-го пехотного полка после выступления П. Д. Хохрякова было принято решение бороться за переход власти к Советам. Солдаты потребовали переизбрать Совет, полковой и ротные комитеты, разоружить офицеров и гимназистов, взять под охрану оружие и немедленно снабдить им рабочих. Вскоре Совет был переизбран.
В Ирбите Совет, полковой и ротные комитеты находились в руках эсеров, которые распространяли в массах провокационные слухи. Начальник гарнизона капитан Ендржевский неоднократно помещал в своих приказах телеграммы Керенского, губернского комиссара Архангельского и атамана Дутова, в которых лживо сообщалось о свержении Советской власти в Петрограде. Это способствовало возникновению черносотенного погрома, который подавили красногвардейцы, прибывшие из Екатеринбурга, Алапаевска, Егоршино. Советская власть была установлена в Ирбите, а также в Красноуфимске лишь в начале 1918 года.
Сложной и длительной оказалась борьба за Советскую власть в Нижнем Тагиле, где большевики не занимали в конце октября руководящих позиций в Совете. Борьба в городе обострилась до предела. Меньшевики и эсеры саботировали декреты Советского правительства, не давали большевикам вести политическую работу в массах, захватили в свои руки оружие. Тогда Нижнетагильский комитет РСДРП(б) направил своих представителей за оружием в Петроград, где они получили, по свидетельству А. В. Бархатова, «несколько ящиков новых

трехлинейных винтовок и пулемет». Это помогло серьезно укрепить Красную гвардию — ударную силу пролетариата и его партии.

15 декабря на заседании Нижнетагильского Совета большевики добились решения о проведении перевыборов, поскольку его старый состав не отражал настроений трудящихся масс. Действительно, перевыборы принесли успех большевикам, которые получили преобладание в Совете. Его председателем стал Д. Н. Добрынин. Совет своим решением сместил комиссара Временного правительства на заводах Нижнетагильского горного округа.

В целом на Среднем Урале Советская власть была установлена относительно быстро. К началу ноября ее провозгласили 38 Советов из 54, то есть свыше 70 процентов.

В деревне борьба была более длительной и упорной.

На Центральном Урале, как и в других районах России, она затянулась в ряде мест до весны 1918 года. Однако в тех волостях, где существовали объединенные Советы рабочих и крестьянских депутатов, их единовластие было установлено в первую неделю ноября. Так произошло, в частности, в ряде волостей Екатеринбургского и Верхотурского уездов.

В установлении Советской власти в деревне важную роль сыграли демобилизованные солдаты, впитавшие идеи Ленина. Они создавали и чаще всего возглавляли сельские Советы, сплачивали вокруг себя деревенскую бедноту и колеблющееся среднее крестьянство в борьбе с кулачеством. Вот что говорилось, например, в постановлении солдат, вернувшихся с фронта, в селе Ялунинское Ярославской волости Ирбитского уезда в декабре 1917 года: «Мы, нижеподписавшиеся граждане Ярославской волости, бывшие жители окопов, возвратясь в свои родные углы и увидя ужасную картину темноты деревни, которая все еще живет старой жизнью, в которой являются хозяевами священник, торговец и зажиточный кулак,— пришли к такому заключению: не медля ни минуты нужно начать работу по организации партии большевиков-интернационалистов как единственной защитницы всего обездоленного трудового народа». Эти 77 фронтовиков действительно не медлили ни минуты. Они тут же избрали президиум организации во главе с А. И. Шадриным, поставили вопрос о борьбе с контрреволюционерами, в частности, о создании Красной гвардии и ее вооружении, установили связь с областным комитетом РСДРП(б).

В. И. Ленин высоко оценил роль демобилизованных солдат в установлении и упрочении Советской власти в деревне.

В марте 1918 года он указывал, что «советские организации... только теперь, когда вернулись с фронта солдаты, дошли до последнего деревенского захолустья» [1].

Центром революционного притяжения трудящихся Среднего Урала был Екатеринбург. Его опорой в свою очередь стали

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 85, 86.

красногвардейцы, ядро которых составляли рабочие предприятий города. Руководил Красной гвардией города П. Д. Хохряков, а ее отдельными отрядами — А. Д. Авдеев, С. С. Большаков, В. В. Воеводин, П. З. Ермаков, М. Куренных. Общее количество красногвардейцев в Екатеринбурге превышало в ноябре тысячу человек. Они выполняли охранные функции и активно боролись с контрреволюционерами. По решению городского Совета в декабре был сформирован и отправлен на дутовский фронт сводный отряд из красногвардейских дружин. Красногвардейцы, погибшие в боях с мятежниками, были торжественно похоронены в Екатеринбурге. Сейчас над их братской могилой пылает вечный огонь славы.
Общеуральское значение имела в этот период деятельность Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, оказывавшего большую помощь отдаленным поселкам и деревням. Его посланцы участвовали в создании многих уездных Советов и других органов нового государственного аппарата. Не случайно III Уральский областной съезд Советов, состоявшийся в Екатеринбурге в конце января 1918 года, заявил, что «Екатеринбургский Совет может смотреть на Уральский Совет как на свое детище... чем Петроград является для всей России, тем стал Екатеринбург для Советов всего Урала».
По предложению большевиков Екатеринбургский городской комитет Социалистического союза рабочей молодежи взял на себя инициативу областного объединения юношеского движения. С этой целью 25 ноября в Екатеринбурге был созван Первый областной съезд Социалистического союза рабочей молодежи Урала. На нем была представлена 21 организация с 2644 членами союза, в том числе Екатеринбургская, Верхнетуринская, Новолялинская, Полевская и другие. Делегаты обсудили и приняли программу и устав союза, избрали областной комитет. На съезде была оформлена Уральская организация Социалистического союза рабочей молодежи — его первое областное объединение в стране. Тем самым был сделан крупный шаг на пути к созданию Российского Коммунистического Союза молодежи.
Установление Советской власти в крае открыло дорогу первым социалистическим преобразованиям в экономике. Уже 27 октября в воззвании исполнительного комитета Уральского облсовета говорилось, что областной Совет немедленно приступает к организации контроля над фабриками и заводами, а фабрично-заводским комитетам и профессиональным союзам вменяется в обязанность выработать через Советы те практические меры, которые будут признаны необходимыми. Совет руководствовался при этом «Положением о рабочем контроле», написанным В. И. Лениным и утвержденным ВЦИК в качестве декрета.
В начале декабря в Екатеринбурге прошла первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала, разработавшая инструкцию и план осуществления рабочего контроля над

производством. Она избрала Центральный совет фабзавкомов края и предложила им организовать на предприятиях советы рабочего контроля.

Уральские горнопромышленники и другие капиталисты понимали, что рабочий контроль над производством окончательно подорвет их экономическое господство. В качестве ответной меры горнопромышленники решили прекратить выдачу денежных средств и закрыть заводы, на которых вводится рабочий контроль. Саботаж привел к тому, что промышленность Урала оказалась на грани финансового кризиса.

Единственным выходом из создавшегося положения была национализация промышленных предприятий. В конце ноября В. И. Ленин встретился с представителем Уральского областного Совета В. А. Воробьевым, который рассказал ему о состоянии экономики края, о тяжелом финансовом положении уральских рабочих. Владимир Ильич распорядился немедленно арестовать саботажников и конфисковать все заводы на Урале.

Вскоре по инициативе В. И. Ленина были национализированы предприятия Богословского горного округа, а затем Сергинско-Уфалейского, Невьянского, Алапаевского, Верх-Исетского и других. Началась «красногвардейская атака» на капитал, покончившая с экономическим господством крупной буржуазии на Среднем Урале и в стране в целом. Хозяином и организатором промышленности стали сами рабочие, сделавшие максимум возможного для ее возрождения и развития на новой, социалистической основе.

70 лет прошло с того исторического момента, когда произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, в результате которой народ нашей страны взял власть в свои руки и первым в мире стал прокладывать путь в коммунистическое будущее всего человечества. За эти годы, преодолев тяжелейшие испытания гражданской и Великой Отечественной войн, другие трудности, советские люди смогли построить социалистическое общество. В его создание и совершенствование заметный вклад внесли трудящиеся Среднего Урала.

ГЕРОЕВ СЛАВНЫХ ИМЕНА

Рассказы Н. Н. Попова об уральских большевиках С. А. Черепанове, Р. Ф. Загвозкине, А. Н. Жилинском, Н. Н. Крестинском, А. Н. Захарове записал Ян Хуторянский.

С. А. Черепанов

О революционной деятельности Сергея Александровича Черепанова, к сожалению, мало известно, да и в литературе имя Черепанова встречается весьма редко. Отчасти это можно объяснить тем, что Сергей Александрович был великолепным конспиратором. Достаточно сказать, что его много раз арестовывали, но почти всегда выпускали на свободу из-за «недостатка улик».

Сергей Александрович был первым председателем первого Екатеринбургского Совета. И было это в грозовые годы первой русской революции — осенью 1905 года.

Он стоял у истоков первого в стране Совета — Алапаевского, а также Надеждинского. Уже одно это говорит о том, что Черепанов обладал великолепными организаторскими способностями. Его отличал высокий уровень политического и культурного развития. Вот что пишет о нем в своих воспоминаниях Клавдия Тимофеевна Новгородцева-Свердлова: «Он был одним из любимых агитаторов Екатеринбургской организации. Прямой, бесхитростный, чуткий, Черепанов был всегда окружен рабочими, всем до него было дело, да и сам он, прирожденный массовик, тянулся к людям, легко сходился с ними». В те годы многие вступали в партию в юношеском возрасте. Но Черепанов и здесь выделялся поначалу среди окружающих своей совсем мальчишеской фигурой. Он стал членом марксистского кружка в Кунгуре в пятнадцать лет. К осени 1905 года Сергей Александрович становится ближайшим помощником и другом Якова Михайловича Свердлова. Одной из постоянных явок товарища Андрея был дом Черепанова, который стоял на углу нынешних улиц Белинского и Энгельса. К сожалению, сейчас он снесен. Свердлов проводил совещания в этом доме и ночевал здесь же. Об этом достаточно подробно говорится в воспоминаниях прачки Митюниной, которые хранятся в архиве Свердловского обкома партии.

Когда в 1910 году Черепанов вернулся из очередного заключения, то сразу же включился в работу и вместе с другими товарищами восстановил Уральский комитет РСДРП. Черепанова всегда направляли в те места, где было особенно трудно. Его организаторскому таланту обязаны своим рождением многие местные партийные организации. Нельзя не сказать и о том, что Сергей Александрович и его жена, соратник по борьбе, Мария Алексеевна в эти трудные для партии годы осуществляли через Надежду

Константиновну Крупскую постоянную связь уральских большевиков с вождем революционного пролетариата Владимиром Ильичем Лениным. Когда сейчас перечитываешь документы о том, что Пражская конференция большевиков созывалась в числе других и по инициативе Уральской партийной организации, то, конечно же, осознаешь, что большая заслуга в этом принадлежит непосредственно С. А. Черепанову.

Сергей Александрович был последовательным, стойким ленинцем. Характерен такой факт. Весной 1911 года в Екатеринбург прибыл из центра представитель меньшевиков некто Григорьев. Он пришел к Черепанову и попросил устроить встречу с активистами городского комитета партии, который, по его сведениям, состоял из меньшевиков. Сергей Александрович заявил, что организованных меньшевистских организаций нет не только в Екатеринбурге, но и на всем Урале, за исключением Челябинска. Тогда Григорьев попытался оказать давление на Черепанова, чтобы тот публично поддержал позицию ликвидаторов на предстоящих выборах в IV Государственную думу. Сергей Александрович просто выгнал навязчивого визитера из квартиры. Резко, но только так, непримиримо, он поступал со всеми отступниками от ленинской линии.

Будучи мобилизованным в армию, Черепанов и там себя считал посланцем партии. В Петрограде он работал в военной организации сначала при городском комитете партии, а затем при Центральном Комитете РСДРП(б).

Он с редкой самоотверженностью отдавался партийному делу, не щадя ни времени, ни сил. Есть документальные свидетельства о том, что он принимал участие в создании газеты «Солдатская правда», вместе с Лениным выступал на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б). Именно ему было поручено сделать доклад о целях, задачах и формах работы военных организаций большевиков. Делегаты конференции избрали Черепанова в состав Всероссийского бюро военных организаций РСДРП(б).

20 июля 1917 года газета «Уральская правда» напечатала основательную статью об итогах этой конференции.

Подпись под ней «Лука» была хорошо известна уральским пролетариям. Они знали, что под этой партийной кличкой скрывается от репрессий Временного правительства С. А. Черепанов. Как видим, он не прерывал связи с уральским краем.

В октябре 1917 года С. А. Черепанов вошел в состав военно-революционного комитета при Петроградском Совете, под руководством которого и совершилась первая в мире победоносная социалистическая революция.

Затем Сергей Александрович работал некоторое время в Сибирском совнархозе. В начале гражданской войны — и это тоже характерно для него — он, можно сказать, сам направил себя на труднейший участок — подпольную работу. Жизнь его трагически оборвалась в Тюмени. По доносу провокатора он был арестован и расстрелян белогвардейцами под чужой фамилией. Именно поэтому о нем долгое время ничего не было известно. Совсем недавно в Заречном районе Свердловска одна из улиц названа именем Сергея Черепанова. Она состоит из красивых девятиэтажных домов и действительно достойна его памяти. Увековечено его имя в Кунгуре, Томске и других городах.

Р. Ф. Загвозкин

На нынешней улице имени Горького в Свердловске сохранилось здание бывшей электростанции «Луч». На здании укреплена мемориальная доска, посвященная памяти Романа Федоровича Загвозкина, видного деятеля Екатеринбургской партийной организации, участника трех революций. Родился Р. Ф. Загвозкин в 1882 году в семье золотоискателя Березовского прииска. Рано стал трудиться, рано включился и в революционную деятельность. Участвовал в забастовках, а повзрослев, стал их организатором. В 1905 году, работая на электростанции, был избран членом Совета, помогал Я. М. Свердлову и другим большевикам в организации городской боевой дружины. Созданная им на станции дружина была одной из самых первых и надежных в Екатеринбурге.

После февральской революции Загвозкин был в числе первых организаторов профсоюзов и фабрично-заводских комитетов на Урале. После победы Октября его избирают председателем фабзавкома профсоюза городской электростанции, членом городского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Екатеринбургского и кандидатом в члены Уральского комитетов партии. Одно время он был областным комиссаром труда.

Дел у него, как видим, было очень много. Он выступает с докладами на собраниях и митингах, участвует в заседаниях различных общественных организаций, в решении крупных хозяйственных проблем, принимает посетителей в комиссариате.

Роман Федорович не был профессиональным оратором, особым, так сказать, красноречием не отличался, однако он умел хорошо найти путь к сердцу любого простого человека, и рабочие любили его слушать, поскольку аргументы его всегда шли от глубокого знания жизни.

Р. Ф. Загвозкин возглавил Екатеринбургскую партийную организацию после гибели на фронте Ивана Михайловича Малышева в начале гражданской войны. Немного удалось

ему сделать на этом посту, тем более, что здоровье его быстро ухудшалось. Во время наступления белогвардейцев Роман Федорович сделал все возможное для того, чтобы отступить с наименьшими потерями и при этом нанести врагу наибольший урон.

Осенью восемнадцатого года он поехал в командировку в Москву. Сильно приболел, но все-таки настоял на том, чтобы выступить в Сокольниках перед москвичами и рассказать им о положении на Урале, убедить, что отступление Советской власти в этом важнейшем регионе является делом временным.

Затем Р. Ф. Загвозкин был направлен на лечение, но вскоре скончался. Было ему тогда всего тридцать шесть лет. Он прожил короткую жизнь, и вся она без остатка была отдана трудовому народу.

А. Н. Жилинский

В мае 1986 года на одной из улиц Свердловска была открыта мемориальная доска, посвященная Александру Николаевичу Жилинскому. Этому человеку, нашему земляку, посчастливилось быть участником многих крупных событий, происходивших на Урале в первой трети нашего века.

Он даже внешне выглядел созданным для больших дел. Рост под два метра, мощная фигура и при этом добрая улыбка, веселый нрав. Матушка-природа даровала ему многое, но человека-борца вылепила из него суровая жизнь, революционная борьба.

В 1905 году Александр Николаевич участвует в революционных событиях в Петербурге. Причем как специалиста-печатника его включили в отряд по захвату типографии. Именно эти акции позволили Петербургскому Совету наладить выпуск своей газеты и привлечь широкие массы трудящихся на свою сторону. Скрываясь от преследования полиции, Жилинский приехал на Урал, работал в Перми, Екатеринбурге и других городах.

Весóм вклад А. Н. Жилинского в подготовку и проведение Первой (Свободной) социал-демократической конференции Урала, которая состоялась в Екатеринбурге в апреле 1917 года под руководством Якова Михайловича Свердлова. 22 апреля, в День рабочей печати, при участии Александра Николаевича вышел первый номер газеты «Уральская правда» — органа Уральского областного комитета РСДРП(б). Издавать газету было очень сложно, поскольку своей типографии большевики не имели, а владельцы типографий наотрез отказывались печатать «большевистскую пропаганду». А потребность в своей газете была огромной — потоку лжи, которая лилась со страниц буржуазных изданий, так нужно было противопоставить правду о рабочем движении, о программе пролетарской революции. Жилинский с товари-

щами работал то в одной, то в другой типографии. По ночам. Сами набирали, сами печатали, верстку и корректуру заканчивал Жилинский, он же и доставал бумагу.
Лишь с девятого номера Александру Николаевичу удалось договориться с наборщиками и печатниками типографии братьев Кац, и тогда более или менее регулярно стала печататься газета. И все-таки это был лишь временный выход. По призыву областного комитета партии рабочие начали сбор средств на покупку собственной типографии. С большими трудностями удалось купить в Челябинске оборудование и перевезти его в революционную столицу Урала. 21 августа 1917 года в Екатеринбурге, в доме на углу Кузнечной и Крестовоздвиженской, состоялся большой праздник — открытие типографии «Прибой». Купили хлеба, колбасы, пили чай, пели революционные песни, а потом пошли плясать. Не усидел на месте, как пишет в своих воспоминаниях Александр Николаевич, и «сам» Крестинский — председатель Уралобкома партии. Так начала свою жизнь первая рабочая легальная типография на Урале.
После Великого Октября Жилинский, выполняя волю партии, занимается ликвидацией буржуазных газет, которые клеветали на молодую Советскую власть. Затем он был назначен председателем делового совета типографии «Уральский край», переименованной впоследствии в типографию Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов.
Солдат партии, А. Н. Жилинский с оружием в руках отстаивал завоевания пролетариата. Он был первым комендантом многих уральских городов, которые освобождала Красная Армия: Глазова, Вятки, Перми, Екатеринбурга, Камышлова, Талицы, Ишима. За образцовую службу командование наградило Александра Николаевича двумя именными часами и револьвером.
После гражданской войны снова фронт — на сей раз хозяйственный, ликвидация последствий разрухи. Жилинского назначают чрезвычайным уполномоченным по борьбе с заразными болезнями, которые свирепствовали в то голодное время. Он хорошо проявил себя и на этом непривычном для себя участке работы. Затем его «бросают» на другой горячий участок — заготовку топлива. Везде, куда бы ни направляла его партия, он с честью выполнял ее задания.

Н. Н. Крестинский

Недавно я побывал в музеях Революции в Москве и Ленинграде и с удовлетворением отметил, что в том и другом музее есть упоминание о Николае Николаевиче Крестинском. Фотография Николая Николаевича помещена в многотомной истории партии, где он характеризуется как видный деятель

большевистской партии периода трех русских революций. Это имя близко и дорого уральцам — Н. Н. Крестинский от имени Уральского областного комитета партии провозгласил Советскую власть в Екатеринбурге. Произошло это 26 октября 1917 года в помещении оперного театра. Крестинский являлся председателем обкома партии в историческом 1917 году.

Николай Николаевич вступил в большевистскую партию в самом начале ее создания — в 1903 году. По заданию партии работал в Вильнюсе, Витебске, Каунасе, избирался членом большевистских комитетов. Много раз подвергался арестам.

Последний, пятый раз его арестовали в 1914 году, в Петрограде. В начале мировой империалистической войны члены фракции большевиков IV Государственной думы были отданы под суд за отказ поддержать грабительскую братоубийственную бойню. Вместе с ними приговорили к ссылке и Н. Н. Крестинского — юрисконсульта большевистской фракции. Местом ссылки был избран Екатеринбург. Здесь Николай Николаевич быстро установил связи с большевиками и очень многое сделал, чтобы легальные рабочие организации стали опорными пунктами революционной борьбы.

В сентябре 1915 года Крестинский принимает участие в совещании партийных работников Урала, которое заняло последовательную интернационалистскую позицию по вопросу о войне. Бурная политическая деятельность не могла не быть замечена охранкой. В государственном архиве Свердловской области сохранилось много жандармских документов, свидетельствующих о том, что за Николаем Николаевичем велась постоянная слежка. Вскоре после совещания он был выслан из революционной столицы Урала в глухой тогда городок Кунгур под строгий полицейский надзор. Неимоверно усложнилась связь с Петроградом, Москвой, Екатеринбургом. Николаю Николаевичу было запрещено выезжать куда-либо из Кунгура. Обойти этот запрет помогло положение присяжного поверенного, т. е. адвоката. Правда, для того чтобы получить разрешение на временную отлучку, приходилось преодолевать бюрократические рогатки. Крестинский подавал в таких случаях прошение пермскому губернатору с точным указанием города, цели и времени поездки, оно пересылалось уполномоченному по охране Верхотурского и Екатеринбургского уездов. Тот накладывал визу и сообщал о своем решении екатеринбургскому полицмейстеру и кунгурскому исправнику. Так Крестинский приезжал в Пермь, и лишь немногие посвященные знали, что истинной целью

поездки является оказание помощи местным партийным организациям в качестве представителя Русского бюро ЦК. Под адвокатской ширмой Крестинский смог принять участие уже как представитель Кунгура в совещании партийных работников в Екатеринбурге.
Сразу же после февральской революции Крестинский выехал из Кунгура в Пермь, где по его инициативе состоялось совещание партийных работников Урала. На нем был создан оргкомитет по восстановлению Уральской областной организации большевиков. Николай Николаевич, ставший председателем оргкомитета, сообщил о его создании в Екатеринбург, Лысьву, Невьянск. В этом письме, хранящемся в госархиве Пермской области, Крестинский охарактеризовал состав комитета как преимущественно большевистский и подчеркнул, что он будет немедленно пополнен представителями исключительно большевистских организаций крупных рабочих центров. Деятельность комитета серьезно помогла организационному оформлению большевиков Урала. Во второй половине марта 1917 года Николай Николаевич выехал в Петроград для участия в работе Всероссийского совещания Советов, а также совещания партийных работников. В отличие от некоторых партийных работников, допустивших серьезные ошибки по вопросу об отношении к Временному правительству, Крестинский совершенно однозначно указал на неизбежность столкновения с буржуазией, подчеркнул, что «Временное правительство и мы — две враждебные силы». Такую же бескомпромиссную ленинскую позицию он занял и в дискуссии об объединении с меньшевиками. 4 апреля 1917 года Николай Николаевич слушает выступление В. И. Ленина, его знаменитые «Апрельские тезисы», а затем возвращается на Урал, где вместе с Я. М. Свердловым возглавляет подготовку и проведение Первой (Свободной) социал-демократической конференции Урала, на которой он, как говорится в первом томе «Очерков истории коммунистических организаций Урала», дал достойную отповедь «оборонцам». По предложению Крестинского, конференция единогласно приняла решение о привлечении военнопленных к участию в праздновании Международного дня солидарности трудящихся Первого мая. Николай Николаевич вошел в состав избранного конференцией областного комитета партии, а вскоре стал также заместителем председателя Екатеринбургского комитета РСДРП(б). На этих постах он проделал огромную работу по сплочению большевистских сил на Урале, по усилению их влияния в массах. Он фактически

руководил и редакцией газеты обкома партии «Уральская правда», затем «Уральский рабочий», неоднократно выступал в них со статьями.

Слово Крестинского пользовалось большим авторитетом. Так, 18 июля он дважды выступал на митинге солдат Екатеринбургского гарнизона. Его оппонентами были два эсеровских краснобая. Как ни усердствовал этот слаженный дуэт, почти единогласно была принята резолюция, в которой солдаты осудили травлю партии большевиков и выступили за переход власти в руки Советов. Признанием огромного авторитета Крестинского явилось и его заочное избрание на VI съезде РСДРП(б) членом Центрального Комитета партии.

После съезда началась подготовка к вооруженному восстанию и ЦК партии назначил из своего состава уполномоченных в наиболее важные регионы страны. На Урале таким представителем был Крестинский. Он поддерживал постоянную письменную и личную связь с Центральным Комитетом, приняв участие в ряде заседаний — 13, 20, 21 и 23 сентября.

После установления Советской власти в Екатеринбурге и на Урале в целом Крестинский уехал в Петроград. Сначала — нарком финансов Советской Республики, затем — секретарь Российской Коммунистической партии большевиков. С 1921 года он стал послом в Германии, участвовал в Генуэзской конференции. С 1930 года и до конца своих дней Н. Н. Крестинский — дипломат ленинской школы — работал заместителем наркома иностранных дел.

А. Н. Захаров

В фондах комиссий по делам красногвардейцев и красных партизан, которые бережно хранятся в государственных архивах Пермской и Свердловской областей, буквально тысячи документов. Это подлинные свидетельства революционной борьбы уральского пролетариата с царским самодержавием. Просматриваешь их, и за тем или иным «делом» встает яркая личность. И начинается активная работа памяти.

Захаров Александр Николаевич... Человек, который сыграл особую роль в революционных событиях на Урале. Именно он привез в наш край решение Центрального Комитета партии о проведении вооруженного восстания в стране. Об этом долгое время не было известно, поскольку подготовка к восстанию велась скрытно и многие действующие лица в целях конспирации оставались «за кадром».

Александр Николаевич по происхождению из рабочей среды. Тринадцатилетним он и сам пополнил ряды рабочего класса, став учеником маляра за три рубля

в месяц. Затем перешел в главные железнодорожные мастерские Перми, а впоследствии — на Мотовилихинский завод. Там, в Мотовилихе, во время исторических событий 1905 года, он и был принят в ряды партии. Был на баррикадах во время Мотовилихинского вооруженного восстания, разбирал железнодорожное полотно и стрелки, чтобы власти не могли вызвать солдат на подавление забастовки.

Будучи мобилизованным в армию, Захаров активно участвует в февральской революции в Петрограде. Как агитатор, он скоро становится известным среди солдат и рабочих Выборгской стороны. Затем работает в военной организации при ЦК партии.

А. Н. Захарову доверяют очень важный пост — охрану здания Центрального Комитета партии большевиков. Его назначают комендантом дворца Кшесинской. Ясно, что после июльских событий, когда реакция подняла голову, Захаров немедленно попал в поле зрения ищеек Временного правительства. Его отправили в пересыльную тюрьму, где он просидел несколько месяцев, но затем был освобожден по требованию солдат своей роты.

В октябре семнадцатого года Захаров был секретно командирован Центральным Комитетом партии на Урал со специальным поручением. Точнее, их у него было несколько. Во-первых, он привез письмо товарища Ленина уральским рабочим. Во-вторых, резолюцию ЦК партии от 10 октября, в которой излагалась программа подготовки восстания. Было и третье поручение — письмо Я. М. Свердлова к Уральскому областному комитету РСДРП(б) о задачах уральских большевиков в предстоящий революционный момент, а также его устный наказ уральцам — брать власть в свои руки, всемерно поддержать выступление петроградского пролетариата, а в случае, если оно потерпит поражение, полностью взять инициативу в свои руки. Вот эти слова и были опубликованы в конце октября семнадцатого года в газете «Уральский рабочий».

Все поручения были выполнены, письма сданы председателю Уралобкома Н. Н. Крестинскому. Затем Захаров отправился в Пермь, где принял участие в установлении Советской власти. Лишь спустя многие годы стало известно о той особой роли, которую сыграл посланец партии А. Н. Захаров в подготовке и проведении вооруженного восстания на Урале.

Петр Ермаков

ПРОДОЛЖАЕМ БОРЬБУ

Петр Петрович Ермаков (1883—1945) — уроженец завода Бисер бывшей Пермской губернии. Он рано лишился отца. Детство его прошло в обстановке крайней бедности и полуголодного существования. С тринадцати лет пошел на тяжелую работу. После долгих мытарств на временных заработках П. Ермаков становится забойщиком на железных рудниках.

В 1905 году Ермаков и его друзья Петр Костарев и Яков Просвирнин организовали в Бисере партийную группу, которая руководила Советом рабочих депутатов в 1905 году.

В 1908 году за революционную деятельность П. П. Ермакова царское правительство высылает вначале в Тюмень, а затем в Енисейскую губернию. На родину вернулся лишь через девять лет, вскоре после февральской революции.

В 1918 году П. П. Ермаков работал председателем Совета рабочих депутатов, партийного комитета и Делового совета Бисерского завода. С началом гражданской войны принимал активное участие в формировании отрядов Красной Армии. П. П. Ермаков написал книгу «Воспоминания горнорабочего», изданную в 1947 году и описывающую дореволюционные события. Он продолжал работать над книгой, но закончить не успел. Публикуем отрывок из неизданной рукописи.

В Тюмень я и мой товарищ Вялых прибыли накануне так называемого «заговенья на великий пост». Переночевали в полицейском участке, под вечер нас освободили. Пошли бродить по незнакомому городу в поисках пристанища. Ходили час-другой, никто не пускает. Куда ни зайдем, всюду пир горой — провожают масленицу. Уже темнеть стало, хоть обратно иди под полицейскую крышу. Наконец один старик, хозяин постоялого двора, указал на покосившийся маленький двухэтажный домишко:

— Идите в этот дом, там хозяйка добрая.

Приходим, хозяйки не оказалось, уехала с мужем в гости, а старушка-квартирантка пустить в дом без хозяев категорически отказалась. Упросили ее взять хотя бы вещи на хранение, чтобы сходить поесть.

Закусили порцией кислых щей в харчевке на базарной площади и снова пошли к домику, горестно рассуждая: ну, мало-мало поели, а где будем спать — аллах ведает, да и за ночлег расплатиться нечем. Правда, у нас были на руках тюремные квитанции на сданные нами в Пермской тюрьме 23 рубля. Но когда-то еще тюрьма удосужится их переслать...

Подходим, слышим: шум, гам, песни, музыка. Вышла хозяйка — женщина пудов на шесть, спросила, кто мы такие и откуда. Рассказали ей коротенько, что шахтеры мы, но милостью

властей предержащих предложено нам отдохнуть от тяжелой работы и пожить некоторое время в граде Тюмени. Она, оглядев нас с ног до головы, отдает приказ:
— Раздевайтесь, господа, и проходите наверх.
Мы переглянулись с Вялых, думаем, что за оказия? Надо же — из тюрьмы на бал. Попытались отказаться, хозяйка что-то крикнула. Смотрим, спускаются со второго этажа два молодых здоровенных человека, она им командует:
— Взять их наверх.
И потащили нас, добрых молодцев, проводить масленицу. На пирушке мы оказались небесполезными, так как оба умели играть на гармонике и балалайке, и наше знакомство с сибирской публикой началось с роли музыкантов. Разумеется, наши отощавшие желудки были удовлетворены с избытком, а мой друг не отказался от того, от чего «люди в горе песни поют, а от радости плачут». Под утро, когда мне пришлось раскладывать по полу провожавших масленицу, я и своего друга обрел спящим под столом.
Ну, вечер и ночь были хороши, как же нас встретит день? Если вчера хозяева были гостеприимны, то как, протрезвевшие, отнесутся к нам? К тому же мы были ходячими «клоповниками» — насобирали насекомых по пересыльным камерам. Наши невольные почесывания заметила хозяйка и говорит:
— Вам, господа, нужно сходить в баню!
— С большой охотой сходили бы, хозяюшка, да, к сожалению, ни копейки денег нет, кроме тюремных квитанций.
Ожидая от нее ответ, какой обычно встречают безденежные квартиранты — «просьба очистить квартиру», мы услышали необычное:
— А сколько вам нужно?
Робко назвали сумму в пять рублей. Она без лишних разговоров дает просимое.
Ходим по Тюмени в поисках работы день, неделю, месяц, и все тщетно. В 1908 году начался промышленный кризис, а в Тюмени он особенно сильно сказался. И не только ссыльные, но и многие местные рабочие оказались не у дел. Выручила пароходная навигация, спасительница тюменцев, дающая работы по перевалке грузов. И нам нашлось дело на пристани. Но я проработал лишь один день. Тут меня подстерегло другое испытание.
Дело в том, что, когда нас выводили из пермской тюрьмы для следования в ссылку, я на команду конвойного: «Шагать в ногу!» — ответил: «Я Николаю не служил, чтобы в ногу шагать». Он за это ударил меня по ноге прикладом. С сильной болью я и проследовал по этапу. Воспаление еще не прошло, а на погрузке по больному месту пришелся удар семипудовым ящиком. В результате попал в больницу, откуда вышел только через год. Вот уж тут я оказался буквально

без всяких средств. Потянулись месяцы голодовок и мучительных лишений.

В конце августа неожиданно приехали мои друзья Костарев и Просвирнин. Они бежали из Лысьвенского завода, спасаясь от ареста. Опять наша тройка оказалась вместе. Даже голодать стало веселей — не один, а трое. Быстро установили связь с подпольной организацией, и в начале сентября нас с Костаревым избрали в оргкомитет подпольного комитета. Начали налаживать контакты с рабочими на предприятиях Тюмени.

К концу сентября я сумел устроиться слесарем на судостроительную верфь братьев Журавлевых, хотя до этого, как говорится, и мимо слесарни не проходил. Принял меня механик, разумеется, по ошибке, о которой он узнал недели через три. По распоряжению мастера в первые четыре дня меня направляли закапывать съезд к реке. Такая работа была мне хорошо знакома, и железная лопата в моих руках играючи повертывалась. Но моя нога еще была слаба. До верфи я доходил с палкой, перед входом на территорию прятал ее под забор и незаметно в толпе проходил, чтобы не заметили моей хромоты, а когда получал лопату, то шел к месту работы и подпирался ею, как бы в шутку. Первым заметил мой физический недостаток работавший в слесарке бывший матрос Балтийского флота Малиновский, живший в Тюмени как Вениамин Голубев. На пятый день он говорит мне:

— Вот что, братишка, идем в слесарню, тебе трудновато, я вижу, земельку пришабривать.

— А мастер разрешит?

— Ничего, устроим.

Пришли в мастерскую, он поставил меня к верстаку.

— Вот тебе ящик болтов, исправляй резьбу.

Взял я болт, зажал в тисы, нарезаю машинкой и с одним полдюймовым болтом провозился минут двадцать. Видит мой неожиданный шеф, что и этой простой вещи делать не умею, подошел ко мне, тихо спрашивает:

— А ты что, братишка, видно, раньше не по металлу ударял?

— Нет, я только научился копать шахты с железной рудой.

— Ладно, железо из руды получается, учись теперь его обрабатывать.— И показал мне многие приемы.

Судостроительная верфь «Бр. Журавлевы в Самаре», которая взяла заказ на постройку двух пароходов — одного двухэтажного и второго пассажирско-буксирного для Товарищества западно-сибирского пароходства и торговли, была примитивна. Работы по сборке судов производились под открытым небом. Части пароходных механизмов изготовлялись в Самаре и в готовом виде привозились в Тюмень.

В тот год зимовало много пароходов разных фирм: «Сыновья Плотникова», «Наследники Корнилова», и в том числе два казенных, что повысило спрос на рабочую силу. Это внесло большое оживление в жизнь рабочей массы Тюмени и создало благоприятные условия для ведения партийной работы.

Избранное в сентябре оргбюро комитета оказалось неспособным справиться с этой задачей (что, между прочим, отмечено в жандармских сводках за 1909 год), и в ноябре пришлось созвать нечто вроде городской конференции и избрать правомочный комитет. В комитет мы с Костаревым оба прошли. Распределили роли, кто чем будет ведать. Мы с Костаревым взяли на себя агитационно-организаторскую работу. Осипову как человеку свободной профессии (он жил частными уроками) поручили держать связь с заводом Машарова и организовать «технику» для печатания прокламаций, так как в начале 1909 года подпольная типография, которая выпускала газету «Тюменский рабочий», была разгромлена. Дело нужно было начинать снова. Шрифта и типографского оборудования у нас не было. Осипов нашел молодого, лет 17-ти, человека, согласившегося гектографировать большевистские прокламации.

Основная наша задача заключалась в налаживании связей со всеми рабочими предприятиями Тюмени. Большая часть рабочих была занята на постройке и ремонте пароходов, на лесопилках и в мелких механических мастерских Кудряшова, Котельникова, колокольного завода Гилева и в железнодорожном депо.

С железной дорогой держал связь Мартемьянов, с Сормовской верфью — член группы В. Бороздин, административно-ссыльный из Алапаевского завода, с затоном «Бр. Нобель» — солдат из Красноярска по кличке Буран; с казенными зимовками — через кузнеца Кудрявцева; на лесопильных заводах — через рабочего-рамщика Новоселова.

В декабре удалось установить связь с социал-демократической группой Тобольского полка с помощью солдата Зимина (из московских рабочих, участник баррикадных боев в декабре 1905 года). Произошло это не совсем обычным порядком. Двое солдат, в том числе Зимин, ездили в командировку в Екатеринбург. Когда возвращались, разговорились в вагоне с одним административно-ссыльным и попросили указать человека, близко стоящего к нелегальной организации. Ссыльный указал мой адрес. И вот в одно из воскресений солдаты, получив из казармы отпуск, явились ко мне на квартиру. Неожиданный их визит, да еще с заявлением, что они пришли от имени какого-то ссыльного за нелегальной литературой, меня озадачил. «Что,— думаю,— за провокация? Какой-то неизвестный мне человек посылает неизвестных мне людей за литературой?» Но все же случай как-то

связаться с солдатами представился. «Эх, была не была, посмотрю, что за солдаты». Разговорились. Я узнал, что в батальоне, где они служат, имеется около 15 человек, сочувствующих большевикам. На первый раз дал им около десятка прокламаций и несколько брошюр.
Назавтра, встретившись с Костаревым и Осиповым, подробно рассказал о встрече. Костарев ругнул меня за слишком свободное обращение с конспирацией. Я в свое оправдание привел лишь один аргумент: «Петр, подумай только, если это не провокация, мы поведем работу среди опоры царского трона и штыки, направленные на нас, будем поворачивать в другую сторону». Осипов поддержал: «Раз связались, нужно закреплять начатое».
В условленный день солдаты вновь явились на мою квартиру, и в присутствии Костарева и Осипова мы стали обсуждать план работы. Из беседы стало ясно, что необходима специальная прокламация к солдатам Тюменского гарнизона. Не откладывая дело в долгий ящик, тут же составили текст и отпечатали затем в количестве 150 экземпляров.
Не прошло месяца, как мы случайно узнали, что направивший по моему адресу «ссыльный» — агент охранки. Раскрыл его работавший на Журавлевской верфи 14-летний ученик слесаря Яша Гладких (Гладких впоследствии вступил в партию большевиков, участвовал в гражданской войне).
Раз агент пришел к нам на верфь, Яша увидел его в окно и говорит:
— Товарищ Ермаков, смотри, к нам шпик идет.
— Где, какой?
— Гляди, вот сейчас в мастерскую войдет.
Действительно, заходит молодой человек лет 25-ти, блондин, обращается к рабочим:
— Товарищи, не знаете, принимают ли слесарей на работу?
Один был уже готов дать положительный ответ, но Яша бросил такой взгляд в его сторону, что тот моментально перестроился:
— Нет, не принимают.
Шпик, оглядев всех внимательным взглядом, вышел из мастерской. После чего я спросил Яшу тихо:
— А как фамилия этого человека?
Он мне назвал фамилию того, кто рекомендовал меня солдатам. Я невольно вздрогнул, испугавшись не за себя, а за солдат. «Эх, черт возьми, кому мы обязаны связью!»
Пришлось срочно сообщить солдатам об этом тревожном факте. Много любопытного рассказал мне Яша. Зная, что по молодости его не примут в партию, он решил самостоятельно помогать подпольным организациям, в частности следить за теми, кто посещает охранку. Из результатов своей «следопытской» добровольной работы он установил,

что этот тип часто ходил в охранку, помещавшуюся в тот момент в одном из глухих тупиков Тюмени на Малой Разъездной улице. Яша также предупредил меня, что у него на подозрении и член комитета Осипов.

Основная партийная работа развернулась на верфи Журавлева. Среди ее рабочих оказалось много административно-ссыльных с уральских заводов — из Мотовилихи, Надеждинска, Алапаевска, Кыштыма, и нам за короткий срок удалось сколотить группу человек в 20, затем на Машаровском заводе тоже около этого, там работу проводили трое ссыльных — Александр Спиридонович Блинов, токарь из Перми, Зуйков, литейщик из Москвы, и старый ссыльный Компанеец из Екатеринославской губернии. Установились, как я уже упоминал, связи и с другими рабочими коллективами, в каждом из которых был наш человек. Словом, к началу 1910 года комитет сумел охватить своим влиянием почти все предприятия Тюмени.

Естественно, встала необходимость от пропаганды переходить к действиям, так как одними лозунгами: «Долой капитализм, долой самодержавие! Да здравствует свобода!» — рабочих, оправившихся от разгула реакции 1907—1908 годов, уже не удовлетворишь и царя не свергнешь. Стали готовиться к организации стачек и забастовок.

Первую небольшую стачку удалось провести на заводе Машарова среди литейщиков-горшечников, т. е. отливавших чугунки и другую чугунную посуду. Стачка удалась. Машаров должен был уступить и прибавить литейщикам. На верфи же Журавлева нам ничего сделать не удалось. Управляющим был механик С. В. Горшков, очень умный либерал. Он копеек на 10—20 платил заработную плату выше, чем на других предприятиях. В обращении с рабочими был вежлив, корректен и того же требовал от своих мастеров и десятников. В своей тактике он дошел даже до того, что прием квалифицированных ссыльных рабочих передал самим рабочим, по решению которых мне месяца два с половиной, т. е. до ареста, пришлось выполнять роль некоего заведующего по приему. Между прочим, это дало нам возможность избавиться от двух ссыльных, которые были уличены в связях с охранкой. При таком отношении Горшкова к рабочим говорить о какой-либо стачке на верфи было нечего.

Вскоре после моего поступления начались аресты на верфи. Первым в конце октября арестовали крестьянина по кличке Отец. Это был интересный старик лет под шестьдесят. Не помню точно, не то Симбирской, не то Тамбовской губернии. Он скрывался от жандармов после убийства своего родного сына, ставшего предателем. В ноябре прошли групповые аресты ссыльных. Отчасти виновником их был

бежавший с поселения из Иркутской губернии Мясников (небезызвестный потом враг большевистской партии и советской власти). Он вел себя провокационно — ходил по квартирам ссыльных мотовилихинцев без всякой конспирации (а может быть, и с целью), что и послужило причиной арестов. Каким-то путем он даже до нашего комитета добрался и на одно из заседаний явился с проживавшим тогда в Тюмени в качестве ссыльного Трифоновым по кличке Тришка (Трифонов в 1918 году был членом реввоенсовета штаба III армии в Перми, а с 1919 года я потерял его из виду) и развел демагогию. По его мнению, нужно было немедленно готовиться к вооруженному восстанию. И это в 1909 году, в момент, когда после разгрома только начали сплачиваться партийные организации, а тут тянут на вспышкопускательство! Кое-как мы отбились от непрошеного «организатора».
В январе произошло еще несколько арестов. Забрали и моего шефа, матроса Малиновского. Однажды при перевозке парового пароходного котла такелажник случайно обнаружил мешок со шрифтом, спрятанный еще при разгроме Тюменского комитета в 1908 году. Все, вместе взятое, привело к тому, что наша верфь подверглась особому вниманию со стороны полиции и жандармов.
31 марта на верфи «прогуливался» помощник пристава III части. Рабочие нашей слесарной мастерской с тревогой обращались ко мне:
— Товарищ Ермаков, что-то дело неладно чувствуется, смотри поберегись, недаром «шкуры», как черные вороны, заходили.
— Ничего, товарищи. Тре́ску бояться, в лес не ходить.
Но у самого, как говорится, кошки начали скрести на сердце. Беспокоило не то, что могут арестовать, но было жаль, что мы мало еще сделали для того, чтобы садиться «на отдых». Только-только начали разворачивать работу, а тут признаки того, что не сегодня-завтра услышишь: «Именем закона...»
В ночь на 1 апреля 1910 года охранным отделением был произведен очередной разгром парторганизации. В два часа ночи за мной и Просвирниным явился сам жандармский ротмистр Поляков. Мы спали крепким сном. Просвирнин забыл запереть на крючок дверь, и жандармы зашли в комнату без стука. Слышу сквозь тревожный сон, кто-то слегка за ворот нижней рубашки трясет меня:
— Господин Ермаков, проснитесь.
Открываю с трудом глаза, гляжу: комната полна жандармов и полицейских. Первая мысль мелькнула — как же жандармы дверь открыли. «Ну,— думаю,— отгулял молодец, теперь уж не миновать отправки «к теще в гости». Пришлось вставать. Была минута во время обыска, когда у меня мелькнула

надежда, что я выкручусь, как в Бисере. Один из жандармов проверял мой пиджак, во внутреннем кармане которого были сверток с прокламациями и квитанционные книжки. Меня озадачило, почему он достал только метр, кронциркуль, нутромер, керн и флакончик с каплями. Думаю, неужели и среди жандармов есть порядочные люди? Правда, он на меня во время осмотра пиджака многозначительно посмотрел. Но после него стал проверять мою одежду еще околоточный надзиратель Комаровский. Он торжественно достал сверток и вручил ротмистру.

Дальше находят на столике около 30 различных брошюр, изданных в период 1906 года, владельцем которых я также признал себя. Тогда ротмистр обратился к Просвирнину:

— Вы, господин Просвирнин, читали хранящиеся у господина Ермакова книги и прокламации?

Он наивно отвечает:

— Нет, я неграмотный.

Ротмистр заглянул в его паспорт и, увидев некорявую личную подпись, спросил:

— Как же вы сказали — «неграмотный человек», а в паспорте неплохо расписались.

Просвирнин невозмутимо:

— Я только читать не могу, а расписываться умею.

В тюрьме над ним посмеивались за ответы жандармскому ротмистру. Когда он просит книгу у кого-нибудь,— ему в ответ: «А ты ведь, Яша, неграмотный, зачем она тебе?»

Покончив с обыском и небольшим допросом, ротмистр дал наказ двум жандармам и околоточному надзирателю «господ Ермакова и Просвирнина сопроводить в полицейское управление».

Путь туда лежал через рыночную площадь. За ночь весенняя грязь застыла комками. То и дело спотыкаясь, шли по замерзшим кочкам. Я не выдержал, давай ругать жандармов и полицейских:

— Носит вас леший по ночам, хоть бы засветло водили.

Жандармы стали оправдываться: им-де тоже не нравится ходить по ночам, но долг службы обязывает, а надзиратель Комаровский с укоризной начал меня упрекать:

— Что ты винишь нас, сам виноват: держишь такие вещи у себя.

Он был прав, но на то были свои причины.

Около четырех утра привели в арестное помещение, развели по разным камерам. Не проходит часа, увидел в окно: ведут Костарева и Блинова. Через несколько минут вваливается в камеру Блинов. Спрашиваю:

— Никола, а тебя почему взяли? Костарева — это понятно.

Но он, еще не оправившись от ночного визита полиции, бросает фразу:

— Володька — провокатор (т. е. Осипов).
Блинов сказал, что во дворе их квартиры был подобран сверток с прокламациями и черновиками, а также сданный Осипову для передачи «технику» написанный мною кассовый отчет.
На рассвете привозят на извозчике и Осипова. Из 13 человек, арестованных 1 апреля, членов парторганизации было 8, остальные принадлежали к различным течениям. Через неделю четверо были освобождены, в том числе и Осипов. Вынести окончательное решение и пригвоздить его как провокатора нас затрудняло отсутствие связи с волей. Нам требовалось выяснить, почему если Осипов провокатор, то он не выдал «техника», ведь это очень весомый аргумент для суда. Второе, Осипов хорошо знал, что к дню арестов у меня на квартире ничего не должно быть. Сверток с прокламациями и двумя квитанционными книжками я должен был передать еще три дня назад кузнецу казенной зимовки Кудрявцеву, но я его сознательно задержал у себя. У кузнеца была большая семья, и, чтобы не подвергать его лишней опасности — хранить три дня, я решил передать документы другому товарищу. Осипов, как только его выпустили из тюрьмы, исчез из Тюмени, и многое так и осталось невыясненным.
После допросов потянулись медленно отсчитываемые дни бездеятельного, томительного до одурения тюремного времени. 10 июня нас с Костаревым вызвали для вручения копии обвинительного акта. Вернувшись в камеру, занялись чтением. В акте обильно цитируются выпущенные нами прокламации. Подчеркивается, что в прокламациях проводится отрицательный взгляд на существующий социальный и экономический строй. Рабочие призываются бороться с капиталом и всеми, кто ему служит. Внимание солдат обращается на их тяжелое положение и на то, что правительство готовит из них защиту для себя и крупных собственников против народа и справедливых его требований. Солдатам указывается, что правительство, защищая существующий социально-экономический строй, никогда не согласится передать народу землю и дать рабочему работу. «Товарищи солдаты! — заканчивается прокламация к солдатам Тюменского гарнизона.— Только вместе с революционным пролетариатом и крестьянством мы свергнем насилие кучки наглых притеснителей. В грядущей новой революции вы должны выяснить свое отношение к общенародному делу. Выбор может быть только один — с народом и за народ. Да здравствует русская революция!»
И конец обвинительного акта: «на основании изложенного мастеровые Бисерского завода Пермской губернии и уезда Петр Петров Ермаков 26 лет и Петр Иванов Костарев 24 лет

обвиняются в том, что, проживая в 1909 и 1910 гг. в г. Тюмени, состояли членами Тюменского комитета Российской социал-демократической партии, заведомо для них поставившими своей целью насильственное ниспровержение установленного в России основными законами образа правления... Вследствие этого и на основании... мастеровые Петр Петров Ермаков и Петр Иванов Костарев подлежат суду Тобольского окружного суда с участием сословных представителей».

Прочитав произведение товарища прокурора и ротмистра, говорю Костареву:

— Ну что, брат, как будто немного каторгой пахнет?

Мой друг отвечает:

— Ничего, попробуем выкрутиться...

18 сентября 1910 года был назначен суд, и нас под усиленным конвоем доставили на это судилище.

...И вот объявлен приговор: Петра Петрова Ермакова сослать на поселение, Петра Иванова Костарева считать в сем деле оправданным.

В камере пробыли вместе с полчаса, пришла минута последнего расставания. Протянув руку, мой друг заплакал:

— Прощай, Петр, больше нам с тобой не увидеться, ты, наверно, погибнешь где-нибудь в сибирской тайге...

— Ничего, друг, в лесу вырос, авось тайга не съест, лишь бы люди были.

Захлопнулась за ним дверь, а я остался один-одинешенек не только в камере, но и во всей тюрьме. Впереди ждало меня село Тасеево Енисейской губернии.

Публикация подготовлена Э. Ермаковой.

Иван Степанов

КУРЕЙСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Об этом дерзком по тому времени поступке я узнал совершенно случайно, почти полвека назад.

Как-то днем принес домой книжку, положил на стол, за которым сидел мой дедушка Егор Андреевич Климов. Он осторожно придвинул ее к себе и, листая, начал внимательно разглядывать картинки.

— Внучик,— вдруг встрепенулся старик. Надо сказать, что дед мой упрямо не признавал современную речь.— Гли-ко. Не Яков ли это?

— Какой Яков?

Егор Андреевич поворошил крючковатыми пальцами седую бороду, еще раз посмотрел на портрет, помещенный в книжке:

— Отчество его забыл... Да и фамилие выветрилось...

Был дедушка совсем старым и немощным. Только глаза все еще надежно служили бывалому охотнику. Когда я назвал ему того, кто изображен на портрете, обрадовался:

— Во-во!.. Яков Михалыч... Свердлов. Знаю. Дважды встречался с ним. Первый раз, когда стражники плавили его на лодке в Монастырское. Помню, я ему еще осетринки дал. И второй раз — весной 1917 года. Он тогда в Расею торопился...

Дед Егор, тыкая желтым ногтем указательного пальца в портрет, продолжал:

— Отчаянный был человек! Ни бога, ни черта не боялся, а гнали его жандармы в Курейку, за Полярный круг, где, сам знаешь, тошнехонько жить... Думали, сломается, а он там тако-ое натвори-ил... Сказывали, туруханский пристав после ентого за версту обходил его. Во как! — и он поведал о схватке политссыльного с приставом.

Позднее мне довелось неоднократно встречаться с курейцами, знавшими Я. М. Свердлова, разговаривать с ними. Они подтвердили то, что рассказал Е. А. Климов.

Осенью 1913 года в петербургском департаменте полиции поднялся переполох. Исполняющий обязанности вице-директора этого мрачного заведения Васильев срочным порядком отправил телеграмму начальнику Енисейского губернского жандармского управления:

«Ввиду возможности побега из ссылки в целях возвращения к прежней партийной деятельности... Якова Михайловича Свердлова, высланного в Туруханский край под гласный надзор полиции, департамент полиции просит Ваше высокоблагородие принять меры к воспрепятствованию... Свердлову побега из ссылки».

22 ноября полковник Байков, начальник Енисейского жандармского

управления, получив из столицы письмо, ставит в известность об этом енисейского генерал-губернатора...

18 декабря директор департамента Белецкий телеграфирует в Красноярск:

«Яков Свердлов... намеревается бежать из ссылки. Благоволите принять меры к предупреждению побега».

20 февраля енисейский генерал-губернатор поручает туруханскому приставу И. И. Кибирову:

«Немедленно принять меры к предупреждению побега».

Жандармы имели основание для беспокойства. Из донесения провокатора им стало известно, что Центральный Комитет большевистской партии по инициативе Ленина созвал совещание, на котором обсудил организацию побега цекистов, и в первую очередь Я. М. Свердлова. Для этой цели купцу Лукашевичу, живущему в селе Монастырском, посланы паспорт и деньги.

Яков Михайлович действительно готовился к побегу, приобрел муку, сахар, соль, чай, спички, табак, необходимые документы, договорился с подводчиком, но... готовилась предупредить возможность побега и полицейская машина России.

...Туруханский пристав Иван Игнатьевич Кибиров нервничал. Подошел к обледенелому окну, прислушался: пурга бушевала пуще прежнего. Пристав досадовал на старшего стражника Ивана Лалетина, который к полудню должен был приехать из Курейки. Приходилось откладывать весьма важное совещание. Прошел еще час. Кибиров забеспокоился: уж не стряслось ли чего с ним?.. Метель-то вон как дурит-морозит. К тому же дорога неблизкая.

К удовольствию пристава, Лалетин и остальные стражники из Комсы, Мирного, Бахты, Верхнеимбатского и других отдаленных станков и деревень добрались до Монастырского благополучно. Экстренное заседание началось. Подчиненные с трепетом ловили каждое слово своего начальника, подчинявшегося только иркутскому генерал-губернатору. Здесь, в этой бескрайней оконечности Российской империи, Кибиров был царем и богом. Он «принадлежал к осетинам, самому дикому из горных племен Кавказа, которое вообще не прочь поразбойничать»,— рассказывает в своей книге «В страну будущего» знаменитый норвежский путешественник Фритьоф Нансен, встречавшийся с ним осенью 1913 года. Этот правитель был беспощаден не только к политическим ссыльным. Кибиров держал в страхе и повиновении всех жителей «края преступников и ссыльных».

Пристав стоял перед собравшимися в новой парадной форме, при шашке и револьвере, говорил мало, больше изъяснялся выразительными жестами:

— Теперь вы представляете, что за тип находится под

нашим гласным надзором. Если уж Петербургу, Москве, Красноярску известен Свердлов, то сами понимате...
Потом Кибиров сказал, что он не намерен далее держать у себя под боком «смутьяна», через одну-две недели переведет его из Селиванихи на станок Курейку.
— Там ему не с кем будет якшаться, некого возмущать... Полярным кругом очерчусь от него, как от черта,— захохотал пристав. Стражники угодливо вторили ему.— Ты, Лалетин, подготовься к приезду политссыльного. Подыщи жилье. Следи за ним сутками, не проворонь. Упустишь — пеняй на себя.

Как в далекую старину строили на берегах Енисея деревни? Почему их называли станками? Рассказать об этом я попросил дедушку своего Егора Андреевича. Он набил табаком самодельную черемуховую трубку, раскурил:
— Раньше ведь как станки делали, деревеньки то ись?..— начал дедушка, вопросительно глянув на меня.— Скажи-ка вот ты мне, внучик: скока верст за короткий зимний день может пройти с возом добрая лошадь?— Дедушка снова уставился на меня, ожидая ответа, и, не дождавшись, рассердился на самого себя.— И чо я ето парня спрашиваю? Откель им, нонешним-то, знать?..
— А пройти с возом ладный конек с утра до вечера мог от силы верст пятнадцать-двадцать,— продолжил дед разговор.— И то если ясная погода... Вот теперь и кумекай. После чижелой дороги чо коню с извозчиком надо?.. Остановиться надо. На отдых. На кормежку. Так и строились... Сам подумай: от Лебедевского станка до Мирновского скока будет?.. Верст семнадцать. От Мирновского до Бахтинского — девятнадцать. От Бахты до Новоселовой — пятнадцать. От Новоселовой до Чулково все двадцать. Вишь, как старики расплантовали... К тому же не на всяком яру дом ставили. А так, чтоб ямщики далеко видели деревенские огни. Чтоб черный лес поблизости был, тальничек возле озер да речушек водился. Для чо?.. В тальничке зимой ушканчик водится. Ставь кулемки — лови зайчишку. В озерах завсегда караска поймаешь. Тоже корм. И себе, и собакам. Ну и осетровые ямы на Енисее опять же... В черном лесу — чтоб побелковать можно было, осенью — за дичью, за рябчиком, тетеркой или глухариком походить... Понял теперича, чо к чему?.. Назывались те деревеньки станками, потому как останавливались в них люди на ночлег. Станок — стан значит...

Курейка, 1914 год. Какая она была в то кошмарное время? Строили в то время избы торопливо, аляповато, не имея никакого понятия об архитектуре. Лишь бы было «тепло, светло и мухи не кусали». Ставили жилье где и как придется. Слова эти подтверждают великолепные картины

красноярского художника Б. Я. Ряузова, трижды побывавшего в заполярной Курейке. Особенно гнетущее впечатление вызывает полотно «Станок Курейка. 1914 год». Такой именно была она во время самой тяжелой, самой изнурительной ссылки Я. М. Свердлова. На глинистом енисейском берегу ютилось несколько кособоких избенок с подслеповатыми окнами. В каждой — громоздкая русская печь, занимавшая половину комнаты и служившая кроватью, баней, сушилкой, местом приготовления немудрящей пищи.

За долгую зиму метели заметали дома иногда до самой крыши, и курейцам волей-неволей приходилось натягивать от одной избы до другой веревки, чтобы в случае пурги не заблудиться, возвращаясь из гостей.

Дремучая тайга подступала к самой деревне. Волки в то время не водились. Иногда лишь беспокоили вороватые росомахи или бурые медведи. Жило на станке десятка два семей рыбаков и охотников. Почти в каждой — до семи-восьми ребятишек, а то и больше. Вот сюда-то, в Курейку, и распорядился пристав отправить Якова Михайловича.

Недолго прожил в Селиванихе Я. М. Свердлов — всего девять месяцев. Но и за это время люди успели полюбить его. За жизнерадостность, за готовность помочь ближнему, по первому зову бежать к больному человеку. За долгие, откровенные, порой небезопасные беседы с рыбаками и охотниками. За душевность, за внимание к трудовому люду. За то, что находил время учить грамоте мальчишку или девчонку.

Загоревали люди, узнав, что «дикий пристав-кавказец» ссылает его в далекую Курейку. Когда к дому, где жил Яков Михайлович, подкатила кибитка, селиваниховцы окружили ее. Один добавлял в сани мягкого сена, другой совал в руки теплые, из собачьего меха, рукавицы, третий протягивал просторный сокуй из оленьей шкуры. Погода в тот день выдалась морозная. Ветер гнал вдоль Енисея сухую, колючую поземку.

С благодарностью слушал политссыльный теплые напутствия:

— Ты тама-ка, Михайлыч, по пурге-то зря не шатайся. Особенно вечером, заблудишься,— предостерегал Афанасий Алексеевич Савельев — самый бедный и щедрый душой промысловик. Я. М. Свердлов познакомился с ним в первый же день приезда, подружился.

— Но и шибко-то не засиживайся в избе, зацингуешь,— подсказывала В. И. Савельева, женщина бесстрашная. Она не боялась выгонять из дома стражников, если те заявлялись поздно, чтобы проверить, у себя ли находится ее квартирант. Прибежала жена Афанасия в наспех накинутой на плечи старенькой кофточке:

— На вот, Михалыч, горяченьких шанежек, с рыбкой, с творожком. В дороге пригодятся. А чтоб не остыли — ты их за пазуху, за пазуху сунь.

Как-то осенью у Екатерины Павловны Савельевой заболела двухлетняя дочка. Мать прибежала к Вассе Ивановне, у которой жил Я. М. Свердлов, попросила разбудить квартиранта, рассказав о своей беде. Он не спал. Соскочил с постели, сунул в катанки босые ноги, набросил на плечи полушубок, на голову — шапку и выскочил на улицу.

Девочка металась в бреду, лепетала непонятное, порой вскакивала с кровати, кричала. Надо было срочно вызвать врача. Но в такой час тот вряд ли бы поехал в Селиваниху. Только авторитетный человек мог повлиять на него. И Свердлов сам отправился за ним в село Монастырское...

Супруг Вассы Ивановны Дмитрий, грузный, молчаливый промысловик, тщательно проверил упряжь и кивнул: все, дескать, в порядке.

— Ну, теперь можно ехать,— сказал Я. М. Свердлов.— До свиданья, друзья!.. До свиданья!

— Тарасеевы жили на самом краю станка,— рассказывал дед Егор.— Избенка у них чуть-чуть поболе протчих курейских, да шибко уж ветхая. Бывал я в ней. У Павла Николаича с Анфисой Степановной было пятеро или шестеро ребятишек. Теперича уж не помню. На всех малых две верхних одежонки имелось, а обуви и того меньше. Пурга не пурга, мороз не мороз, понадобится — раздемши на улицу выскакивали при любой нужде. И никакая холера их не брала. Босиком по снегу носились, как оглашенные. Енто сейчас всего страшатся, оболокаются черезмерно.

Ну ладно... Значица, так. Сидели как-то вечером Тарасеевы, ужинали. Вдруг распахнулась дверь, и вошел старший стражник Иван Лалетин. Здоровенный мужик был. Усищи — во! Бородища — во! Нос — с добрую картофелину.

А вредну-ущий — не дай бог!— Дедушка, обрисовывая полицейского служаку, энергично размахивал руками.— Он ходил всегда и всюду при шашке, револьверте, винтовке. Гроза!

Тарасеевские ребятишки — кто под стол, кто под кровать, а радетели ихни от удивления рты поразинули: зачем, думают, его черт принес. Стражник заглянул в горницу, сунулся в куть и сказал:

— Скоро привезут к нам преступника. Да не какого там бродягу, а политического. Особо опасного. Соображаете?.. Государственного! У вас жить будет.

— Да где же мы его разместим?— испугалась Анфиса,— сам видишь, негде повернуться.

— Хватит! — рявкнул Лалетин.— Сказал я, и — все!

Тарасеевы притихли. Стражник свое гнет:
— Горницу ослобоните. Сами тут, в прихожей, ютитесь. Ребятишек своих — на печь или полати сделайте. Все! Да чтоб никакого разговору с политическим. Узнаю — голову оторву. Стражник грозно повел глазищами и, как медведь, вывалился из избы. Он долго не разговаривал, чуть что — в баню под замок садил. Никакой управы на него не было.

Весть о том, что в Курейку везут опасного государственного преступника, дошла до каждого жителя. Стражник Лалетин обошел всех курейцев, запретил им ходить к Тарасеевым, общаться с политическим ссыльным. Но этим он только возбудил любопытство и без того любознательных северян. Редко кто наезжал к ним. Почта бывала раз в два месяца. Обозы за всю зиму лишь однажды останавливались. Где уж тут усидеть дома...
Морозило. Скрипел под ногами снег. Чтобы как-то скоротать время, курейцы ходили друг к другу в гости, чаще всего к Тарасеевым. Именно к ним должны были привезти человека, о котором столько страха наплел Лалетин. Что за человек этот Свердлов? Неужели опасен даже для самого царя?
Перед вечером кто-то из курейцев увидел приближающуюся кибитку, закричал:
— Едет! Едет!!
Лалетин в тот час находился у Павла Николаевича, ждал политссыльного. Степенно поднялся, застегнул шинель на все пуговицы, поправил шашку, наган, взял винтовку и вышел на улицу.
Из подъехавшей кибитки вылез низкорослый, одетый в сокуй человек, глянул на курейцев, приветливо кивнул. Крестьяне переглянулись, стражник нахмурился:
— Вы, господин Свердлов, будете жить у Тарасеева Павла Николаевича. Прошу вести себя соответственно.
Достав из кибитки сундучок, Я. М. Свердлов вошел в избу. Анфиса Степановна встретила его молча. Так же молча, после того как муж помог ему снять сокуй, провела в горницу. Вскоре оттуда, поблескивая стеклышками пенсне, вышел Яков Михайлович. Сел возле жарко топившейся железной печки, внимательно осматривая прихожую. Увидев ребятишек, затаившихся на полатях, ласково улыбнулся. Потом встал, ненадолго скрылся в горнице и, вернувшись, дал каждому по конфете, обернутой шелестящей, золотистой бумажкой. Никто из них никогда не видел ничего подобного. Посасывая сладость, они благодарно смотрели на этого совсем неопасного «преступника».
Павел Николаевич и Анфиса Степановна, наблюдавшие за этой картиной, с нескрываемым изумлением глядели на

квартиранта, волею царя заброшенного в такую даль. Они, возможно, вспомнили то, что сообщил им стражник, и засомневались: «Ну какой же из него преступник? Господи боже, да он же донельзя измотан, будто тысячу верст по зимней тайге пробирался. Откеля у него сила? Где ему уж управиться с графьями да министрами, с жандармами да полицейскими? Видно, сказал где-то что не по нутру богатеям, вот и мучается теперича».

Жители Заполярья не слыхали правды о событиях, происходящих в России. Не ведали, что в том же Красноярске плодотворно действуют подпольные ячейки Российской социал-демократической партии большевиков, да и не знали, что она из себя представляет. О различных забастовках и восстаниях им рассказывали как о беспорядках, за которые царское правительство казнило, ссылало смутьянов на каторгу.

Смеркалось. Хозяйка достала из сундука завернутую в тряпицу свечу, протянула Я. М. Свердлову, по-прежнему сидевшему у печи:

— Карасину-то у нас нету. Так вот, возьмите. Не знаю, как вас звать-величать.

— Меня?— встрепенулся Яков Михайлович и назвал себя.— А за свечу...

— Анфиса Степановна,— подсказал квартиранту Павел Николаевич.

— Большое спасибо, Анфиса Степановна. Добрая у вас душа!

Зардевшись от удовольствия, хозяйка ушла на кухню, чтобы накормить революционера свежей налимьей ухой.

В первые дни курейской ссылки Яков Михайлович не мог привыкнуть к новым условиям. Обычно вечерами, а то и ночью он либо читал, либо писал. Теперь же в это время приходили соседи Тарасеевых, не давали сосредоточиться. С молчаливым любопытством издали разглядывали его, с изумлением смотрели на книги, на то, как быстро скользит по бумаге перо. Часто забегали в горницу дети хозяев. Ребятишки народ любознательный, лезут с расспросами. К тому же свеча горела тускло. Словом, вынужденное безделье.

22 марта (3 апреля) 1914 года Яков Михайлович пишет, как бы подтверждая воспоминания очевидцев:

«Устроился я на новом месте значительно хуже. Нет изоляции от хозяев. Комната примыкает к хозяйской и не имеет отдельного хода. У хозяев — ребята. Естественно, торчат часами... Иногда мешают. Заходят и взрослые вообще из деревни. Придут, усядутся, помолчат с полчаса и вдруг поднимутся: «Ну, надо идти, до свиданья!»

Ушли, вскоре еще кто-нибудь зайдет и повторяется то же самое».

Во второй половине марта установилась хорошая погода. Солнце грело, оттаивало чернолесье. Яков Михайлович становился на голицы — широкие лыжи без камуса, убегал по насту в лес, с наслаждением вдыхая смолевый таежный воздух.

Но ни ежедневная длительная ходьба на голицах, ни угрюмая красота сибирской тайги все-таки не могли развеять тоску неутомимого революционера. Не хватало общения с людьми. Спустя две недели после приезда в Курейку он коротал вечер за разговорами с хозяевами, с пришедшими на огонек соседями. Исподволь допытывался, почему они так панически боятся жандармов и полицейских. Но собеседники сразу же замолчали, едва разговор коснулся местных властей.
Тягостное молчание нарушил однофамилец хозяев Федор Андреевич Тарасеев. Он вошел в прихожую, неся перед собой обмотанную платком руку.
— Что с тобой, Федюха?— обеспокоенно спросила Анфиса Степановна.
— Да вот распластал ножом... Видать, шибко порезал.
— Покажите-ка мне,— сказал Яков Михайлович и попросил хозяйку зажечь еще свечу, дать кипяченой воды.
Не прошло и пятнадцати минут, как пострадавшему была оказана необходимая помощь. Тот начал благодарно раскланиваться:
— Спасибо, Михалыч! Спасибо!
— Пожалуйста! Да будьте впредь осторожнее. Вы садитесь, товарищ Тарасеев, садитесь,— пригласил политссыльный.— Покалякаем.
— Покалякать мо-ожно, чего ж не покалякать,— Тарасеев сел на скамейку, стоявшую возле окна. Я. М. Свердлов снова вернул разговор на прежнюю тему. Федор Андреевич усмехнулся:
— Чистые ушканы.
— Какие ушканы?— не понял Свердлов.
— Зайцы то ись. Всего-то мы боимся, как ушканы. А в самом деле, кого бояться-то? Пристава? Стражников? Они сами пакостят, над людями изгаляются. Правду говорит нам Яков Михалыч. Чистую правду.
Потом разговор зашел о погоде, о приближающейся распутице, о весенней охоте на дичь, о всем том, чем жили северяне. Федор Андреевич предложил Свердлову заняться пушным промыслом.
— Мне с ружьем ходить нельзя,— возразил тот.
— Я чо-нибудь придумаю,— пообещал Тарасеев.
И придумал. На другой же день, утром, он позвал к себе полюбившегося ему доктора, научил готовить помёт (отраву) на зверей, а затем вывел за околицу станка, где поблизости водились лисы, колонки, горностаи.

Вечером Яков Михайлович принес домой колонка и редкого для тех мест маленького, белого, точно первый снег, зверька — ласку.

В один из охотничьих походов Федор Андреевич сообщил Якову Михайловичу:

— Скоро промысловики выйдут из тайги. Белковка закончилась. Ох и понаедут же к нам теперича всякие обдиралы.

— Что за обдиралы?

— Купцы. Скупщики пушнины. Даже пристав пожалует. Понаберет спирту, споит остяков. Простодушные, доверчивые это люди... Вот и грабят их.

Обычно веселый, Яков Михайлович в тот раз явился домой хмурым. Тихо разделся, выпил чашку чаю и скрылся в своей комнате. Анфиса Степановна прикрикнула на шумевших детей.

— Не захворали ли вы, Яков Михалыч?

— Нет-нет,— отозвался квартирант.— Расстроил меня маленько рассказ Федора Андреевича.

— Чо он вам опять нагородил?

— Про скупщиков пушнины рассказал.

— А-а,— мгновенно поняла Анфиса Степановна, почему так мрачен ее постоялец.— Чо правда, то правда. В прошлом разе Кибиров совсем обобрал Илюху Дибикова. Ох и ревел же бедный остяк, ох и реве-ел... Думали, с ума сойдет. Семеро ведь ребятишек у него тогда было. Сейчас, наверно, меньше.

— Почему меньше?

— Так ведь наверняка помер кто из них. Живут-то в чуме: и холодно, и голодно.

— Ужасно! — взволнованно воскликнул Я. М. Свердлов.— Это ужасно!

Чум сорокалетнего Илюхи Дибикова стоял на берегу озера Мадуйского. Снегу в том году выпало много, и все же охотничий сезон выдался хорошим: белка большей частью шла «поверху» — по кронам сосен, листвяжника, березника, осинника. По глубокому, рыхлому снегу бежать не могла — быстро уставала. Дибиков белковал. Доводилось ему гоняться за соболем или песцом. Жена Елька с детьми ждала его в чуме, поддерживала в очаге огонь. Была она маленькой, изнуренной. Посмотришь на нее и не поверишь, что мать семерых детей. За зиму в Илюхиной семье умерло сразу два мальчика. Кашляли-кашляли, чахли-чахли и в одночасье погасли, будто заснули. Плакать Елька не могла, не было у нее для этого слез — слишком уж много горя приходилось испытывать, начисто высохли.

Похоронила детишек до прихода Илюхи, сказав ему, когда вернулся с охоты:

— Ушли ребята... Сапсем ушли.

Он молча покачал головой, повздыхал и смирился со случившимся несчастьем.
За зиму Дибиков набил разной пушнины не один мешок. Ухитрялась добывать ушканов, колонков, горностаев и жена с помощью кулемок-ловушек. Наступала пора выходить из тайги. Собаки у охотника добрые, потянут нарты бойко, особенно по насту. Одно плохо — узнают пристав Кибиров или купец Пономарев про богатую добычу — приедут на устье Курейки, где он обычно ставит свой чум, отберут все, а взамен дадут «огненную воду»— спирт да кое-что из еды и одежды.
На сей раз Илюха Дибиков решил сделать лабаз в двух-трех верстах от Курейки, спрятать там мешки с наиболее ценной пушниной, остальную — захватить с собой.
В начале апреля солнце стало пригревать пуще. Медлить далее было нельзя. Дибиковы быстро разобрали чум, уложили его на большую нарту, на другую посадили детей. Илюха встал на широкие камусовые лыжи, пошел впереди, Елька на таких же лыжах позади упряжек — следить за собаками и детьми.
До устья Курейки добрались к полудню третьих суток. Установили чум. Сварили обед, поели и легли отдыхать. Теперь их заботило одно — удачно продать пушнину, побольше купить провианту, муки, соли, сахару, одежды, без чего жить невозможно.

Илюха Дибиков проснулся рано. В чуме прохладно. Ребятишки под наброшенным на них тряпьем спали крепко. Какая у них забота? Есть, спать, бегать. А ему вот надо бы вставать. Семью кормить нужно, запасов же никаких нет: ни рыбы, ни мяса. И не мешает сходить проверить пушнину: цела ли? Не разорила ли лабаз росомаха?
Над чумом закурился дымок: Елька уже хлопочет. Надо бы встать, да что-то нездоровилось: ныла поясница, ломило плечи.
Залаяли собаки. Илюха приподнял навесную, из березовой коры дверь, выглянул: метрах в двадцати от чума стоял незнакомый человек. Бородка у него кудрявая, черная. На носу — круглые стеклышки блестят. Собаки окружили человека. Он присел перед ними, разговаривает.
— Эй, паря! — крикнул Илюха.— Заходи, однако. Ись будешь.
— Спасибо! — ответил Яков Михайлович, освобождая ноги от голиц.
Ему, побывавшему на Оби, в далеком Максимкином Яру, неоднократно доводилось встречаться с аборигенами, есть их простую пищу. И сейчас он поступит так же. С аппетитом ел похлебку, пил чай, сахар же, нарочито прихваченный с собою из дома, отдал детям, Ельке и Илюхе. Доброта Якова Михайловича окончательно расположила к нему хозяев.

До позднего вечера гостил у Дибиковых Свердлов, беседовал с ними об охоте, о предстоящей скупке пушнины. Хозяева поделились с гостем своими опасениями.
— Успокойтесь,— произнес, вставая, Яков Михайлович.— Возможно, все обойдется...
Домой, однако, он пришел расстроенным, весь во власти свежих впечатлений. Ужасала бедность аборигенов, их постоянный страх перед власть имущими, а теперь еще приближающийся «налет самого главного начальника — Кибирова». Чтобы хоть как-то отвлечься, сел за письма.
Лидии Ивановне Бессер:
«Усердствую лишь во французском языке...
Порою ужасно тоскливо... Сидеть изо дня в день за книгами, накапливать в себе пласты знаний, не пользуясь ими в данный момент... Слишком сильна жажда жизни, чтобы можно было все время удовлетворяться мертвым материалом».
Григорию Ивановичу Петровскому — депутату Государственной думы, профессиональному революционеру, большевику, другу: «...Только издали приходится наблюдать, радоваться и печалиться. Не покидает надежда, что в свое время буду ближе к жизни».
Домне Федотовне, жене Г. И. Петровского:
«Установились хорошие отношения с крестьянами. Жить можно».

Упряжка купца Пономарева подкатила к чуму Дибиковых, когда те готовились ко сну. Гость соскочил с нарты — громкоголосый, приветливый. С распахнутыми объятиями подошел к Илюхе, прижал к груди. Достал из карманов шубы подарки. Ельке торжественно вручил цветастый платок, Илюхе — большой, блистающий лезвиями складной нож. Отродясь такого не видел Дибиков. Обрадовался, захихикал. Дети получили кулек сладостей — конфеты, пряники, печенье.
— Угостить бы тебя надо, да нечем,— развел руками Илюха.— Было два налимчика — съели...
— Ла-адно тебе,— остановил его купец.— Еды у меня хватит на всех и еще кое-что есть.
Пономарев торопился провернуть дело за два-три часа, чтобы двинуться дальше.
Елька дрожащими от нетерпения руками резала ветчину, душистый «русский хлеб». Он для них дорогой подарок после пресных лепешек, испеченных в горячей золе, которыми они питаются круглый год.
— Ты, Елька, колбасы, колбасы режь поболе. Краковская,— командовал купец.— Попируем, Илюха, а?
— Ага,— хихикнул Дибиков. Жена поддержала его. Пономарев достал из вещевого мешка бутылку спирта, три эмалированных кружки, прихваченные из дома, налил в них спирту.
— Ну что, выпьем за встречу, а?— весело предложил гость и, не ожидая ответа, выпил. Крякнул, схватил кусок хлеба,

прижал к носу, понюхал.— Кре-епок, холера! А вы чего сидите? Пейте, пейте!..

Когда хозяева изрядно захмелели, Пономарев повел речь об охоте:

— Как нынче побелковали?

— Беда хоросо! — ответил Илюха.

— Много настрелял белок?

— Беда много!

— Сколько?

Дибиков стал загибать пальцы левой руки, но Елька больно ткнула его локтем в бок.

Купец выставил на стол еще бутылку. Вскоре хозяева забыли всякую осторожность, показали гостю два мешка, набитые шкурками зверьков.

— Продадите?

— А ты три мешка муки дашь? Два мешок соли и два мешок сахара? И одежду всем? И провиант — пистоны, порох, дробь — дашь? А?— торговался Илюха.

— Дам-дам,— соглашался купец.— И «огненной воды» дам!

Через час остяки уже не слыхали, как Пономарев поставил возле очага две бутылки спирту, положил на сани мешки с пушниной, крикнул на собак и исчез, как привидение.

...Проснулся Илюха рано, со стоном схватился за голову — так сильно она болела после вчерашней попойки. Увидел возле очага бутылки. Взял одну, выдернул пробку, плеснул из нее немного в кружку, выпил. Пожевал ломтик колбасы. Полегчало.

Вышел из чума. Со стороны Курейки приближался установленный на сани-розвальни небольшой балок, в каком обычно ездил Кибиров. Пристав подошел к Дибикову, долго разглядывал его, пожимал плечами. Спросил:

— Ты кто, мужик или баба?

— Музик,— удивленно ответил Илюха. Он был одет в малицу, на голове платок, во рту — самодельная черемуховая трубка. Ничем не отличалась от него в одежде и курении Елька.

— Черт вас разберет, черномазых,— с досадой проговорил пристав. Ему не хотелось терять времени на досужие разговоры:

— Пушнина есть? Сколько? Показывай!

— Счас,— Дибиков крикнул жене, чтобы та выбросила из чума мешки с пушниной.— Да скорее... начальник торопится.

Но Елька не торопилась. Кибиров нервничал:

— Чего стоишь?! Неси шкурки!

Илюха появился из чума вконец расстроенным. Растерянно развел руками:

— Нет шкурка... Сапсем нету.

— Куда же она подевалась?

— Не знаю.

— Ты не хитри,— начал закипать пристав.— Говори, где твоя пушнина?
— Оннако купес, видно, взял. Вчера приезжай. Веселый такой.
— Веселый...— Пристав понял, что Пономарев опередил его и, видать, начисто обобрал остяков. Но Кибиров знал и то, что многие охотники наиболее ценную пушнину прячут в тайге, на лабазах, до появления пароходов, когда мех идет по высокой цене. Может, додумался до такого и Дибиков, хотя ранее за ним вроде не наблюдалось.
— И больше у тебя шкурок нет?
— Нет.
— Тогда зачем лабаз сделал?— схитрил пристав.
— Нет лабаз.
— Не ври, говорю... Я все знаю. Ты сделал лабаз и сложил на него шкурки песцов, соболей и часть беличьих шкурок. Зачем обманываешь? За обман я посажу тебя в тюрьму. Что тогда твоя баба с ребятишками делать будет? Пропадет тогда твоя баба совсем. И ребятишки тоже...
— Нет шкурка,— упрямился Илюха.— Сапсем нет.
— Ну вот что, перестань болтать! Сегодня же сходишь на лабаз, принесешь пушнину. Всю. Я завтра к вечеру вернусь сюда и заберу шкурки. Понял?
Илюха подавленно молчал, опустив голову.
— Вижу, понял,— сказал пристав.— А сейчас, чтоб мне все это не возить туда-сюда, я с тобой заранее рассчитаюсь. Получай.— Кибиров стал доставать из балка поношенную одежду, кидать ее под ноги Дибикова. Велел ямщику отнести в чум мешок муки, ящик со спичками, махоркой, сахаром, солью. Сунул в руки Илюхи мешочек с монетами.
Вся одежонка, мука, ящик с разной продукцией не стоили и одного соболя. Дибиков понимал это, но молчал, чтобы не раздражать грозного начальника, который может посадить его в тюрьму. Вздыхал, думая: придется, однако, идти на лабаз, отдать ему все шкурки. Как же тогда жить дальше? Опять залезать в долги?
Вечером у Дибиковых побывал Яков Михайлович. Узнав о случившемся, не стал долго гостить. Ушел. Тяжело ему было смотреть на людское горе.

— Анфиса Степановна, позовите, пожалуйста, к себе мужиков. И женщин, что посмелее,— попросил Я. М. Свердлов, возвратившись от Дибикова.
— Позвать-то можно... Да как бы стражник не наругал нас.
— Его нет дома. В Якутах.
— Ладно,— согласилась хозяйка.— Только вы, Михалыч, ничего плохого про царя и пристава не говорите.
— Не скажу,— пообещал революционер, улыбнувшись, и ушел в горницу.

Когда люди собрались, Яков Михайлович начал без всяких окольностей:

— Только что я был у Ильи Дибикова. Увидел его — испугался: до того он похудел за эти дни. Черный весь. Охотился-охотился человек, старался-старался, хотел хоть как-то выйти из нужды — ничего не вышло. Вчера ночью купец Пономарев споил Дибиковых, забрал у них два мешка пушнины и уехал. А сегодня наведался Кибиров...

Яков Михайлович подробно рассказал обо всем, что услышал в чуме.

Крестьяне молчали: о чем тут говорить? Они не впервой слышат такое, привыкли уж к тому, что начальство обирает остяков, да и не только их.

— Как в таком случае поступают рабочие фабрик и заводов?— снова заговорил Яков Михайлович.— Они встают на защиту обиженных и обманутых. Объединяются и действуют сообща. А вы? Но я позвал вас не только для этого... В России существуют кооперативы. Правительство разрешает создавать такие артели. Вот и вам необходимо образовать кооператив, чтобы вы могли сами, понимаете, сами, устанавливать цены на рыбу, на пушнину, сами продавать ее. Деньги, вырученные от продажи рыбы или пушнины, станете распределять между членами артели. И не будете кланяться в ноги купцу. Подумайте, и крепко подумайте.

Крестьяне молчали.

На следующий день, едва рассвело, Свердлов ушел к Илюхе Дибикову. Анфиса Степановна слышала, как он, стараясь не шуметь, тихо поднялся с постели, оделся, обулся и на цыпочках вышел из дома. И на улице шикал на повизгивавших собак, беспокоился, что разбудят хозяев.

«Господи, до чего же добрый человек,— думала Тарасеева.— О всех печется, о нас, о ребятишках наших — учит вот их, об Илюхе тревожится... И зачем таких людей наказывают? За что? Ведь они жизни своей не жалеют для народа. Себя не щадят, детей своих годами не видят... Разве можно таких-то ссылать? Государственные преступники, вишь... Ну какие же они преступники? Какая в них опасность Расеи? Да они самые что ни на есть добрые люди на земле».

Анфиса Степановна сбросила с себя одеяло, растормошила мужа:

— Вставай! Михалыч ушел к Илюхе Дибикову...

— Ну и чо?

— «Чо-чо!»— передразнила Анфиса Степановна мужа.— Ты разве забыл вчерашний разговор? Вечером к Илюхе пристав явится, пушнину у него отбирать будет. А Михалыч мешать ему осмелился. Тут и до беды недалеко. Надо, Паша, чо-то делать. Кибиров мужик горячий. Он и пристрелить нашего квартиранта не побоится.

Беспокойство жены передалось Тарасееву:
— А чо, и в сам деле. От пристава всего можно ожидать. Надо, пожалуй, идти к мужикам, поговорить с ними.

Яков Михайлович тем временем не спеша ширкал голицами по шершавому насту. Увидев его, дибиковские собаки с лаем побежали навстречу. Из чума вышел Илюха, посмотрел из-под ладони, встрепенулся: желанный гость идет.
После завтрака, наскоро приготовленного Елькой, Яков Михайлович помогал точить крючки переметов. В весеннюю путину это основные орудия лова. Ими ловят стерлядь, костерь, налимов.
Разговаривали о разном. Остяки совершенно не представляли того, что происходило за пределами Туруханского края. Рассказы о жизни в России интересовали их, но не проникали в душу, не тревожили. Лишь одно знали они: придет пора охоты — иди в тайгу, белкуй, подошла путина — рыбачь.
Я. М. Свердлов не досадовал на своих добродушных слушателей, только качал головой, думая: «Сколько же труда придется положить большевикам, сколько времени и сил потратить, прежде чем такие, как Илюха и Елька, станут понимать происходящее вокруг, будут участвовать в революционном движении российского пролетариата».
Солнце близилось к закату. Снег насыщался водой. Теперь уж не так далек тот день, когда грозный Енисей проснется окончательно и взломает ледяную крышу.
Собаки лежали в тени деревьев. Только любимец Илюхи — Пес находился возле хозяина, внимательно следил за каждым его движением. Красивая это была лайка. Белая, с подпалинами. Уши прямые, хвост кольцом, на лбу темно-рыжая звездочка, концы ног коричневые, словно в чулках. Вся ценная пушнина добыта Дибиковым с помощью этой собаки.
К обеду Елька нажарила на рожнях куски свежего налима, заварила густой чай. Яков Михайлович ел и нахваливал хозяйку. Вдруг сердито залаяли собаки. Илюха выглянул из чума и зашептал испуганно:
— Кибир приехал...
Послышался громкий повелительный голос:
— Где ты там, черт?! Почему не встречаешь?
Илюха выскочил из чума, подбежал к приставу, угодливо затрепетал:
— Спал маленько я... Спал.
— Пушнину привез?
— Нет пушнина. Сапсем нет. Купес взял...
— Врешь! — рявкнул Кибиров. Он не заметил, как из чума вышел политический ссыльный и стал хмуро наблюдать за происходящим.
— Не-е, сапсем не вру.

— Я тебе покажу, как обманывать меня. Я тебе...— Пристав выхватил из рук ямщика бич, замахнулся на съежившегося от страха Дибикова, и в это время раздался такой громкий и густой бас, что пристав опешил:
— Не смейте трогать его!!
— Чо-о?— Кибиров повернулся к Свердлову, красный от ярости.
— Не смейте трогать человека! — строго повторил революционер.— Это произвол.
— Ваше-то какое дело?.. Вы почему здесь?..
— Вчера Дибикова обобрал купец Пономарев. Сегодня это же самое пытаетесь сделать вы. Это грабеж. Если вы не прекратите безобразие, то я сообщу о вашем самоуправстве иркутскому генерал-губернатору и министру внутренних дел,— твердо заявил Яков Михайлович. Увидев стоящих неподалеку курейцев, закончил, кивая в их сторону.— Слова мои подтвердят крестьяне...
Кибиров громко выругался и поспешно сел в сани.

...Илюха облегченно вздохнул: гроза миновала, беда прошла стороной — и только потом понял, что избавил его от всего этого Свердлов. Пристав даже не взял у Дибикова мешочка с деньгами, одежду с водкой. Все бросил. Что так испугало его? Неужели столько страху нагнал на Кибирова Яков Михайлович?..
Мужики подошли к политссыльному, женщины скрылись в чуме.
— Ну, Михалыч, ты нас удивил. А мы-то боялись его, как черта,— признались крестьяне.
— Спасибо вам, товарищи,— тихо сказал революционер.— Очень вы мне помогли. Спасибо.
— За что нам-то спасибо?
— За то, что пришли. Не столько меня, сколько вас испугался Кибиров. Огласки он страшится больше всего. Не посмел на глазах грабить Илью Алексеевича, кричать на меня.
Илюха Дибиков не знал, как отблагодарить Свердлова. Искал самое дорогое для него. Увидел Пса, подозвал к себе, привязал поводок, подвел собаку к Якову Михайловичу:
— Возьми, Якоп. Хороший Пес!
— Да ты что, Илья? Разве можно отдавать такую собаку?— противился политссыльный.
— Возьми, Якоп... Твой собака.
— Возьми-возьми, Михалыч,— просили крестьяне.
— Она ему нужнее.
— Верно, нужнее,— согласились курейцы.— Замечательная лайка! Таких теперь не много. Но то, что ты сейчас сделал для Илюхи, ему дороже ста собак. Потому-то он и дарит тебе самое дорогое. Не возьмешь — до смерти обидишь человека.

— Ну, если так,— вздохнул Я. М. Свердлов,— то возьму. Спасибо, Илья!
— Тебе, Якоп, спасибо! Тебе!
Возвращался Яков Михайлович на станок вместе со всеми. По дороге домой убеждал курейцев побыстрее создать кооператив.
— В единении — ваша сила,— горячо доказывал он.
Жил Свердлов в Курейке до конца сентября 1914 года. Пять месяцев после стычки с туруханским приставом он находился в тяжелейших условиях, мучительно переживал свою оторванность от революционной борьбы, от товарищей, от семьи. Чтобы чем-то занять свободное время и не маяться бездельем, вел метеорологические наблюдения, завел специальный журнал. Спать ложился не ранее двух часов, а вставал не позднее шести часов утра.
Простуда, которую Яков Михайлович схватил во время метеонаблюдений, вызвала осложнение. О своем заболевании писал с иронией юной художнице Кире Эгон-Бессер:
«Вы, вероятно, думаете, что за Полярным кругом и весны не бывает? Ошибаетесь, милый человек. Бывает, да еще какая весна-то! Одно вскрытие такой мощной реки, как Енисей, чего стоит. С треском ломается лед, раскалывается на огромные глыбы, гонит их водой друг на друга, они лезут на берег, а вода все поднимается, поднимается. Не хочется и с берега уходить. Чуть-чуть потеплело, полетели на дальний север стаи гусей... Оживляется лес, озера, заливные луга, поляны. Всюду жизнь. Деревня очутилась на острове. Море, да и только. Лишь кое-где торчат верхушки деревьев, кустов, расположенных по высоким курганам. Разбушевался северный ветер, вздулся Енисей, покрылся пеной волн, ударяет свои воды о яр, на котором стоит деревня, подмывает его и подмывает кусок за куском. С шумом падает земля и уносится волнами... Особенно не хандрю, целыми днями шатаюсь... По-прежнему бодр, не унываю, сильна «воля к жизни».
Яков Михайлович с жадностью ловил каждую свежую информацию, поступающую из центра: забастовки, возникшие как протест против исключения на пятнадцать заседаний из Думы депутатов-большевиков, пытавшихся сорвать обсуждение бюджета, расстрел полицией путиловских рабочих, баррикады на улицах Петербурга, начало войны с Германией, объявленной царским правительством, и многие другие события. Невозможность принимать активное участие в революционной работе, необходимость оставаться свидетелем, а не участником борьбы привели к тому, что Свердлов серьезно заболел. Он решил добиться перевода хотя бы в Монастырское. В прошении енисейскому губернатору он сообщает об ухудшении здоровья, об отсутствии в Курейке медицинской помощи. Хлопотали о его переводе и товарищи, находившиеся в ссылке.

Ходатайство было удовлетворено. В конце сентября Яков Михайлович переехал в Монастырское. Здесь он сразу же возобновил связи с товарищами по партии, сумел добиться создания первой на Туруханском Севере кооперативной артели «Единение — сила», написал несколько очерков и статей, встречался с депутатами-большевиками Государственной думы — Петровским, Мурановым, Бадаевым и другими, сосланными в Туруханский край.

Узнав о падении царского самодержавия, о переходе власти в руки Временного правительства, Свердлов не захотел оставаться более в Монастырском. Несмотря на подступившую распутицу, он в марте 1917 года с группой товарищей заторопился в Красноярск, где его ждали революционные рабочие и солдаты 14-го Сибирского стрелкового полка, приславшие телеграмму и деньги на дорогу. Ехать предстояло день и ночь, без отдыха, без длительных остановок, чтобы не застрять в пути.

— Было это в самом конце марта 1917 года,— рассказывал дедушка Егор Андреевич, сидя за столом и разглядывая рисунки, помещенные в книжке.— Весна в тот год явилась раненько. Сперва подула верховка, поприжала снежок, поскидывала его с лесин. Ну, думаю, скоро путина. Пора браться за дело.

Занес в прихожую сети, стал перебирать. Бабы вязали неводную дель, ребятишки им помогали. Всем работы хватало.

Слышу, у крыльца подводы остановились. Вышел. Поздоровался с людями, позвал в избу. Вошли. Разделись. Присмотрелся к одному: вроде бы где-то встречал. И он глядит на меня, усмехается. Лукаво так. Потом спрашивает, по-нашему, по-сельдюшечьи:

— Чо, Егорша, не узнаешь?

— Не,— грю,— не узнаю.

Он покачал головой:

— Плохо, значит, мое дело, если старые знакомые не признают. Можа, вспомнишь?

— Не.

— Дырявая,— грит,— у тя память. Ветерком всю выдуло,— смеется.— Четыре года назад, летом, стражники ссыльных плавили на лодках. Останавливались в вашей Бахте. Ты меня тогда осетриной угостил и на дорогу солидный кусок рыбы дал. Помнишь?

— Не.

Он свое:

— Я еще с тобой ароматным табачком поделился. И ты,— грит,— табачинки те золотыми, скусными червячками называл.

— Вспомнил,— грю.— Обрадовался ему, как маленький. Не знал, куда его посадить. Он хохочет надо мной. И тоже, видать, рад был нашей встрече. Память у него, внучик, была

редкая... Ну, значит, попросил он чайку согреть, а сам все на часы посматривал. Торопился.
— Некогда рассиживаться. В России-то знаешь какие дела творятся?
— Не. А каки?
— Царя,— грит,— скинули.
— А кто же теперича вместо него будет?
— Временное правительство,—отвечает.
— А чо тако правительство и пошто временно?— спрашиваю.
Тут Михалыч стал мне растолковывать, чо к чему, да тока я мало чо понял.
Поели они малость, попили чаю и стали собираться в дорогу. На дворе уже стемнело. Вышли. Подводы готовы. Я и говорю Якову Михалычу:
— Дорога по льду идет. Сейчас ее не видно. Кони могут сбиться. Ишь кака темень.
— Как же быть?— спрашивает.
— Я поеду с вами. Конь мой дорогу чует хорошо.
Запрег Игреньку свово. Посадил дорогого гостя в розвальни и айда...
Едем, значит, разговариваем с Яковом Михалычем. Он-то и сообчил мне, что в Монастырском у пристава Кибирова власть отняли, стражников и полицейских разоружили, купцам хвост прижали... Теперича, грит, там власть хрестьян, рыбаков да охотников. А комиссаром люди выбрали рецинера Масленникова. Вы у себя в Бахте, грит, теперь сами порядок наводите. Сами теперь хозяева. Власть-то теперича ваша.
За разговором не заметили, как до станка Мирного добрались. Светать уж стало. Ночи в ту пору короткие. Дальше, до Лебедевского станка, Якова Михайлыча Григорий Федорович Попов повез. Я ему строго наказал хорошенько смотреть на дорогу, беречь человека велел.
— Большой ета человек. Очень нужный людям человек.
Дедушка, которому в ту пору было почти сто лет, долго глядел на портрет первого Председателя ВЦИК, потом закончил свой рассказ:
— Правильно, значит, я сказал тогда Гришке Попову. Как в карты глядел.
Вот и все курейское происшествие. От начала до конца.
И там, за Полярным кругом, в пору жесточайшей ссылки Я. М. Свердлов оставался истинным революционером, несгибаемым борцом за народное дело.
Владимир Ильич Ленин сказал:
«Никто не поверил бы, что из школы нелегального кружка и подпольной работы, из школы маленькой гонимой партии Туруханской тюрьмы мог выйти такой организатор... всей советской власти в России».
Лучше не скажешь.

Андрей Округин, Николай Голден

ВОЛЕЮ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

В конце февраля 1918 года родилась первая на Урале Екатеринбургская ЧК. Председателем ее стал член РСДРП(б) с 1905 года Михаил Иванович Ефремов, носивший в дореволюционные времена подпольную кличку Финн.

В городе его хорошо знали. Еще в ноябре 1905 года товарищи избрали Михаила Ивановича членом Екатеринбургского комитета РСДРП и назначили ответственным организатором за пропагандистскую работу в Привокзальном районе. А через два года охранка арестовала его в Уфе.

Сохранился документ уфимской полиции, где указывается, что «Ефремов в 1908 году входил в состав Уфимской организации РСДРП, осуществлял руководство БОНВ [1], в этих целях содержал конспиративную квартиру». Военный суд приговорил Ефремова к смертной казни «за злодеяния против основ существующего государственного строя и за принадлежность к боевым дружинам».

В ожидании исполнения приговора Михаил Иванович провел в камере смертников три месяца. В конце концов неожиданно для него смертная казнь была заменена бессрочной каторгой...

...На свободу Ефремова выпустила февральская революция. Он приехал в Екатеринбург и здесь стал разъездным организатором-агитатором местного обкома партии. Октябрьская революция еще была впереди, а в селе Черноусово Ефремов уже осуществляет национализацию ткацкой фабрики Жирякова, первую, как считают историки, национализацию капиталистического предприятия... Не только на Урале, но и в России.

И вот уральский большевик становится председателем Чрезвычайной комиссии. Он — в самой гуще беспощадной борьбы с врагами молодой Советской власти. Позднее, вспоминая свою работу в ЧК, Ефремов писал в автобиографии: «Я имел специальное задание по подготовке перевозки Николая Романова из Тобольска в Екатеринбург. Это была непростая задача. По нашим сведениям, Романову подготовлялся побег...»

Еще в августе 1917 года бывший российский император Николай II вместе со своей семьей был отправлен Временным правительством в Тобольск, подальше от гнева пролетариата Петрограда и других центральных городов страны.

С экс-императором, получившим в 1905 году прозвище Кровавый, был прислан для охраны отряд, состоявший

[1] БОНВ — боевые организации народного вооружения.

сплошь из георгиевских кавалеров. Командовал отрядом полковник Е. Кобылинский.
Романовых поселили в доме бывшего тобольского губернатора. Восемнадцать комнат особняка заставили дорогой мебелью, которую Николай прихватил из царскосельских дворцов, полы застлали дорогими коврами. По тобольским гостиницам разместились придворные, их Николаю разрешили взять с собой.
Тобольская губерния, как магнит, притягивала в то время различного рода авантюристов. Переодетые офицеры, бывшие знатные царедворцы, эмиссары мятежных казачьих атаманов, черносотенцы, реакционное духовенство, представители дипломатических миссий и военных разведок противоборствующих империалистических лагерей — Антанты и Германии — беспрерывно сновали по всей Западной Сибири и Уралу...
Первое, чем пришлось заняться Ефремову, как только он приступил к обязанностям председателя Екатеринбургской ЧК,— сбором необходимых сведений, связанных с пребыванием Романовых, проверкой достоверности имеющейся информации. И нелепые слухи, и действительные настораживающие факты, соединенные с точными и сухими справками из официальных советских учреждений, образовывали причудливую смесь, в которой надо было экстренно разобраться, отделить истинное от ложного, главное от второстепенного. Всю эту пеструю картину осмысливали вместе с председателем ЧК ближайшие его соратники — двадцатичетырехлетний заместитель председателя балтийский матрос с линейного корабля «Заря свободы» Павел Хохряков и сорокадвухлетний член коллегии чрезвычкома Сергей Егорович Чуцкаев, большевик с 1903 года.
Ночи напролет светились окна второго этажа бывшей «Американской гостиницы» на Покровском проспекте (ныне улица Малышева). Здесь разместилась Екатеринбургская Чрезвычайная комиссия. Лишь под самое утро работа прерывалась — днем оба помощника Ефремова занимались другими обязанностями. Павел Хохряков руководил Центральным штабом Красной гвардии, а С. Е. Чуцкаев был и городским головой, и членом Уралобкома партии большевиков, и комиссаром народного просвещения Урала. Да и сам председатель в это время суток тоже, как правило, занимался «текучкой»: инструктировал красногвардейцев, отправляющихся на подавление очередного мятежа в отдаленном уезде, выявлял организаторов саботажа на предприятиях, выступал на собрании рабочих с разъяснением задач чекистских органов, допрашивал арестованных контрреволюционеров и спекулянтов. Штатных

сотрудников у него было, как говорится, «раз, два и обчелся», даже охрану арестованных несли наряды красногвардейцев, приходящие на дежурство после заводских смен. Обстановка на востоке от Екатеринбурга все больше походила на предгрозовую. Сведения из Тобольской губернии в сочетании с тревожной информацией из центра и других районов страны складывались в зловещую картину: в Западной Сибири созревал крупный монархический заговор, механизм которого уже почти отлажен и вот-вот будет приведен в действие...

Чтобы представить себе степень ответственности, которая легла на плечи уральских большевиков, раскрывших деятельность заговорщиков в соседней губернии и всю опасность его возможных последствий, надо хотя бы вкратце вспомнить внутреннее и внешнее политическое положение молодой Советской Республики в конце зимы и начале весны 1918 года.

С Запада над Советской Россией висела прямая угроза германского нашествия. Украину топтали сапоги кайзеровских солдат. В Закавказье рвались турецкие войска. В ответ на вынужденно заключенный Советским правительством 3 марта 1918 года Брестский мирный договор английский десант через три дня оккупировал Мурманск. Вслед за тем страны Антанты заявили о непризнании ими Брестского мира и уже 5 апреля начали интервенцию высадкой своих войск на Дальнем Востоке. Чуть позже, в середине апреля, германские войска, нарушив договорные соглашения, оккупировали Крым.

В то же самое время российская контрреволюция продолжала развязанную ею гражданскую войну, и на Дону, Северном Кавказе, Южном Урале и в Казахстане шли бои, в Сибири орудовали атаманы-палачи Семенов и Калмыков. Китайско-Восточная железная дорога находилась в руках царского генерала Хорвата.

По всем крупным городам страны активизировались подпольные группы. В центре России уже объединились на антисоветской платформе и образовали «Правый центр» ранее разобщенные контрреволюционеры всех мастей: кадеты, монархисты, «Совет общественных деятелей», «Союз общественных деятелей», «Союз земельных собственников». Продолжали свою подрывную деятельность представители других непролетарских партий.

И все-таки этой разномастной своре, терзающей измученную страну, для настоящего и долговременного объединения всех контрреволюционных сил в тот период не хватало главного — царской короны. Поэтому многие из «спасителей России» засылали своих агентов и эмиссаров

в район Тобольска, мечтая заполучить к себе в стан если не самого Николая II, то хотя бы кого-то из его семьи.
Одновременно и империалистические государства (каждое по-своему) проявляли заинтересованность в «спасении» Романовых, чтобы получить возможность более результативно влиять на ход событий в России и в конечном итоге на мировой арене: они охотно поощряли деньгами разного рода авантюристов, берущихся избавить поверженного монарха от «совдеповского плена». Кажется, более прочих здесь преуспел южноуральский атаман Дутов, который пытался выторговать на спасение царской семьи миллионные субсидии сразу двух противоборствующих держав — Франции и Германии.
Экс-император ожидал своего освобождения со дня на день. Обстановка в самом городе и вокруг него давала реальную надежду на такого рода благополучный исход...

Исполком Уралсовета и члены коллегии Екатеринбургской ЧК, имея достаточно ясное представление о положении дел, сознавали, что Тобольская губерния совсем не подходящее место для пребывания семьи Романовых. В самом губернском центре на 22 тысячи жителей приходится менее тысячи кадровых рабочих консервной фабрики и лесопильного завода. Остальное население — это главным образом купцы, чиновники, мелкие торговцы, ремесленники, монахи. В редких деревнях вокруг Тобольска верховодят кулаки и зажиточные крестьяне. Сельская беднота, оставаясь разобщенной, беспросветно батрачит на хозяев. Кулачье же, в большинстве своем вооруженное, поддерживает белогвардейские офицерские отряды, наводнившие в последнее время Западную Сибирь.
Советская власть на всей территории губернии еще не окрепла, она делает первые шаги. Зато во всем этом кулацко-белогвардейском гадюшнике ощутимо влияние архиепископа Гермогена. В его распоряжении монастыри с обширными пахотами и лесными угодьями, добротным инвентарем, сотнями работников-монахов и немалыми денежными средствами. Это крупные экономические хозяйства, которые влияют на все стороны жизни края.
Сам архиепископ — ярый монархист, когда-то приятель покойного Григория Распутина. В прошлом году он лично посетил Петроград и убеждал Временное правительство в необходимости перевозки семьи Романовых под его опеку, так как в Тобольске «владыка Гермоген» действительно

похож на владыку. Местный Совет, в основе своей меньшевистско-эсеровский, для Гермогена слишком хлипкий противник. Единственные затруднения доставляет «владыке» небольшая по численности, но очень сплоченная большевистская фракция депутатов Совета, руководимая И. Коганицким; по настоянию большевиков тобольский совдеп несколько раз пытался поприжать архиепископа. Однако хитрый Гермоген, будучи настороже, почти всегда выкручивался.

В конце прошлого года дьякон Евдокимов по наущению священника Благовещенской церкви Алексея Васильева во время службы провозгласил «многие лета царствующему дому» Романовых. Местный Совет после короткого допроса наложил на попа и дьячка домашний арест. Но Гермоген тотчас укрыл обоих в монастыре.

Пользуясь покровительством архиепископа, в 25 церквах, на улицах города и даже в казармах монахи открыто распространяют листовки с призывами «помочь царю-батюшке» и «постоять за веру русскую, православную». Они ведут себя не по-монашески нахально и безбоязненно, как хозяева положения.

По сообщению местных большевиков, за последние полгода в Знаменском монастыре Тобольска и расположенном неподалеку от города Абалакском монастыре численный состав увеличился почти вдвое за счет «новообращенных братьев», которые слишком твердо ставят ногу, когда идут в церковь к обедне.

Среди населения самого Тобольска наиболее надежной опорой для Гермогена служит «Союз фронтовиков», образованный из офицеров и унтеров царской армии. Его руководитель, бывший штабс-капитан Василий Лепилин (по другим данным, Летемин), ежемесячно получает от архиепископа на текущие расходы по 12 тысяч рублей. Лепилин открыто угрожал местному Совету арестом всех членов исполкома и пугал «кровавой баней» вроде той, какую устроил в Оренбурге атаман Дутов. Однако что-то удерживает их от расправы. Может быть, и сам Гермоген приберегает «Союз» до поры до времени.

Хорошо налажена и прямая связь Гермогена с семьей свергнутого царя через духовника последней, отца Алексея Беляева, и начальника охраны полковника Евгения Кобылинского.

О Кобылинском екатеринбургским чекистам пока известно немногое. Это офицер-фронтовик. По убеждениям монархист. После февральской революции назначен комендантом Царского Села с приказом обеспечить безопасность Романовых. При отправке в Тобольск оставлен при экс-императоре в качестве начальника

конвоя. По всей видимости, полковник охотно вывезет своих пленников в любое время и в любое указанное ему место, если бы это зависело только от него лично. Но в отряде охраны свыше 300 солдат-фронтовиков 1-го, 2-го и 4-го гвардейских полков. И на них большое влияние оказывает выборный солдатский комитет. Его председатель — подпрапорщик А. Матвеев поддерживает контакт с большевистской фракцией Тобольского Совета. Комитет этот добился некоторого ужесточения режима для семьи Романовых: солдаты не разрешили Николаю и его сыну носить погоны, отобрали личное холодное оружие, запретили выход в город. Полковник Кобылинский в ответ на притеснения комитетом экс-монарха обещал «крупные неприятности», которые последуют со стороны двоюродного брата Николая II — английского короля Георга V. Один из командированных Екатеринбургской ЧК в Тобольск товарищей сообщает, что среди солдат охраны ходят упорные разговоры, будто весной они все разъедутся по домам, так как после вскрытия рек Тобола, Иртыша и Оби «охранять будет некого», мол, «охраняемые уплывут...».
В прямой связи с этим часто упоминается паровая шхуна «Святая Мария», которая с осени прошлого года встала на зимовку в Тобольском речном порту. Откуда она взялась — неизвестно, чье это судно — не ясно, команда ни с кем не общается и на берег почти не сходит. Вахту несут вооруженные люди и близко никого не допускают. Однако изредка к борту шхуны подъезжают монастырские обозы с продуктами, обнаруживая и тут вездесущую руку Гермогена...
Особое положение тобольского архиепископа и его возможности притягивают к себе внимание монархических организаций из центров страны; их посланцы стремятся прежде всего войти в контакт с Гермогеном. Неоднократно появлялись некие «братья» Раевские, они навещали владыку порознь и, несмотря на «родство», меж собой ни разу не встречались. У одного из них, задержанного Советом, обнаружено удостоверение «Всероссийского братства православных приходов», и на допросе этот «Раевский» заявил, что будто привез Гермогену письмо от епископа Нестора Камчатского. Депутаты-большевики местного Совета провели обыск в покоях архиепископа и нашли письмо из Крыма от бывшей царицы, матери Николая II Марии Федоровны, где она призывала Гермогена взять на себя миссию по спасению трона Романовых и восстановлению монархии в России. Кроме того, из тайников изъяты письма и документы, подтверждающие регулярные связи

с московскими и петроградскими монархическими центрами, их представителями в Тобольской губернии. В городе скрывается где-то, скорее всего в монастыре, резидент московского «Монархического центра». Упомянутый священник Васильев часто появляется в Тюмени возле некоего поручика Бориса Соловьева. По сведениям, полученным из надежного источника, Б. Н. Соловьев является зятем покойного «старца» Гришки Распутина и прибыл в Тобольскую губернию полномочным представителем петроградских монархических организаций. В пьяном виде поручик хвастался, будто пользуется особым доверием бывшей императрицы Александры Федоровны, состоит с ней в переписке и при этом показывал письмо, на котором вместо адреса обозначен необычной формы паучий крест [1]. Известно также, что Соловьев располагает большими суммами денег, предназначенных на вербовку людей в местные белогвардейские отряды и для подкупа нужных лиц. Весь поток бегущих офицеров, жандармов, царедворцев и прочих, следующих через Тюмень в Тобольск, нацелен на него и в дальнейшем распределяется по его усмотрению.
Несмотря на военное положение, введенное на всей территории Западной Сибири с 15 февраля текущего года, Б. Н. Соловьев свободно разгуливает по самой Тюмени и окрестным селам в сопровождении личной охраны. Его, конечно, следовало бы арестовать. Однако меньшевики и эсеры, преобладающие в Тюменском Совете, не дают возможности установить в городе революционный порядок. Попустительство их привело к тому, что сегодня в Тюмени на одной и той же улице идет запись в Красную гвардию и рядом открыто действует соловьевский вербовочный пункт «Народной армии». Немногочисленные красногвардейцы Тюмени несут охрану вокзала, почты, телеграфа и самого Совета, на большее не хватает сил. Территория от Тюмени до Тобольска полностью контролируется кулацко-белогвардейскими группами бывшего штабс-капитана Сергея Маркова.
Таким образом, Николай Романов с семьей, проживая в Тобольске, отгорожен с запада и юга от революционной народной власти сотнями верст таежного пространства, насыщенного приверженцами монархии.
В то же самое время он имеет перед собой совершенно свободные пути на север и восток. В восточном направлении, по зимнему тракту через Ишим при наличии перекладных лошадей или оленей, беглецов можно быстро доставить в любую точку Сибири и Дальнего

[1] Руководитель петроградской черносотенно-монархической организации Н. Е. Марков (Марков 2-й) в эмиграции писал: «Нашим условным знаком была свастика... Императрица хорошо знала этот знак и предпочла его другим...»

Востока. На Север можно сбежать с еще большей легкостью, даже с некоторым комфортом. Надо лишь дождаться ледохода. И как только «Святая Мария» сможет сдвинуться с места, на ней легко добраться до Обдорска[1], откуда остается пересесть на борт крейсера, который обещали прислать англичане еще Временному правительству. Сейчас, когда королевская эскадра уже находится в Мурманске, последний вариант оказывается наиболее вероятным.

Меры предупредительного характера, предпринятые со стороны Советского Урала в конце февраля — начале марта 1918 года, не дали ожидаемого результата. Из трех красногвардейских отрядов, посланных на перекрытие вероятных путей бегства Романовых, только один достиг конечной цели и оседлал восточный тракт Тобольск — Ишим. Другой отряд вышел из Надеждинска[2] по направлению через Никито-Ивдель и Укладовы Юрты на Березов с задачей контроля водного пути в северном направлении и пропал без вести. Следовательно, водный путь по Оби пока остается неперекрытым. Третий отряд екатеринбургских рабочих, продвигаясь по тракту Тюмень — Тобольск, дошел до села Голопутово, где и был полностью уничтожен бандой Маркова. На место преступления экстренно отправлен специально проинструктированный чекистами «летучий» отряд под командой Н. И. Зверева с двойной задачей: разгромить Маркова и на обратном пути через Тюмень навести в самом городе революционный порядок, прежде всего арестовав и доставив в Екатеринбургскую ЧК всех подозрительных лиц.

Исходя из такой напряженной ситуации, президиум исполкома Уральского областного Совета рассмотрел вопрос о необходимости срочного изъятия из Тобольска Николая Романова с семьей и перемещении его на новое место жительства в Екатеринбург под надежную охрану уральского пролетариата.

В один из ранних весенних дней секретарь Уралобкома партии, военный комиссар Урала и член президиума исполкома Совета Филипп Исаевич Голощекин выехал в Москву, чтобы заручиться согласием ВЦИКа на перевозку Романовых. Одновременно Екатеринбургская ЧеКа, получив «добро» исполкома, приступила к выполнению своего заранее разработанного плана. П. Д. Хохрякову предстояла поездка в Тобольск.

— Начинаем, Павел,— сказал Ефремов своему заместителю.— Предложения наши одобрены. Откладывать

[1] Ныне г. Салехард.
[2] Ныне г. Серов.

операцию до возвращения Голощекина нельзя.
— Давно готов,— ответил Хохряков,— и Татьяна моя согласна. К тому же и по родителям соскучилась...
— Вот-вот! Конспирация полная,— строго сказал Ефремов.— Ты уж извини за лишние напоминания, но иначе вам не одолеть и полпути до Тобольска. Перестреляют еще по дороге, как куропаток. А большой отряд, сам понимаешь, может вспугнуть Романовых: снимутся с места и ищи тогда ветра в поле!
— Где наша не пропадала! — весело хохотнул матрос. Однако Ефремов нахмурился, озабоченный веселостью и даже, как ему показалось, беззаботностью Павла. У Хохрякова, в отличие от него, не было достаточного опыта конспиративной работы: Павел привык действовать в открытом бою, а тут враг мог ударить откуда угодно, с любой стороны.
— Ваша легенда не должна вызывать никаких сомнений. Вы с Татьяной Наумовой жених и невеста. Она едет к своим родителям первой. Ты едешь вслед за ней, на смотрины. Кстати, костюм приличный себе купил?
— С Татьяной вместе выбирали,— похвастался Павел.— Очень даже жениховский костюм. В клеточку. Ей нравится.
— Я не о ее вкусе беспокоюсь, а о вашей безопасности,— усмехнулся Михаил Иванович.— В помощь тебе поодиночке в Тобольск проберутся Семен Заславский и Александр Авдеев. Оба с подложными «торговыми» паспортами. Документы на всех вас готовил наш работник Медведев, надежнейшие бумаги: не придерешься. Чуть позже по двое-трое начнут просачиваться остальные наши товарищи. Сбор в Тобольске у Коганицкого. Все прибывшие входят в полное твое распоряжение. Учти: лучшие кадры посылаем, все отборные боевики. Областной Совет дает тебе чрезвычайные полномочия по принятию всех мер, чтобы не допустить освобождения Романовых. В случае твоей гибели руководство группами переходит к Заславскому, не станет Заславского — руководитель Авдеев и так далее... Ну, они в курсе дела. Последовательность твоих задач: убедиться, что Романовы на прежнем месте, и прощупать, насколько надежна охрана. Наблюдение за губернаторским домом ведешь с первого дня. Дальше с помощью Коганицкого войди в контакт с местной властью, разберись, какие слои ее поддерживают, а главное, выясните настроение рабочих, портовиков, охотников и рыбаков — у них сейчас не сезон, и они все в городе. Всех рабочих охватить влиянием большевистской фракции Совета.
С их помощью создашь надежные условия,

чтобы исключить даже попытки Романовых к бегству. Омичи обещали прислать в Тобольск свой отряд красногвардейцев. Соединишься с ними. Во что бы то ни стало надо продержаться там до прихода наших основных отрядов с транспортом для перевозки Николая. С ними же прибудет комиссар со специальным мандатом на изъятие Романовых. Связь со мной нарочными.
В экстренных случаях — телеграммами на Дидковского. Они одновременно будут известны мне и Голощекину. Все запомнил?
— Ты уже четвертый раз одно и то же говоришь. Зазубрил наизусть.
— Это не помешает,— задумчиво сказал Ефремов и вдруг потребовал.— А ну-ка быстро скажи мне внешние приметы приближенных Николая!
Хохряков без запинки обрисовал всех подряд, включая и горничных.
— Можешь не сомневаться, Михаил Иванович,— успокоил матрос.— Мне эту компанию еще в новобранцах через «не хочу» вдолбили в голову. С полными титулами. Как перепутаешь кого-нибудь да еще не так обзовешь, тут же унтер кулаком напомнит. Даже великих князей положено было знать.
— А в лицо всех помнишь? — Михаил Иванович вынул из ящика письменного стола большую фотографию семьи Романовых. Ну-ка, поименно...
Павел, водя по фото пальцем, легко назвал каждого.
— Ладно,— подобрел Ефремов.— Значит, приступаем. Сегодня же сдай дела по штабу Красной гвардии Украинцеву. В военном отделе твое хозяйство примет Анучин. Так решил президиум исполкома. Действуй, Паша. Как это у вас, флотских, говорят: попутного ветра тебе...
— Лучше сказать: семь футов воды под килем,— поправил Хохряков,— чтобы на подводный риф не наскочить... Кстати, какие сведения от нашего летучего отряда? Настигли они Маркова?
Ефремов вздохнул и поморщился:
— Настигнуть-то настигли. И банду потрепали как следует. Так что путь для вас временно облегчен. Однако самого Маркова упустили. Отряд сейчас уже в Тюмени действует. Боюсь, что и вторую часть задания не полностью выполнят. Мы и сами-то еще не умеем как следовало бы работать: на ходу приходится учиться. На собственных ошибках. А эти ошибки нам кровью обходятся, Павел.
— Значит, быстрее научимся,— философски заметил Хохряков, на прощание пожимая руку своего товарища...

Вскоре в Тюмени были задержаны и переправлены в Екатеринбург под конвоем князь Львов, князь Голицин и бывший директор департамента полиции Лопухин. Об этом Уральский областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов известил телеграммой Я. М. Свердлова.

Из Москвы срочно телеграфировали:

«...Сообщите немедленно судьбу арестованных Львова запятая Лопухина и Голицина точка
Председатель ВЦИК Свердлов».

В ответ на запрос Я. М. Свердлова Екатеринбург тотчас ответил, что «задержанные Львов и другие числятся за следственной комиссией областного Совдепа» и в срочном порядке идет расследование.

В состав специальной следственной комиссии вошли: только что возвратившийся из Москвы Ф. И. Голощекин, член коллегии Екатеринбургской ЧК С. Е. Чуцкаев и заместитель областного комиссара юстиции Я. М. Юровский.

Самый молодой из подследственных Николай Заболоцкий, двадцатидвухлетний бывший подпоручик, охотно отвечал на вопросы членов комиссии. Родом из мещан. После окончания московской гимназии попал в Тверское кавалерийское училище, затем на фронте с февраля 1915 по ноябрь 1917 года. На службу к князю Львову его нанял Лопухин, будучи в Москве по делам. Арестован в Тюмени красногвардейцами летучего отряда, заподозрившими его. Но он от них не скрывал ничего: по указанным им адресам были арестованы все остальные...

— Скажите, гражданин Заболоцкий,— спросил Голощекин,— а что вы делали на вокзале?

— Выполнял поручение господина Лопухина, отослал несколько телеграмм в Москву.

— Красногвардейцы, задержавшие вас, показывают, что вы в течение двух суток следили за эшелонами, проходящими через Тюмень. Это правда?

— Да. Но я всего лишь исполнял поручение господина Лопухина. Я должен был в ближайшее время и сам отправиться в дорогу, и, видимо, в связи с этим господин Лопухин производил некоторые расчеты.

— А куда вы собирались ехать?

— В Омск, в Томск и до Иркутска. А может быть, и до Владивостока. Так мне предварительно было сказано. Я должен был найти покупателей на пушнину.

— У вашей фирмы много пушнины? — вдруг бросил вопрос внимательно слушавший и молчавший до того Чуцкаев. Молодой человек растерянно посмотрел на интеллигентного, аккуратно одетого человека и пожал плечами.

— Не знаю. Видимо, запасы большие, коли меня посылали в несколько городов.
— Какую именно пушнину вы предлагаете? Какого сорта? По какой цене? Чохом или в розницу? — не отставал Чуцкаев.— Допустим, в моем лице вы нашли покупателя. Ну?!
Заболоцкий покраснел и смутился, потупившись. Члены комиссии переглянулись.
— Мне кажется очень подозрительным, что коммивояжер не может ответить на первостепенные в торговом деле вопросы! — резко заключил Чуцкаев.
— Я новый человек в фирме,— забормотал торопливо юноша.— Я только в феврале приехал сюда. Я хотел после службы поступить в университет и до того решил немного заработать для учебы. Но, наверное, эти вопросы должен был осветить господин Лопухин в тех письмах к покупателям, которые он обещал выдать мне перед самой поездкой...
— Значит, вам предстояло искать не покупателей вообще, а совершенно определенных лиц? — уточнил Голощекин.
Заболоцкий кивнул.
— Адреса у вас записаны?
— Нет. Адреса были написаны прямо на конвертах. Я видел их и запомнил только иркутский: книжный магазин Пустонина.
Юровский заметил:
— Пушнину-то? В книжный магазин?
— Да. Потому и запомнил, что бросилось в глаза это несоответствие. Впрочем, моя задача была простая: найти адресата, сказать, что я от Георгия Евгеньевича, ищу покупателей на пушнину. И подать конверт.
Чуцкаев внимательно посмотрел на юношу.
— А вы не находите, что это похоже на пароль?
— Похоже, конечно,— Заболоцкий вздохнул.— Но мне господин Лопухин объяснял, что торговое дело требует конспирации.
Юровский сердито пристукнул ладонью по столу.
— Слушай, парень! — с досадой сказал он.— Ты ведь успел хлебнуть окопной жизни, а такой простофиля! Западная Сибирь на военном положении. Небось знаешь, чем кончается на фронте жизнь лазутчика? Эти князья втянули тебя в скверную историю.
Заболоцкий побледнел, руки его задрожали.
— Вспомните, пожалуйста, Заболоцкий, какие-нибудь серьезные разговоры о делах фирмы. Пусть даже и не совсем понятные для вас.
— В основном при мне говорили о предстоящих командировках. Часто еще беспокоились о каком-то больном пациенте, который хворает...

— И о смене климата для его выздоровления. Так, что ли? — добавил Чуцкаев, ухмыльнувшись. Он наклонил голову, и стеклышки очков его весело заблестели.
Заболоцкий удивился.
— А вы откуда знаете?
— Ну вот что, Николай,— внезапно погасил улыбку Чуцкаев.— Берите-ка перо, бумагу и выкладывайте подробно, ничего не пропуская: что видели, что слышали с момента прибытия в Тюмень, куда ездили, с кем и где встречались...
Заболоцкий, переводя взгляд с одного на другого членов следственной комиссии, торопливо сказал:
— Только не отпускайте меня отсюда подольше. А то, чего доброго, опять в какую-нибудь историю вляпаюсь...

В противоположность бесхитростному Заболоцкому остальные подследственные не собирались давать правдивые показания. Признавались они лишь в том, что было и так очевидно или же подтверждалось неоспоримыми уликами. Наличие широко разветвленной организации с центром в Москве не отрицали, но при этом утверждали, что их общество преследует чисто экономические цели: эксплуатацию природных богатств Сибири. Конкретный же адрес руководившего обществом центра они не называли по той простой причине, что, дескать, общество создалось не формальным образом и в качестве официального учреждения нигде не зарегистрировано, а существует лишь эфемерной поддержкой группы частных лиц, называть которых поименно они опять же не могут, поскольку-де не уполномочены. Подследственные давали умышленно путаные и неопределенные разъяснения таких мест. Особенно усердствовал князь Львов, по-видимому полагавший, что ему, человеку с юридическим университетским образованием, ничего не стоит сбить с толку совдеповских следователей.
Львов старался главным образом обезопасить себя и свою группу на предстоящем суде с формально-юридической стороны дела (здесь он считал себя специалистом). Следственная же комиссия в прямых вопросах, делая вид, что ее действительно очень интересует сам Львов и его группа, фактически вытягивала из него косвенными вопросами сведения, нужные чекистам для выяснения связей.
Предварительные допросы в Екатеринбургской ЧК выявили круг людей, с которыми князь Львов контактировал за последние три-четыре месяца чаще всего. По уверениям Львова, их общие интересы лежали в сфере сугубо

экономической, чекистам же эти «деятели», как раз наоборот, известны были исключительно как функционеры-руководители буржуазных партий и антисоветских организаций. И, пожалуй, единственная их экономическая деятельность состояла в том, что они устраивали сборы средств среди крупной русской буржуазии, а затем делили эти деньги между контрреволюционными группировками, мимоходом продавая себя и Россию иностранным державам.

Краткие, естественно далеко не полные, характеристики таких «друзей» князя Львова, подготовленные Чуцкаевым, сами по себе были достаточно красноречивы. Михаил Иванович Ефремов, просматривая представленный ему обзор, покачал головой: «Прямо по пословице выходит — скажи мне, кто твой друг...»

...До сих пор екатеринбургские чекисты вплотную сталкивались с лицами, чья контрреволюционная деятельность, несмотря на нити, восходящие куда-то вверх к центрам, имела все-таки местный характер и не выходила далеко за пределы Тобольской губернии. Вся их энергия сосредоточивалась вокруг губернаторского дома в Тобольске и шла на установление связей между собою и с семьей Романовых. Пожалуй, если бы им и удалось организовать побег, то следующим на очередь сам собою вставал вопрос: а что дальше? Романовых следовало тотчас переправить в безопасное место: или в Англию, или на Дальний Восток, где они могли бы укрыться в стане белогвардейских соединений и в крайнем случае добраться до своих союзников по Антанте. А для этого потребовалось бы увязать действия всех местных монархических отрядов с одновременными встречными крупными операциями извне.

Вот как раз на это-то у «мелких» контрреволюционных тобольских «сошек», вроде поручика Соловьева, штабс-капитана Маркова, пронырливого попа Гермогена, и не хватало ни организаторского опыта, ни ума, ни должного авторитета в глазах тех, с кем предстояло войти в связь и «говорить на равных»...

Тут нужна была крупная политическая фигура, которая своей солидностью государственного деятеля устраивала бы одновременно как внутреннюю контрреволюцию всех мастей, так и правительственные круги империалистических стран...

Эта фигура и появилась в поле зрения Тюменского Совета, а затем стала предметом особого внимания Екатеринбургской ЧК — князь Георгий Евгеньевич Львов, бывший премьер-министр Временного правительства.

Монархистов он устраивал хотя бы потому, что главой

Временного правительства его назначил при отречении от престола сам Николай II.
Князь Львов — представитель высшего сословия и крупный землевладелец, значит, для дворян, помещиков он тоже свой человек.
Вместе с тем, Львов — председатель земского союза, и, следовательно, для всех чиновников земства, городских дум, для купцов и предпринимателей он лицо, стоящее на страже общественных интересов всех слоев городской и сельской буржуазии.
И уже как бывший премьер Временного правительства Г. Е. Львов — государственный деятель, известный за рубежом и внутри страны умением ладить с политическими лидерами буржуазных, мелкобуржуазных и соглашательских партий...
Все говорило о том, что контрреволюционный заговор монархистов достиг своей завершающей фазы: техническая сторона вопроса, по-видимому, уже решена, механизм отлажен, все шестеренки его приведены в соприкосновение. Осталось только взять в умелые руки управление и согласовать время...
В этот решающий момент чекисты арестовали Львова и его помощников. Как сказал бы матрос Хохряков, контрреволюционный корабль лишился сразу и капитана, и главного механика...

Говорят, лучший способ защиты — нападение; может быть, поэтому князь Львов потребовал встречи «тет-а-тет» с одним из членов следственной комиссии...
— Видите ли, уважаемый,— напористо приступил к делу Георгий Евгеньевич.— Мне кажется, надо бы внести юридическую определенность в сложившуюся ситуацию, как это принято в цивилизованных обществах.
— Слушаю вас,— ответил Чуцкаев и облокотился на дощатый стол, разделяющий их.
— Дело в том, что мне предъявлено слишком абстрактное и объемное обвинение, в котором я не могу понять сути. Члены следственной комиссии, по-видимому, не очень сведущие в юриспруденции люди?
— Да, это так. Один бывший врач. Другой — недоучившийся инженер. Третий — часовой мастер.
— Простите, а у вас лично какое образование?
— Нет, я не юрист,— простодушно улыбнулся Сергей Егорович.— У нас действительно неквалифицированные кадры. Однако, как говорится, взялся за гуж — не говори, что не дюж.
— А я, к вашему сведению, в свое время окончил юридический факультет университета,— назидательным

тоном произнес Львов и многозначительно распрямился на табуретке.— И как специалист берусь помочь вам в скорейшем выяснении существа дела.
— Ну, что ж. От помощи мы не откажемся,— одобрил Чуцкаев.
— Дня за два до нашего ареста,— напористо продолжал князь,— в газетах была помещена телеграмма из Владивостока о том, что в Пекине образовалось новое русское правительство, возглавляемое мною. Ваши бан... Ваши солдаты, арестовавшие меня, упоминали об этих газетных сообщениях, естественно, этим простым людям одновременное пребывание мое в Тюмени и в Пекине показалось подозрительным. Я их вовсе не осуждаю. Тем более в такой нервической обстановке им некогда над этим и задуматься. Но сейчас-то вы и сами согласились со мной, что это явный абсурд!
— И отсюда следует, что мы должны освободить вас? — полуутвердительно спросил Сергей Егорович.
— Разумеется.
— А я думаю, отсюда следует, что вы умышленно сбиваете наше неквалифицированное внимание в сторону очевидной нелепости,— жестко бросил Чуцкаев, глядя прямо в лицо князя.— Насколько я понимаю, в газетах речь идет не о вас, а о вашем однофамильце — бывшем обер-прокуроре Святейшего синода Львове. Да об этом вы не хуже меня знаете. И арестованы вы не как руководитель самозваного правительства России, а как участник контрреволюционного заговора, готовящегося здесь, в Западной Сибири.
— Я вас плохо понимаю...
— Это ничего. Главное, чтобы я вас хорошо понимал,— усмехнулся Чуцкаев, раскрывая толстую папку.— Впрочем, я не возражаю против продолжения разговора об однофамильце. Это нас тоже интересует. Скажите, Георгий Евгеньевич, вы с обер-прокурором большие друзья?
— Нет, что вы! Мы, конечно, хорошо знакомы и часто общались. Но только по служебным делам. Не более.
— Значит, он навещал вас в Тюмени тоже по служебным делам? — уточнил Чуцкаев.
— Я вас не понимаю...
— Как я заметил, вы перестаете понимать собеседника, когда вам нужно оттянуть время для обдумывания ответа. И все-таки: посещал ли вас в Тюмени ваш однофамилец?
— Затрудняюсь ответить,— проговорил Львов, пытаясь сообразить, что чекистам об этом уже может быть известно, а что — нет.
— А вы не затрудняйтесь. Отвечайте правдиво: да или нет?

— Пожалуй, нет.
— Опять неопределенность в ответе, гражданин Львов. Ну, хорошо, я попытаюсь помочь. К протоколам ваших показаний приобщены и показания Военного комиссара Западной Сибири Зайцкуса о том, что в ночь на 12 марта на одной из снимаемых вами квартир вы встретились с бывшим обер-прокурором Святейшего синода Львовым. После этого вы, несмотря на поздний час, спешно покинули квартиру и назад уже не возвратились. Вслед за тем арестованы на улице возле дома Лопухина. Ответьте, пожалуйста, какое именно «служебное дело» заставило вашего однофамильца появиться в таком захолустье и ради одночасовой беседы с вами преодолеть длинный, утомительный и опасный путь? Молчите, Георгий Евгеньевич? Опять затрудняетесь с ответом? Здравый смысл, к которому вы меня призывали, заставляет предположить, что бывший обер-прокурор привез очень важные сведения, коли об этом пришлось ставить в известность господина Лопухина даже во втором часу ночи. Отвечайте, гражданин Львов, какие именно сведения вы получили от своего однофамильца в ночь на 12 марта?
Князь Львов, ошеломленный неожиданным поворотом беседы, не нашел ничего лучшего, как прибегнуть к уже проверенным уверткам:
— Беседа наша касалась сугубо денежной стороны,— выдавил он, несколько запинаясь на словах.— И, поскольку она была конфиденциальна, я, как порядочный человек, не считаю себя вправе разглашать материальные затруднения господина Львова и степень его личной заинтересованности в делах нашей фирмы...
Чуцкаев резко оборвал собеседника:
— Бросьте! Ваша фирма существует около четырех месяцев. Представители ее курсируют по всей Западной Сибири и другим городам страны. При такой кипучей энергии удивительно, что за все это время не произведено ни одной сделки по купле-продаже. И тем не менее вопреки законам экономики фирма не обанкротилась. Где тут здравый смысл? Ваш странный коммивояжер полный профан в торговле, тем не менее вы посылаете его в разные города якобы на поиски покупателей пушнины. Вы человек, руководивший когда-то большой экспедицией в Сибири, следовательно, хорошо знаете, что пушнину, закупленную в Тюмени, разумеется, сбывать надо в Москве или Тамбове, но никак не в Иркутске и Томске. В лес дрова не возят, гражданин Львов!
Впрочем, вы вступаете в противоречие не только со

здравым смыслом, но и с самим собой. То вы утверждаете, что лечились после ухода с поста премьера Временного правительства в Ялте, в Москве, а теперь, оказывается, заканчиваете свое лечение здесь, в Западной Сибири. Кстати, у тюменских бабок лечитесь, Георгий Евгеньевич, или у северных шаманов? В одних показаниях — вы больной человек, которому не помогли даже столичные профессора и у которого одна надежда на спокойный образ жизни, в других заявляете, что занялись организацией торгово-экономической фирмы, взявшей на себя ни много ни мало, как эксплуатацию природных богатств Западной Сибири! Да еще, сами того не заметив, проговариваетесь о своих планах «при посещении Америки побывать у Вильсона»... Не сходятся концы с концами, Георгий Евгеньевич...

Львов сидел насупившись; он оказался не готов к таким обличениям. Однако надо же как-то и выкручиваться...

— Пусть так,— откашлявшись, проговорил он.— Противоречия и в моих показаниях, допустим, есть. Но что вы мне все-таки инкриминируете? Нерентабельность фирмы? Вот эти самые оговорки?

— Позвольте! По вашему собственному желанию я всего лишь рассмотрел ситуацию с точки зрения здравого смысла. Он, я вижу, вас больше не устраивает, поскольку оказывается не на вашей стороне. И вы предлагаете перейти на язык юридический?

— Да, пожалуйста. Обоснуйте, с какой стати меня здесь держат под арестом и каким-то нелепым следствием. Это противозаконно! — Сергей Егорович поднялся из-за стола, опираясь на него ладонями.

— Успокойтесь, гражданин Львов.— Во-первых, одно только ваше нелегальное проживание без прописки на территории, объявленной на военном положении, влечет за собою ограничение свободы до 10 месяцев, как следует из приказа военного комиссариата. А во-вторых, в соответствии с постановлением Совета Народных комиссаров республики есть Чрезвычайная комиссия — орган розыска пресечения и предупреждения контрреволюционных преступлений. Вас разыскали, своевременно взяли под стражу, а тем самым обезвредили. Это — главное. А степень вашего личного участия в подготовке контрреволюционного заговора выясняет следственная комиссия. Меру же наказания вам определит суд. Как видите, законность у нас вполне соблюдается. Только иная и, на ваш взгляд, может быть, неподходящая — пролетарская законность.

Чуцкаев захлопнул папку с показаниями и внимательно, как бы заново, прочитал надпись на ее картонной обложке:

«Следственное дело по обвинению бывшего князя Львова Г. Е. и др. в совершении контрреволюционных преступлений, направленных против основ советского строя, установленного в России волею рабочих и крестьян».
Характерно, что впоследствии, уже проживая в эмиграции, князь Львов старался не вспоминать о крахе своей миссии в Западной Сибири и прикрывавшей ее «торгово-экономической» фирмы. Ни разу не упомянул он также и о своем «знакомстве» с Екатеринбургской ЧК, членами следственной комиссии Уральского Совета и о нескольких десятках страниц показаний, оставшихся в толстой папке, на обложке которой была длинная и так не понравившаяся ему когда-то формулировка «дела».
Лишь однажды в письме к президенту США В. Вильсону от 19 ноября 1918 года Львов обмолвился, что был арестован и оказался на свободе лишь летом, после захвата белыми Екатеринбурга.
Очевидно, само воспоминание о вынужденном пребывании в Екатеринбурге не вызывало у него положительных эмоций. Кому приятно вспоминать о своем проигрыше?! Тем более проигрыше людям, которых сам не считал за достойных противников и рассчитывал «обвести их вокруг пальца». Стыдно признаться... Впрочем, правильнее сказать, княжеское самолюбие не позволило. Трудно применимо понятие «стыд» к человеку, который в том же письме к Вильсону сообщал, что прибыл в США с целью «устранить естественные сомнения для интервенции союзников» против собственной страны, который активно добивался признания Колчака верховным правителем России со стороны всех внутренних и внешних контрреволюционных сил.

Из Тобольска от Павла Хохрякова начиная с двадцатых чисел марта регулярно приходили обнадеживающие известия. Его боевая группа продолжала расти за счет постоянно прибывающих из Екатеринбурга товарищей. Связь с тобольскими большевиками налажена прочная. С первого дня прибытия за губернаторским домом установлено круглосуточное наблюдение. Семья Романовых и все приближенные на месте. Охрана бывшего царя за последнее время убавилась почти наполовину, так как часть солдат самовольно разъехалась по домам. Зато оставшиеся гвардейцы под влиянием солдатского комитета и местных большевиков левеют с каждым днем; их патрули несут охрану не только вокруг забора, но и в прилегающих жилых кварталах города.
На консервной фабрике и лесопильном заводе с помощью вновь прибывших оживилась деятельность профсоюзов.

Настроение рабочих Тобольска по-настоящему боевое. При инициативной поддержке большевистской фракции Совета депутатов уже началась запись добровольцев в Красную гвардию. С прибытием в конце марта омского красногвардейского отряда под командой Демьянова в Тобольске определился перевес революционных сил...
Однако Хохряков не был бы Хохряковым, если бы он ограничился инструкциями и «программой-минимум».
По его указанию прибывшие из Омска и Екатеринбурга красногвардейцы заняли здание духовного училища, явочным порядком потеснив владыку Гермогена. В соответствии с военным положением в Западной Сибири на улицы города вышли вооруженные патрули с красными повязками.
Выступая на многолюдных митингах, Павел Хохряков призывал к наведению в городе настоящего революционного порядка и предупредил, что большевики и рабочие Тобольска будут «драться до победного конца с теми, кто поднимет руку на революцию».
Оформившись со 2-го апреля как самостоятельная партийная организация, большевики провели успешную кампанию по перевыборам Совета и изгнанию из него меньшевиков и эсеров. Отныне состав президиума исполкома Тобольского Совета стал полностью большевистским. Первое постановление его, вышедшее за подписью вновь избранного председателя Хохрякова и секретаря Демьянова, окончательно выбивало почву из-под ног местной контрреволюции. Вся хозяйственная, административно-политическая и военная власть как в городе, так и в уезде отныне переходила в ведение Совета.
Весь служебный и технический персонал, занятый в общественных, государственных, городских и уездных учреждениях, обязан был оставаться на занимаемых местах. Всякая попытка срыва или прекращения текущей работы без ведома Совета отдельными лицами, учреждениями и предприятиями рассматривалась как саботаж, а виновные предавались революционному суду.
Особыми декретами исполком распустил городскую думу и земство, запретил представителям духовенства вмешиваться в общественную жизнь, заниматься политикой и оказывать какое-либо давление на органы власти.
И наконец, что не менее важно, Совет взял в свои руки охрану и обеспечил полный контроль над домом заключения Романовых...
Тщательно разработанная екатеринбургскими чекистами операция подошла к заключительному этапу.
Арест тюменской группы князя Львова и установление в самом Тобольске по-настоящему революционной Советской власти внесли сумятицу в ряды монархистов,

спутали их планы. Однако непосредственный механизм заговора через некоторое время мог быть приведен в действие. Роль князя Львова с успехом бы выполнил и кто-то другой из крупных контрреволюционных деятелей, имеющий достаточно широкие связи за границей и среди внутренней контрреволюции. Хотя бы тот же бывший обер-прокурор В. Н. Львов, поскольку уж он оказался в Западной Сибири и избежал ареста.

Да и рядовые исполнители, увидев свои планы под угрозой срыва, вот-вот собирались пуститься в кровавую авантюру: из Тюмени приходили сведения о слиянии разрозненных кулацко-офицерских банд в единый крупный отряд, по слухам насчитывающий до тысячи человек.

И пока еще монархисты не оправились от удара, нанесенного им Екатеринбургской ЧК, нужно было успеть завершить начатое.

Военный комиссар Урала, секретарь обкома партии Ф. И. Голощекин распорядился о срочной переброске в район Тобольска дополнительных воинских сил.

На помощь красногвардейцам Хохрякова, Авдеева, Заславского, Демьянова из Екатеринбурга двинулась рота красноармейцев под командой Бусяцкого, который получил приказ обеспечить доставку Николая Романова «живым или мертвым». Начальник штаба боевых организаций народного вооружения Уфы, будущий руководитель местной ЧК Петр Иванович Зенцов сформировал и отправил по железной дороге на Тюмень сводную группу из конных красногвардейцев Миньярского завода под командой своего брата Григория и отряд уфимских боевиков-пулеметчиков во главе с Дмитрием Михайловичем Чудиновым, тоже будущим чекистом. Вслед за ними из Уфы отбыл в сторону Тюмени еще и конный отряд боевиков Петра Гузакова. Дополнительно к завершению операции привлекались красногвардейские отряды близлежащих уездных центров — Каменска и Камышлова.

В их задачу входило: безопасность населенных пунктов, расположенных по тобольскому тракту, содержание в полной готовности перекладных лошадей на пути следования основных отрядов и обеспечение связи верховыми нарочными.

С предельной скрупулезностью екатеринбургские чекисты организовали жесткий контроль за ходом самой перевозки семьи Романовых и обеспечение регулярной связи по всему маршруту экспедиции. Узловые железнодорожные станции и вокзал самой Тюмени взяли под наблюдение специально присланные из Екатеринбурга комиссары. На пути продвижения отрядов, везущих экс-императора, были

подобраны надежные кадры телеграфистов из числа проверенных партийцев. Начиная с выхода специального внеочередного поезда № 42 из Тюмени и вплоть до его прибытия в Екатеринбург дежурный по Уральскому Совету должен был принимать регулярные телеграфные сообщения со станций о прохождении состава и в случае любых задержек его в пути немедленно докладывать...
А на углу Вознесенского проспекта, напротив Вознесенской церкви, уже реквизирован во временное пользование двухэтажный небольшой особняк с прочными стенами и высоким забором вокруг. Уже по предложению члена президиума исполкома П. Л. Войкова покинул дом бывший уральский промышленник и коммерсант Ипатьев, протянута электрическая и телефонная проводка, опробованы освещение и сигнализация, уже оборудованы посты внутренней и наружной охраны и в официальных документах этот особняк называется не домом Ипатьева, а дом особого назначения...

«Дальнейшие сведения из Екатеринбурга поступили следующие: у Николая был произведен обыск и отобрано около 80 тысяч денег; у некоторых приближенных отобрали переписку, в частности у Гермогена и Долгорукова, и они теперь не на воле, а заключены вместе с Николаем. Отобранная у них переписка преступного свойства, говорящая о попытке ускорить, организовать побег или вывоз Николая из Тобольска, причем при обыске Николай заявил членам Уральского областного Совета, что до сих пор, в течение шести-семи месяцев, он имел дело с чрезвычайно порядочными и вежливыми людьми, а теперь позволяют себе обыск. Это заявление весьма характерно.
Нами даны указания Уральскому областному Совету о самом строгом содержании Николая и о недопущении хождений кого-либо из его приближенных в город и обратно; все сведения могут быть разрешены только областным Советом непосредственно и никем другим, сама команда делать этого не смеет. Во всяком случае, Николай теперь должен находиться в более надежных руках и должен чувствовать, что он является не кем иным, как нашим арестантом, арестантом Советской власти. У нас до сих пор не поднимался вопрос о дальнейшей судьбе Николая, но, вероятно, в ближайшее время нам придется этот вопрос перед собой поставить...»

(Из сообщения Я. М. Свердлова
на заседаниях ВЦИК 9 мая 1918 г.)

ХРОНИКА

Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции на Среднем Урале[1]

Подготовил Н. Н. Попов

1917 год

27 февраля. В России победила февральская буржуазно-демократическая революция. Бюро ЦК партии большевиков выпустило Манифест «Ко всем гражданам России» о свержении царизма.

Начало марта. Вышли из подполья Екатеринбургская, Верхнетуринская, Кушвинская, Невьянская и Ревдинская организации РСДРП, в которых насчитывалось около 130 человек.

1 марта. В Надеждинске оформилась объединенная социал-демократическая группа численностью около 30 человек. К середине апреля в ней состояло 250 членов партии.

3 марта. Трудящиеся освободили из тюрьмы руководителей екатеринбургских большевиков во главе с И. М. Малышевым. На состоявшемся в этот же день первом легальном собрании городской парторганизации он стал председателем временного комитета РСДРП(б), в который вошли Л. И. Вайнер, А. К. Лепа, А. И. Парамонов, А. Я. Фехтер и другие. Комитет принял решение провести выборы в Совет.

4 марта. Прошли выборы в Невьянский Совет рабочих депутатов. В его президиум вошли только большевики.

4 марта. Состоявшееся в Камышлове собрание 23 членов РСДРП образовало временный комитет. 9 апреля собрание, на котором присутствовало уже 74 человека, избрало постоянный комитет. В конце апреля в организации было около 200 членов партии.

5 марта. Воссоздана Алапаевская большевистская организация. К концу апреля в ней насчитывалось 386 человек.

5 марта. В Ревде образовалась организация РСДРП, в которую в середине апреля входило 350 человек.

7 марта. В Алапаевске оформился Совет рабочих депутатов, руководимый большевиками.

7 марта. Состоялось организационное собрание членов РСДРП(б) на штамповочном заводе при станции Ревда, избравшее комитет из трех человек. К середине апреля в организации было 165 человек.

8 марта. Создан Екатеринбургский Совет солдатских депутатов. На следующий день избран исполнительный комитет из 28 человек. Его председателем стал большевик, прапорщик 124-го пехотного полка П. М. Быков.

8 марта. В Екатеринбурге состоялось собрание, посвященное организации профсоюзов, на котором Л. И. Вайнер в полемике с эсером Мосуновым выступил за создание крупных

[1] Все даты приводятся по старому стилю.

профессиональных объединений, стоящих на позициях перехода власти в руки трудящихся.
9 марта. Газета «Уральская жизнь» опубликовала обращение Екатеринбургского комитета РСДРП(б) по поводу проведения первого женского митинга.
11 марта. Совет рабочих и солдатских депутатов во главе с большевиками создан в Ревде.
13 марта. В Верхней Туре состоялось первое легальное собрание членов РСДРП(б), которое избрало комитет и объявило запись в партию. К середине апреля в большевистскую организацию вступило 1200 человек.
15 марта. Образовался руководимый большевиками Пышминско-Ключевский Совет рабочих депутатов.
15 марта. Собрание Екатеринбургского Совета солдатских депутатов приняло временный наказ Исполнительному комитету Совета, регламентировавший его деятельность.
17 марта. В Нижнем Тагиле прошло организационное собрание объединенной группы РСДРП, на котором избран комитет. Самостоятельную организацию большевики образовали в июле.
19 марта. Возглавляемые большевиками Советы созданы в Верхней Туре и Михайловске.
19 марта. Состоялось первое собрание Екатеринбургского Совета рабочих депутатов, в котором приняло участие свыше 100 представителей от фабрик и заводов. Из 15 членов исполкома, избранного на собрании, 9 являлись большевиками.
23 марта. В Екатеринбурге прошло первое собрание объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов, принявшее решение об установлении с 1 апреля на всех предприятиях города 8-часового рабочего дня. Председателем исполкома городского Совета избран П. М. Быков.
25 марта. В Нижних Сергах проведен митинг рабочих, на котором выступил видный екатеринбургский большевик В. Н. Андронников. Открыта запись в члены РСДРП(б). К середине апреля в организации состояло 412 человек.
До 28 марта. Большевики Екатеринбурга издали и распространили в массах 25 тысяч экземпляров Программы партии и 50 тысяч сборников «Песни революции».
Март. Большевистские организации возникли после февральской революции на Каменском, Михайловском, Нижнесергинском заводах, в Лобве, Сысерти, на Богословских медных и Вознесенских асбестовых рудниках и других местах. Объединенные с меньшевиками организации РСДРП временно образовались в Верхнесинячихинском, Нижнесинячихинском, Нижнетуринском и Северском заводах.
Конец марта — начало апреля. На Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде

принято решение о разделении страны на 13 областей и образовании областных Советов. В состав Уральской области включались Пермская, Уфимская, Вятская губернии, Челябинский и Троицкий уезды Оренбургской губернии.

Март — июнь. В Екатеринбурге активно шло образование профессиональных союзов, объединявших рабочих и служащих. В марте в городе образовалось 14 профсоюзов, в апреле — 13, в мае — 12, а за 4 месяца (март — июнь) — свыше 40 профессиональных объединений.

5 апреля. Состоялось организационное собрание профсоюза металлистов Екатеринбурга. На собрании выступил с речью И. М. Малышев, изложивший точку зрения большевиков на задачи профсоюзов. Избранное на собрании временное бюро союза возглавили большевики.

5 апреля. При Екатеринбургском комитете РСДРП(б) образована юношеская организация, в которую вошла рабочая и учащаяся молодежь. Цели организации состояли в политическом воспитании молодежи и содействии партии большевиков путем распространения литературы, выполнения различных поручений.

6 апреля. Начались занятия в пропагандистской коллегии, созданной Екатеринбургским комитетом РСДРП(б).

8 апреля. В Екатеринбург для помощи местным партийным организациям в подготовке и проведении областной конференции прибыл член ЦК РСДРП(б) Я. М. Свердлов. Им создано Уральское бюро ЦК, выполнявшее функции руководящего партийного органа до избрания Уралобкома РСДРП(б).

10 апреля. Рабочие Ревдинского завода ввели 8-часовой рабочий день.

10—14 апреля. Образовались большевистские организации Атигского проволочно-гвоздарного и Таватуйского динамитного заводов, Егоршинских угольных копей, Пышминско-Ключевского медного рудника.

12 апреля. Состоялись организационные собрания Новолялинской и Нижнесалдинской объединенных с меньшевиками организаций РСДРП. Самостоятельные организации большевики образовали в августе 1917 года.

12 апреля. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) опубликовал обращение к членам партии и трудящимся с призывом поддержать подготовку к изданию на Урале рабочей газеты.

14—15 апреля. В Екатеринбурге под руководством Я. М. Свердлова проходила Первая (Свободная) Уральская социал-демократическая конференция, в которой участвовало 65 делегатов от 43 организаций, объединявших 15640 членов партии. На ней были заслушаны доклады с мест и обсуждены вопросы о войне, об отношении к Временному правительству, о Советах, о III Интернационале,

аграрный, организационный и другие. Избран областной комитет в составе 5 членов и 3 кандидатов. На первом заседании конференция приняла решение послать приветственную телеграмму ЦК партии и В. И. Ленину.

14—18 апреля. Состоялся съезд волостных комитетов общественной безопасности Екатеринбургского уезда, принявший постановление о передаче всех земель в народное пользование.

После 15 апреля. Уральский областной комитет РСДРП(б) напечатал в Екатеринбурге листовку «Кто такие большевики?», в которой излагались основные требования партии.

16 апреля. На Пышминско-Ключевском медном руднике состоялся многолюдный женский митинг. С докладами «Что должна знать и делать трудящаяся женщина в настоящий момент», «Женщина и война» на нем выступила член Екатеринбургского комитета РСДРП(б) К. Г. Завьялова.

18 апреля. По постановлению Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов в городе отмечался пролетарский праздник 1 Мая в день, когда его праздновала вся рабочая Европа. Состоялась многолюдная демонстрация, в которой участвовали рабочие, солдаты, учащаяся молодежь, военнопленные. На Кафедральной, Сенной и Верх-Исетской площадях были организованы митинги.

22 апреля. Вышел в свет первый номер газеты «Уральская правда» — орган Уральского областного и Екатеринбургского комитетов РСДРП(б).

22 апреля. По решению Екатеринбургского комитета РСДРП(б) в городе проведен День рабочей печати. Митинги рабочих Верх-Исетского завода, льнопрядильной фабрики Макарова и других предприятий приняли резолюции о бойкоте лживой буржуазной печати и необходимости поддерживать большевистские газеты «Правда», «Уральская правда» и другие.

23 апреля. Крестьяне Саранинской волости Красноуфимского уезда захватили луга и пашни землевладельца Бобянского.

23 апреля. Собрание около тысячи солдат Екатеринбургского гарнизона обсудило вопросы о войне и Временном правительстве и высказалось за мир без завоеваний и контрибуций, а также призвало рабочих, крестьян и солдат организоваться вокруг Советов.

24 апреля. Создан третий районный комитет РСДРП(б) Екатеринбурга, объединивший партийные организации всех служб железной дороги, железнодорожных мастерских, завода Ятеса, мельниц Макарова и Первушина.

24—29 апреля. На проходившей в Петрограде VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) большевиков Среднего Урала представляли Я. М. Свердлов, Н. Е. Ляхин,

Т. И. Сысков и другие. Выступивший на конференции руководитель делегации уральских большевиков Я. М. Свердлов рассказал об их активной деятельности в массах.
25 апреля. На организационном собрании профсоюза деревообделочников Екатеринбурга выступил И. М. Малышев. Собрание приняло устав союза и избрало бюро из 7 человек.
27 апреля. Общее собрание рабочих екатеринбургского завода Злоказова приняло решение ежемесячно отчислять один процент заработка в фонд газеты «Уральская правда».
27 апреля. Собрание рабочих Дегтярского рудника приняло резолюцию, в которой выразило недоверие Временному правительству, потребовало прекращения империалистической войны, заявило протест против травли буржуазией рабочей печати и высказалось в поддержку газеты «Уральская правда». В ее фонд было выделено 100 рублей.
30 апреля. Состоялось общее собрание членов РСДРП(б) 2-го района (ВИЗ) Екатеринбурга, на котором был избран районный комитет из 7 человек. Организация объединяла 200 членов партии.
Конец апреля. Численность организаций РСДРП(б) в Екатеринбургском уезде составляла 4801 человек (из них 1700 — в Екатеринбурге), в Верхотурском — 3058, в Красноуфимском — 847. В Камышловской парторганизации было 200 большевиков, в Егоршинской — 53.
2 и 3 мая. В Нижней Салде состоялись митинги рабочих и женский митинг, на которых выступила член Екатеринбургского комитета РСДРП(б) К. Г. Завьялова с докладами об аграрной программе большевиков, об их отношении к войне и о задачах женщин в революции.
4 мая. На общем собрании Екатеринбургского Совета принята большевистская резолюция по вопросу о создании коалиционного Временного правительства.
8—14 мая. В Перми состоялся I Уральский областной съезд Советов. Большевики были в меньшинстве, но по основным политическим вопросам — об отношении к войне и коалиционному Временному правительству — они выдвинули своих докладчиков и предложили проекты резолюций. Съезд принял по этим вопросам эсеро-меньшевистские резолюции, однако большевики смогли добиться решения о местонахождении областного центра Урала в Екатеринбурге. Область была поделена на 4 округа с центрами в Перми, Уфе, Вятке и Екатеринбурге.
10 мая. Опираясь на несознательные элементы местного гарнизона, эсеры и меньшевики вынудили возглавляемый большевиками Екатеринбургский Совет принять решение о перевыборах.
11—18 мая. Происходили выборы Екатеринбургского

городского Совета рабочих и солдатских депутатов, давшие преобладание эсерам. Председателем исполкома Совета вместо П. М. Быкова стал эсер Павловский.

13 мая. Митинг екатеринбургских железнодорожников принял большевистскую резолюцию о необходимости прекращения грабительской войны и перехода власти к Советам.

19 мая. По докладу делегата, возвратившегося с I Уральского областного съезда Советов, собрание Невьянского Совета приняло резолюции о войне и Временном правительстве, предложенные на областном съезде большевиками.

23 мая. На собрании актива екатеринбургских большевиков были проанализированы причины поражения большевистского Совета и определены задачи на ближайшее будущее.

24 мая. Состоялось собрание солдат-большевиков Екатеринбургского гарнизона, на котором было решено создать при городском комитете РСДРП(б) военную организацию. Ее возглавило бюро из 8 человек. В середине июня в ней насчитывалось около 300 членов партии, занимавшихся агитационно-пропагандистской работой среди солдат.

24 мая. Посланцы областного комитета РСДРП(б) провели в Надеждинском заводе собрания рабочих и членов партии, на которых дали критику деятельности руководителей эсеро-меньшевистского Надеждинского Совета. На завод поступили работать два организатора обкома партии для оказания помощи местным большевикам.

24 мая — 5 июня. Представитель Уральского областного комитета РСДРП(б) Н. Г. Толмачев выступил на собраниях трудящихся в Алапаевском округе с разъяснением целей и задач большевистской партии.

25 мая. В Надеждинске образовалась самостоятельная организация РСДРП(б).

25 мая. Рабочие Егоршинских рудников сочувственно встретили выступившего перед ними Н. Г. Толмачева и провели сбор средств в фонд местной организации большевиков.

30 мая. Группа РСДРП(б) из 32 человек создана в Ирбите.

Май. При Невьянском комитете РСДРП(б) создана юношеская организация. Ее председатель Мальцев введен в партийный комитет.

1 июня. Газета «Уральская правда» опубликовала резолюцию крестьян села Большие Брусяны Логиновской волости Екатеринбургского уезда о недоверии Временному првительству и поддержке политики большевистской партии.

1 июня. Заслушав доклад председателя горкома РСДРП(б) И. М. Малышева, собрание членов партии 2-го района Екатеринбурга признало правильной политическую линию

большевиков. Избранный на собрании районный комитет возглавил Н. М. Давыдов, ставший также его представителем в горкоме партии. Заместителем председателя райкома был избран рабочий П. З. Ермаков.

2 июня. Рабочие Асбестовских копей приветствовали Н. Г. Толмачева, выступившего перед ними с изложением Программы РСДРП(б). Лидер местных эсеров безуспешно защищал взгляды своей партии.

9 июня. Собрание рабочих Сысертского завода приняло резолюцию о запрещении эсерам вести на заводе контрреволюционную агитацию.

9—14 июня. Проходил I Екатеринбургский окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором были представлены Советы 40 городов и заводов Екатеринбургского, Верхотурского, Камышловского, Шадринского, части Красноуфимского уездов, Челябинска и Троицка, объединявших 200 тысяч человек. Из 106 делегатов съезда 50 являлись большевиками, к ним примкнули 7 беспартийных. По настоянию большевиков съезд принял решения, вытекающие из тактики партии, определенной VII Всероссийской конференцией РСДРП(б). Председателем исполкома окружного Совета стал В. Н. Андронников.

10 июня. Газета «Правда» сообщила о решении Екатеринбургского Совета считать недействительным для гарнизона приказ командующего военным округом о выявлении солдат, выступающих за мир, против войны до победного конца.

14—15 июня. Состоялось совещание профсоюзов Екатеринбурга, в котором участвовало 44 представителя от 19 союзов, объединявших 8257 человек. Для разработки устава центрального бюро профсоюзов города создано оргбюро во главе с И. М. Малышевым. Делегатом на Всероссийскую профсоюзную конференцию избран А. И. Суворов.
По решению совещания в выборах делегата участвовали только те союзы, которые стояли на классовой позиции пролетариата. Таких союзов в городе было 12, они объединяли 5927 человек.

16—23 июня. В работавшей в Петрограде Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций партии большевиков принял участие представитель Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) солдат 108-го пехотного полка И. А. Иванов.

17 июня. Газета «Уральская правда» напечатала резолюцию солдат команды эвакуированных 126-го пехотного полка Екатеринбургского гарнизона с требованием окончания кровавой войны, прекращения травли большевиков и перехода власти в руки Советов.

20 июня. На Кушвинском заводе состоялся митинг

900 человек, на котором Н. Г. Толмачев выступил с разъяснением отношения большевиков к войне и Временному правительству, остановился на задачах борьбы с поднимающей голову контрреволюцией. Вопреки попыткам соглашателей оклеветать ленинскую партию, митинг дружно одобрил большевистские резолюции.

20 июня. Состоялись организационные собрания членов партии большевиков 1-го и 6-го районов Екатеринбурга, на которых были избраны районные комитеты РСДРП(б). 1-й район объединял 506 большевиков центральной части города, 6-й — партийные организации фабрики Макарова, заводов Кроля и Чистякова, станций Екатеринбург-II и Екатеринбург-III.

25 июня. В «Уральской правде» опубликован Наказ делегату Екатеринбургской военной организации РСДРП(б) на Всероссийскую конференцию военных организаций. В нем говорится, что Екатеринбургская военная большевистская организация всецело поддерживает резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) об отношении к войне, коалиционному правительству, по аграрному вопросу и другие.

27 июня. Секретариат ЦК РСДРП(б) отправил в Екатеринбург четыре посылки с брошюрой В. И. Ленина «Материалы по пересмотру партийной программы».

30 июня. «Уральская правда» напечатала статью А. К. Лепы «Правда и ложь о манифестации 18 июня в Петрограде», разоблачающую буржуазную клевету на В. И. Ленина и его сторонников. В этом же номере газеты помещена резолюция рабочих Кушвинского завода, призывающая к окончанию грабительской войны и переходу власти в руки Советов.

1—2 июля. На Екатеринбургской городской конференции большевиков обсуждались вопросы: отчет городского комитета, текущий момент, избирательная кампания в городскую думу, пермские события. Избран городской комитет РСДРП(б) в составе И. М. Малышева, Н. Н. Крестинского, Ф. И. Голощекина, Р. Ф. Загвозкина и А. Д. Авдеева.

4 июля. Уральский областной комитет РСДРП(б) обратился к рабочим края с призывом организовать сбор средств на приобретение собственной типографии.

7 июля. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) обсудил вопрос о трагических событиях 3—4 июля в Петрограде и заявил, что виновниками их являются Временное правительство и поддерживающие его партии.

8—21 июля. На митингах и собраниях, состоявшихся в Екатеринбурге, других городах, на заводах Среднего Урала, рабочие и солдаты клеймили позором организаторов кровавой расправы над революционными массами в столице

и кампании клеветы на В. И. Ленина и большевиков, требовали суда над контрреволюционерами и передачи всей власти Советам.

8 июля. Нижнесалдинский комитет РСДРП(б) послал на имя редакции газеты «Правда» 70 рублей с просьбой ежедневно высылать в адрес комитета по 10 номеров газеты.

9 июля. Екатеринбургский уездный комиссар сообщил по телеграфу пермскому губернскому комиссару: «В городе назревают крупные события и эксцессы на почве острого продовольственного кризиса».

11 июля. В Нижнем Тагиле произошел раскол объединенной организации РСДРП. В ответ на клевету меньшевиков-оборонцев в адрес ленинской партии большевики порвали с ними и образовали самостоятельную организацию.

11 июля. Прошла Екатеринбургская городская конференция большевиков. В принятой ею резолюции по текущему моменту образование правительства Керенского и его действия характеризовались как новый этап открытого наступления контрреволюции. Конференция высказалась за революционные меры для «переустройства политической и хозяйственной жизни страны», находящейся в катастрофическом положении. Делегаты выразили протест против гнусной клеветы на В. И. Ленина и призвали всех уральских рабочих бойкотировать органы буржуазной печати, шире распространять большевистские газеты.

13 июля. «Уральская правда» перепечатала статью В. И. Ленина «Злословие и факты» и обращение ЦК РСДРП(б) «К населению Петрограда! К рабочим! К солдатам! Ко всем честным гражданам!», разоблачавшие буржуазную клевету на большевистскую партию и ее вождя.

14 июля. На Северском заводе образовалась самостоятельная организация большевиков.

14—18 июля. В состоявшейся в Екатеринбурге II Уральской областной конференции РСДРП(б) участвовали 63 делегата от 33 организаций примерно из 80, существовавших в это время в крае. К числу самых крупных относились Екатеринбургская (2800 человек), Верхнетуринская (1410 человек), Алапаевская (1300 человек), Сысертская (1060 человек) большевистские организации. На конференции были заслушаны отчет обкома и доклады с мест, обсуждены вопросы о текущем моменте, о партийном съезде, об Интернационале, об объединении партии, о контроле над промышленностью, рабочий и аграрный вопросы на Урале, о выборах в Учредительное собрание, о профессиональном движении, организационный вопрос. Принят Устав областной партийной организации, избран Уральский обком РСДРП(б).

17 июля. Началась забастовка печатников всех типографий

и редакций Екатеринбурга. В связи с разработкой коллективного договора они требовали повышения заработной платы, восстановления отмененного хозяевами 8-часового рабочего дня, ликвидации сверхурочных работ, предоставления рабочим права на отпуск с сохранением содержания, а профсоюзам — права на контроль за наймом и увольнением рабочих. Забастовка продолжалась два с половиной месяца и закончилась 2 октября победой рабочих. Большую роль в этом сыграла помощь, оказанная екатеринбургским печатникам рабочими Петрограда, Москвы, других городов страны, собравшими для бастовавших десятки тысяч рублей.

24 июля. В Екатеринбурге прошла городская партийная конференция, избравшая трех делегатов на VI съезд РСДРП(б). Первое место среди них единогласно предоставлено В. И. Ленину.

26 июля — 3 августа. На работавшем в Петрограде VI съезде партии большевиков партийные организации Среднего Урала представляли Ф. И. Голощекин, И. М. Малышев, С. П. Устинов (Екатеринбург), Д. Н. Ладейщиков (Алапаевск), А. В. Ханькевич (Верхняя Тура), С. Ф. Коськович (Невьянск), К. Г. Завьялова (Сысерть).

29 июля. На очередном заседании VI съезда РСДРП(б) председатель Уральского областного и член Екатеринбургского городского комитета большевиков Н. Н. Крестинский заочно избран членом ЦК.

30 июля. Атигский сельский сход Красноуфимского уезда вынес протест против существующих цен на хлеб, категорически высказался за упразднение волостной продовольственной управы как совершенно ненужной и отказался от проведения переписи земель.

31 июля. По предложению большевиков Екатеринбургский городской Совет принял резолюцию, осуждающую политику империалистической буржуазии, в частности усиление репрессий против революционных сил.

3 августа. Собрание Надеждинской организации РСДРП(б), в которую входило около 200 человек, единогласно приняло решение приветствовать VI съезд партии большевиков и ее вождя В. И. Ленина, преследуемого контрреволюцией. Надеждинские большевики выразили сожаление, что не смогли послать на съезд своего делегата и заявили, что признают для себя обязательными постановления съезда.

11—15 августа. В Екатеринбурге под руководством большевиков работала I Уральская профсоюзная конференция, около 100 делегатов которой представляли 147 тысяч рабочих и служащих. По всем вопросам были приняты большевистские резолюции, содержавшие программу деятельности профсоюзов, разработанную VI съездом

РСДРП(б). В избранный конференцией Уральский областной Совет профсоюзов вошли большевики И. М. Малышев, А. И. Суворов и другие.

13 августа. Газета «Уральская правда» под заголовком «Клеветникам» опубликовала статью В. И. Ленина «Ответ» по поводу напечатанного в буржуазных газетах сообщения о расследовании событий 3—5 июля в Петрограде. В этом же номере рассказано о борьбе рабочих с локаутом на Надеждинском заводе.

13 августа. На собрании 200 рабочих Атигского завода принята резолюция, протестующая против преследований большевиков и закрытия властями рабочих газет. Собрание постановило бойкотировать буржуазные органы печати.

14 августа. На собрании членов РСДРП(б) Алапаевска заслушан доклад делегата VI съезда партии. В принятой по этому поводу резолюции содержится протест против контрреволюционной политики Временного правительства и требование закрыть Государственную думу и Государственный совет, передать власть рабочим, солдатам и крестьянам.

17—21 августа. В Екатеринбурге состоялся II Уральский областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов — первый в стране областной съезд Советов, прошедший под руководством большевиков. 154 делегата представляли на нем 60 Советов, объединявших 505 780 рабочих и солдат. Фракция большевиков и интернационалистов составила на съезде 86 человек. Обсуждались вопросы о войне, международном положении, текущий политический момент и задачи революционной борьбы в России, о борьбе с экономической разрухой, об Учредительном собрании и другие. По всем основным вопросам докладчиками выступили большевики, приняты предложенные ими резолюции, соответствующие решениям VI съезда РСДРП(б). В состав областного исполнительного комитета Советов Урала избрано 11 человек, в том числе 7 большевиков. Съезд принял решение о проведении 1 сентября всеуральской политической забастовки.

18 августа. Газета «Уральская правда» опубликовала статью В. И. Ленина «К лозунгам». В специальном приложении к номеру напечатаны резолюции VI съезда большевистской партии.

18 августа. Собрание Верхнетуринского Совета рабочих депутатов выразило протест против гонений на большевистскую печать и приняло решение о ее поддержке.

21 августа. Уральский областной комитет РСДРП(б) напечатал листовку «Ко всем партийным организациям, ко всем членам партии Урала» по поводу открытия партийной типографии, основанной на средства уральских рабочих.

24 августа. В «Уральской правде» перепечатан Манифест VI съезда партии большевиков «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России» с призывом «готовиться к новым битвам» и «строиться в боевые колонны». В номере опубликованы также решения II съезда Советов Урала.

24 августа. По распоряжению Керенского орган уральских большевиков газета «Уральская правда» закрыта, последний номер конфискован, члены редколлегии преданы суду. Общий тираж 25 номеров газеты составил 226 тысяч экземпляров. В ней было напечатано 7 статей и документов В. И. Ленина.

25 августа. Рабочие льнопрядильной ткацкой фабрики Жирякова в селе Черноусове Екатеринбургского уезда объявили забастовку из-за отказа фабриканта допустить рабочий контроль над приемом и увольнением рабочих и служащих.

25 августа. Собрание солдат нестроевой команды 107-го пехотного полка Екатеринбургского гарнизона приняло приветствие газете «Уральская правда» и выделило 100 рублей на партийную типографию.

27 августа. На Верхнетуринском заводе проходили выборы в волостное земство. Большевики и интернационалисты получили на них 30 мест из 50, тогда как эсеры — 5.

27 августа. Митинги рабочих и солдат Екатеринбурга, в которых участвовало около 7 тысяч человек, приняли резолюции с протестом против преследований большевиков и требованием передать власть представителям пролетариата и беднейшего крестьянства.

28 августа. В Екатеринбурге стало известно о корниловском мятеже. По предложению большевиков исполком Совета установил с помощью своих комиссаров контроль над всеми телеграфами. Комиссары Совета были назначены также к начальнику гарнизона и комиссару Временного правительства. Совет призвал граждан города выполнять его распоряжения и стоять на страже революции.

29 августа. Собрание Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б), на котором присутствовало более 1 тысячи человек, приняло решение о мобилизации всех сил на борьбу с корниловщиной. Военные большевики заявили о поддержке политической забастовки 1 сентября и необходимости вооружения рабочих.

30 августа. Собрание солдат 7-й роты 149-го пехотного полка Екатеринбургского гарнизона приняло резолюцию с требованием передать власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

31 августа. На первом собрании Екатеринбургского Социалистического союза рабочей молодежи (III Интерна-

ционала) принят Устав и избрано бюро союза, поставившего главной задачей развитие классового самосознания молодых пролетариев, воспитание их в духе социализма.
Конец августа. Численность большевистских организаций в Екатеринбургском уезде составляла 7462 человека (из них 2800 — в Екатеринбурге), в Верхотурском — 4883, в Красноуфимском — 912, в Ирбитском — 62. В Камышловской парторганизации было 300 большевиков, в Егоршинской — 120. На всем Урале насчитывалось 25 796 членов партии.
Начало сентября. Екатеринбургский революционный комитет сообщил в ЦК РСДРП(б), что вся власть в городе фактически перешла в руки революционной демократии, орган которой, состоящий из представителей всех партий, Советов и профсоюзов, встал на путь беспощадной борьбы с контрреволюцией во главе с Корниловым. Ревком потребовал перехода всей власти к Советам, прекращения репрессий против революционеров, борьбы за демократический мир, установления демократического контроля над производством и передачи земли в руки трудового народа.
Начало сентября. На многочисленных митингах и собраниях рабочих, состоявшихся на предприятиях Екатеринбурга и других населенных пунктах Среднего Урала, принимались резолюции, требовавшие немедленного вооружения рабочих, организации Красной гвардии, передачи власти рабочим и беднейшим крестьянам. Шла запись в отряды Красной гвардии.
1 сентября. Издававшаяся вместо закрытой Временным правительством «Правды» газета «Рабочий» опубликовала статью В. И. Ленина «Из дневника публициста», в которой он выступил в защиту революционных мероприятий Екатеринбургского Совета. Введенную им повинность на имущих граждан он расценил как справедливое решение в интересах трудящихся, как один из первых шагов к социализму.
1 сентября. В общеуральской политической стачке приняло участие около 110 тысяч рабочих края, в том числе Алапаевского, Атигского, Бисертского, Верх-Исетского, Верхнесергинского, Верхнесинячихинского, Верхнетуринского, Кушвинского, Михайловского, Нейво-Шайтанского, Нижнесергинского, Нижнетуринского, Полевского, Ревдинского, Северского, Сысертского, Таватуйского и других заводов Среднего Урала. В Екатеринбурге, где бастовало 12 тысяч человек, состоялись митинги, демонстрации, участники которых требовали немедленного ареста всех контрреволюционеров во главе с Корниловым и созыва Всероссийского съезда Советов.
3 сентября. Совещание полковых и ротных комитетов Екатеринбургского гарнизона приняло резолюцию, в которой

заявило о необходимости беспощадной борьбы с буржуазно-помещичьей контрреволюцией во главе с генералом Корниловым. Представители солдатских комитетов высказались также за прекращение репрессий против революционных сил, заключение демократического мира, переход власти к Советам и демократизацию армии.
3 сентября. Рабочие платиновых приисков акционерного общества Нижнетагильских и Луньевских горных заводов Демидовых в Верхотурском уезде отстранили от должности управляющего. Для управления работой приисков избран комитет из 8 человек.
5 сентября. Обсудив положение на Черноусовской фабрике, Уральский областной Совет рабочих и солдатских депутатов предложил рабочим отстранить ее владельцев от управления фабрикой, если они не выполнят их требования. Борьбу рабочих с предпринимателями поддержал и Екатеринбургский окружной Совет, пославший на фабрику своих представителей.
5 сентября. Совет съездов горнопромышленников Урала дал указание объявлять локауты и закрывать предприятия их владельцами во всех случаях, когда органы Временного правительства на местах будут не в силах ликвидировать рабочий контроль.
6 сентября. Секретариат ЦК РСДРП(б) выделил представителю Екатеринбургского комитета И. Ярцеву 600 рублей на покупку шрифта для типографии.
6 сентября. Вместо закрытой Временным правительством «Уральской правды» вышел в свет первый номер газеты «Уральский рабочий» — орган Уральского областного и Екатеринбургского комитетов РСДРП(б).
10 сентября. Бюро Социалистического союза рабочей молодежи Екатеринбурга обратилось с воззванием «Ко всей рабочей молодежи Урала», в котором выразило гневный протест молодежи против войны, шовинизма и социал-патриотизма и призвало молодежь вступать в союз.
12 сентября. Красноуфимская уездная продовольственная управа получила из Бисерти телефонограмму следующего содержания: «В Бисертской волости хлебных запасов больше нет, среди населения паника, возможны беспорядки, просим в трехдневный срок дать 5000 пудов муки. На нашу просьбу Управа не отвечает две недели».
12 сентября. Общее собрание Совета рабочих и солдатских депутатов Невьянского завода единогласно приняло резолюцию с требованием немедленного созыва Всероссийского съезда Советов.
12 сентября. В Екатеринбурге начала работу созданная Уральским областным комитетом РСДРП(б) школа пропагандистов и агитаторов.

14 сентября. На екатеринбургской спичечной фабрике Логинова создана организация Социалистического союза рабочей молодежи.

15 сентября. Вспыхнула забастовка рабочих доменного и мартеновского цехов Надеждинского завода, протестовавших против антинародной политики заводчиков и эсеро-меньшевистских министров Временного правительства.

16 сентября. На заседании Екатеринбургского комитета большевиков его секретарь Ф. И. Голощекин сообщил, что с 2 по 16 сентября в городе проведено 36 собраний рабочих, 12 из которых были посвящены вопросу организации Красной гвардии.

22 сентября. Газета «Уральский рабочий» опубликовала резолюцию собрания рабочих Нижнетагильского завода с требованием немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов и отозвания соглашателей из местных Советов.

23 сентября. Екатеринбургский комитет РСДРП(б) принял ряд решений по подготовке к выборам в Учредительное собрание.

23 сентября. В Нижнесергинском заводе состоялся районный съезд Советов рабочих депутатов. Для того чтобы обеспечить население хлебом, съезд принял решение организовать обмен производимого заводами железа на крестьянский хлеб. Кроме того, был установлен минимум заработной платы для чернорабочих. Съезд высказался за переход власти в руки рабочих и беднейших крестьян и постановил требовать от ЦИК немедленного созыва Всероссийского съезда Советов.

24 сентября. На Артинском заводе создан комитет РСДРП(б).

24 сентября. Газета «Уральский рабочий» опубликовала приветствие областного комитета РСДРП(б) участникам Всероссийской железнодорожной забастовки. Он пожелал им успеха в борьбе, обещая поддержку и помощь. Накануне забастовки на общем собрании железнодорожников Екатеринбурга выступил член Уралобкома РСДРП(б) Ф. И. Голощекин. Забастовка окончилась победой рабочих.

26 сентября. Общее собрание железнодорожников ст. Екатеринбург-I единогласно приняло постановление о создании боевой дружины и открыло запись в ее ряды.

29 сентября. Собрание большевиков Верхней Туры обсудило вопрос о выборах в Учредительное собрание и волостное земство и постановило организовать коллегии агитаторов для разъяснения в окрестных деревнях платформы РСДРП(б).

Сентябрь. Туринский уездный комиссар Временного правительства в донесении губернскому комиссару

сообщал, что в деревне произошел «перелом в сторону, сулящую мало хорошего», что «новая власть утратила доверие к себе крестьянства».
1 октября. «Уральский рабочий» сообщил о собрании Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б), которое обсудило вопрос о выборах в городскую думу и постановило требовать внесения в избирательные списки всех солдат.
1 октября. На митинге рабочих Пышминско-Ключевского рудника принята резолюция с требованием созыва Всероссийского съезда Советов.
Не ранее 2 октября. Из Петрограда в Екатеринбург выехал балтийский матрос, опытный большевик П. Д. Хохряков, командированный на Урал ЦК РСДРП(б) для помощи в подготовке вооруженного восстания.
3 октября. В Новой Ляле прошло совещание представителей большевистских организаций Верхотурского уезда, принявшее решения по организационным вопросам.
4 октября. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов единогласно принял решение о перевыборах Совета, так как «соотношение фракций в Совете не соответствует их влиянию в массах».
4 октября. Митинг рабочих и солдат, организованный Камышловским комитетом РСДРП(б), принял резолюцию с требованием перехода власти в руки трудящихся, установления рабочего контроля над производством и распределением, национализации важнейших отраслей промышленности, вооружения всех рабочих и крестьян.
4 октября. Собрание Совета рабочих депутатов и делегатов от заводов и рудников Верхнетагильского, Нейво-Рудянского и Верх-Нейвинского районов потребовало от управления заводами немедленно пустить в ход бездействующую доменную печь на Верхнетагильском заводе.
5 октября. В Нижней Туре образовалась большевистская организация.
6 октября. Пермский губернский комиссар сообщал министру внутренних дел, что в Екатеринбурге «большевизм укрепился серьезно и прочно», что этот город является «центром большевизма в Уральской области». Он признал, что нет гарнизона, «худшего во всей губернии по составу и настроению», чем Екатеринбургский, и «в борьбе с большевизмом местным органам правительства опереться решительно не на что и не на кого...».
6 октября. В связи с отказом владельца удовлетворить требования бастовавших рабочих Екатеринбургский окружной Совет приступил к секвестру льнопрядильной фабрики Жирякова в Черноусовской волости. Рабочие фабрики на общем собрании избрали правление из четырех человек,

которое под руководством местного Совета произвело опись имущества предприятия и 9 октября пустило фабрику в ход.

6 октября. На собраниях рабочих и служащих Екатеринбургских железнодорожных мастерских, а также солдат 108-го и 124-го пехотных полков Екатеринбургского гарнизона были приняты резолюции с требованием немедленно созвать Всероссийский съезд Советов и передать ему всю полноту власти в стране.

7 октября. В газете «Уральский рабочий» опубликована статья В. И. Ленина «Задачи революции».

9 октября. Митинг рабочих Билимбаевского завода принял резолюцию с требованием перехода власти в руки пролетариата, введения рабочего контроля над производством и распределением, передачи земли крестьянам и установления мира. Сразу после митинга началась запись в созданную в тот же день на заводе большевистскую организацию.

9 октября. Собрание Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) постановило открыть начальную партийную школу для сочувствующих и желающих вступить в члены военной большевистской организации.

9—17 октября. Крестьянами Екатеринбургского уезда были совершены поджоги имений помещиков и самовольные порубки принадлежащего им леса.

10—12 октября. В Екатеринбурге работала Пермская губернская конференция РСДРП(б), на которой были представлены 38 парторганизаций, объединявших 22 тысячи человек. Конференция обсудила вопросы: о выборах в Учредительное собрание, доклад областного комитета, о пересмотре Программы партии, о Всероссийском съезде Советов, о работе и ближайших задачах Социалистического союза рабочей молодежи. Она утвердила также список кандидатов-большевиков в Учредительное собрание и одобрила резолюцию партийного совещания, состоявшегося в столице 24 сентября.

10—24 октября. Происходили перевыборы Екатеринбургского городского Совета, в котором большевики получили две трети мест.

11 октября. Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов избрал делегатами на II Всероссийский съезд Советов большевика Н. М. Давыдова и эсера Павловского и поручил им требовать создания новой революционной власти.

11 октября. Газета «Уральский рабочий» опубликовала письмо видного политического деятеля П. Л. Войкова о выходе его из партии меньшевиков и вступлении в ряды

большевистской партии, поскольку она, по его словам, «остается единственной стоящей на классовой пролетарской позиции».

13 октября. В «Уральском рабочем» помещена разработанная Военной организацией екатеринбургских большевиков инструкция-наказ солдатам, уезжающим в отпуск в деревню. Им поручалось рассказать крестьянам правду о грабительской войне и о том, кто такие большевики и за что они борются.

13 октября. На собрании Ревдинского Совета рабочих и солдатских депутатов был обсужден наболевший вопрос о тяжелом продовольственном положении трудящихся. В принятой Советом резолюции отмечалось, что причинами этого стали многолетняя война и политика соглашательства эсеров и меньшевиков с капиталистами. Выход из положения рабочие видели в переходе власти к Советам.

13—15 октября. Работал II Екатеринбургский окружной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из 108 его делегатов 80 являлись большевиками, 21 — эсерами, 3 — меньшевиками-интернационалистами. Съезд единогласно принял решение «всеми способами, не останавливаясь перед самыми решительными выступлениями, поддержать Всероссийский съезд Советов и застрельщиков революции — революционные Советы Северной области и Балтийского флота в их ответственных шагах». В телеграмме, посланной ЦИК Советов, говорилось, что съезд «требует от имени 56 Советов, от имени 23 900 организованных в них рабочих и солдат Урала созыва Всероссийского съезда Советов в назначенный срок...». В исполнительный комитет окружного Совета было избрано 5 большевиков и 2 левых эсера.

14 октября. На митинге молодежи Верх-Исетского завода проведена запись в члены Социалистического союза рабочей молодежи и избран районный комитет.

Середина октября. В Екатеринбурге создан Центральный штаб Красной гвардии во главе с П. Д. Хохряковым.

Середина октября. При содействии екатеринбургских большевиков при Камышловском комитете РСДРП(б) создана военная организация. На первом собрании в нее записалось 120 солдат.

15 октября. Газета «Уральский рабочий» опубликовала работу В. И. Ленина «Кризис назрел».

15 октября. В Екатеринбурге под руководством большевиков прошло совещание фабрично-заводских комитетов, объединявших 10 тысяч членов профсоюзов. Избран совет фабзавкомов Екатеринбурга, представитель в штаб Красной гвардии и делегат на Всероссийскую конференцию профсоюзов.

17 октября. Состоялось собрание рабочих и служащих ст. Екатеринбург-I, принявшее после доклада П. Д. Хохрякова резолюцию с требованием передачи земли крестьянам, установления рабочего контроля над производством, прекращения войны и передачи власти Советам.
17 октября. Общее собрание большевиков Верх-Исетского завода потребовало от Екатеринбургского городского и окружного Советов немедленно достать оружие для формирования и обучения Красной гвардии, поскольку «настоящий политический момент является решающим в борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства против буржуазии и ее правительства за мир — народу, за землю — крестьянам, за хлеб — голодающим рабочим».
18 октября. Камышловская военная большевистская организация устроила митинг, на котором присутствовало 200 солдат. После выступления представителя Военной организации при Екатеринбургском комитете РСДРП(б) Н. И. Козлова принята резолюция, требующая передачи власти Советам.
18 октября. На общем собрании женщин-солдаток Полевского завода принята резолюция с протестом против продолжения империалистической войны и требованием передачи власти Советам.
19 октября. Собрание 900 рабочих Верх-Исетского завода приняло резолюцию с требованием передать власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
20—21 октября. Работала Верхотурская уездная конференция большевиков, в которой участвовали представители Алапаевской, Верхнесинячихинской, Лобвинской, Надеждинской, Нижнесалдинской, Нижнетуринской, Новолялинской и других парторганизаций. Они обсудили актуальные вопросы текущего момента, доклады с мест и избрали уездное бюро РСДРП(б).
21 октября. Общее собрание молодых рабочих монетного двора в Екатеринбурге в количестве 70 человек приняло резолюцию с требованием улучшения их положения, окончания войны и немедленного перехода власти к Советам.
22 октября. Состоявшееся в Екатеринбурге собрание эсеров отмечало, что их организация переживает кризис, ряды ее тают, она теряет влияние среди рабочих.
23 октября. Собрание рабочих суконной фабрики Злоказова в Екатеринбурге приняло решение создать группу РСДРП(б).
До 25 октября. В трех горнозаводских уездах — Екатеринбургском, Верхотурском и Красноуфимском,— входивших в ведение Екатеринбургского окружного Совета, 49 Советов из 54 находились под руководством большевиков. Численность Красной гвардии составляла в трех уездах

около 1700 человек, из них в Екатеринбургском — 1300.
До 25 октября. Количество членов большевистских организаций в Екатеринбургском уезде составляло 8462 человека (из них 3 тысячи — в Екатеринбурге), в Верхотурском — 5134, в Красноуфимском — 1242, в Ирбитском — 120. В Камышловской парторганизации было 320 большевиков, в Егоршинской — 150. На всем Урале насчитывалось 34276 членов РСДРП(б), что составляло примерно 10 процентов от ее общей численности в стране.
25 октября. В Екатеринбурге состоялось первое заседание нового состава городского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно послало приветствие II Всероссийскому съезду Советов, в котором выразило уверенность, что он возьмет власть в свои руки.
25 октября (7 ноября). В России свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.
25—27 октября. II Всероссийский съезд Советов, работавший в Петрограде, провозгласил создание первого в мире государства рабочих и крестьян и принял исторические декреты о мире и о земле. Он образовал Советское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным. В работе съезда принимали участие представители 6 Советов Среднего Урала — Алапаевского, Екатеринбургского, Надеждинского, Невьянского, Нижнесергинского и Нижнетагильского.
26 октября. Утром состоялось заседание исполнительного комитета Екатеринбургского городского Совета с участием членов Уральского областного и Екатеринбургского окружного Советов, областного Совета крестьянских депутатов, областного Совета профсоюзов. Исполком Екатеринбургского Совета объявил себя единственной властью в городе, отстранив от должности уездного и городского комиссара Временного правительства. На железную дорогу, почту и телеграф посланы комиссары Совета, закрыта контрреволюционная газета «Зауральский край». Газету местного Совета «Борьба» решено выпускать ежедневно. Коллегии пропагандистов поручено разъяснить солдатам смысл происходящих событий. Вечером в городском театре открылось экстренное общее собрание Екатеринбургского Совета, на котором присутствовало много рабочих и солдат. Они с восторгом встретили сообщение о победе восстания в Петрограде и переходе власти в руки Совета.

Нет у революции конца...

y p

Нет у революции конца...

Г. Зборовский

ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВУ, ОБЩЕСТВО — ЧЕЛОВЕКУ

Штрихи к социальному портрету рабочего человека

Итак, знакомьтесь, читатель: Владимир Константинович Гребнев. Токарь с 45-летним стажем работы, представитель самого старшего поколения рабочего класса на турбомоторном заводе. В его судьбе так или иначе находит отражение путь, пройденный страной. Вместе со страной он переживал и радовался ее взлетам, он взваливал на себя, как частичка народа, весь тот громадный груз ответственности за судьбу страны и в целом планеты, когда мировой цивилизации угрожала коричневая чума фашизма.

Трудовая биография Владимира Константиновича началась в 1942 году. Словом, типичное преломление общественной истории в индивидуальной судьбе. В ней в концентрированном виде запечатлены наиболее яркие проявления личности передового рабочего, представляющего второе послереволюционное поколение, ощутившее на себе великие завоевания Октября.

Сам Владимир Константинович считает, что его судьба сложилась под прямым воздействием социалистической революции. Дед по линии отца был бедным уральским казаком, к тому же многодетным: в семье росло восемь ребятишек. Революция открыла его детям дорогу к образованию и профессии. Вряд ли в иных условиях отец Гребнева мог бы стать капельмейстером военного оркестра и дать общее и музыкальное образование своему сыну.

Не случайно именно эти ценности — образование и профессия — занимают в представлениях Владимира Константиновича одно из ведущих мест. Рассуждая об изменениях, происшедших за время его трудовой деятельности, он на первое место ставит резко выросший образовательный уровень рабочих. Кстати, он и сам без отрыва от производства закончил техникум, потому что уже в пятидесятые годы видел и понимал, что высококвалифицированному рабочему, постоянно стремящемуся к постижению своей профессии, недостаточно опыта и сноровки, жизненно необходимо специальное образование.

Передовой рабочий, новатор убежден, что сейчас, когда на первый план в экономике выходит не просто количественный рывок вперед, а глубокие качественные перемены в ее структуре, качество труда, без среднего специального, а порой и высшего образования просто не обойтись. Гребнев отчетливо сознает

сложность этой проблемы. Сегодня на предприятии непомерно велика доля тяжелого физического труда. Какая польза от специального образования, если машешь кувалдой? Владимир Константинович — в своем роде максималист. Он сразу берет вину за такое несоответствие на себя, на трудовой коллектив, на завод. Он глубоко уверен, что этого можно было не допускать или, по крайней мере, давно преодолеть — при всех действительно реальных трудностях предприятия. Разговор неумолимо приводит к ключевой и самой болевой проблеме — ускорению социально-экономического развития объединения.

Стратегия партии на современном этапе нашего общества хорошо понятна и близка рабочему. Весь вопрос в том, как конкретно она должна быть реализована в условиях его родного завода. Необходимость научно-технического прогресса и технологической, технической реконструкции предприятия не вызывает у Гребнева никаких сомнений, так же как и некоторые осуществляемые сейчас меры в этом направлении. Переход с 1987 года на двухсменную работу, повышение коэффициента использования оборудования он считает правильным и важным. Не дело, когда громадный завод работает вполсилы. Но тут же замечает, сколь непросто будет воплотить планы в жизнь. Уже сейчас невооруженным взглядом видны перекосы. Повышенное внимание уделяется производству, а проблемы транспорта, бытового обслуживания, детских садов и яслей и многие другие остаются на второстепенных ролях. Началась перестройка — и «тыловые» вопросы автоматически выдвинулись на первый план: ведь все они касаются человека!

Перестройка предприятия — это перестройка человека (правомерно в этой фразе сделать и перестановку слагаемых — между ними прямая зависимость). Постоянно находясь в гуще рабочей среды, Гребнев хорошо чувствует барометр общественного мнения. Для него не секрет, что многие рабочие отвыкли от двухсменной работы, а иные вообще не знают, что это такое. И задолго до перехода пошли разговоры, что, возможно, придется подыскивать работу на другом предприятии, там, где останется односменка. Благо, в Свердловске сотни предприятий и организаций — есть где руки приложить.

Владимир Константинович не остается безучастным к таким пересудам, как может, как умеет, спорит, доказывает, какой объективный вред наносят обществу такие «перебежки», но он в то же время явственно ощущает, что партийные и общественные организации недооценивают психологический характер перестройки.

Разумеется, речь идет не о небрежении, а именно о недооценке, если угодно, о формализме, который, как известно, обладает завидной живучестью. Взять, скажем, аттестацию рабочих мест. Дело это важное, в конечном счете, идет проверка, насколько каждый, именно каждый работающий на заводе, соответствует занимаемой должности, требованиям сегодняшнего дня. Между тем на предприятии растут пухлые кипы бумаг, а толкового экономического анализа этой документации, широкого гласного их обсуждения, практических рекомендаций явно недостает. Существуют проблемы, которые десятилетиями ждут своего решения, а сейчас они просто перезрели. Речь идет прежде всего об оплате труда в прямой зависимости от его количества и качества. У многих рабочих и инженеров нет стимула к активному и творческому труду.

С одной стороны, существует «уравниловка», с другой — немалое количество ИТР и служащих получают заработную плату только за то, что приходят на завод и выполняют функции курьеров, разнося бумаги в соответствующие подразделения и принося оттуда кипу новых. Наверное, заводским экономистам давно пора посчитать, сколько ненужных людей кормится около завода, не влияя впрямую на производство. Ведь со стороны никто не придет, чтобы навести на заводе порядок.

С заметным смущением Владимир Константинович признается, что формализм и пассивность он может проиллюстрировать и на собственном примере. Гребнев — новатор, рационализатор, изобретатель. Он даже читает лекции по теории изобретательства. Скажем скромнее: обращаясь к собственной практике, он знакомит слушателей с тем, каким образом рождается та или иная идея, какие он лично видит закономерности проявления технологического творчества. Владимир Константинович еще и председатель совета новаторов. И вот работающий на заводе уже почти год новый главный инженер никак не выберет времени, чтобы встретиться с ним как с председателем совета новаторов. А ведь в условиях перестройки, когда каждый самый малый резерв следует поставить на службу ускорения, они должны работать в тесном взаимодействии.

Кадровый рабочий особо заботится о молодом поколении. Владимир Константинович постоянно соприкасается с начинающими рабочими — и на предприятии, и в профессионально-техническом училище № 25, которое готовит пополнение для турбомоторного завода. Говорит откровенно, что ему нравятся ребята. Он не разделяет

пессимизма тех, кто любит посетовать, что молодежь не та, что в их времена. Она и должна быть другой, рассуждает Владимир Константинович, зачем же ей оставаться такой же. Беда наша в том, что мы не можем найти достойного применения многим способностям и стремлениям молодых, ограничиваем их инициативу, боясь, «как бы чего не вышло». Вместо социальной активности получаем в итоге безразличие, нежелание искать, творить, пробовать. Учащиеся ПТУ зачастую предоставлены самим себе, они не ощущают хозяйской заботы и заинтересованности в них со стороны завода. И немудрено, что многие ребята, отслужив в армии, на турбомоторный завод не возвращаются: их ведь там никто не ждет, по крайней мере, сами они так думают. И разлетаются хорошие солдаты и хорошие рабочие по городам и весям страны, что в общем тоже неплохо, но еще лучше было бы видеть их снова на турбомоторном.

Характерная черта таких рабочих, как Гребнев,— стремление увязать решение масштабных проблем союзного характера с конкретными заботами собственного предприятия. Владимир Константинович искренне говорит, что ему нравятся решения XXVII съезда партии прежде всего потому, что дают широкую дорогу гласному, открытому обсуждению любых самых острых вопросов, во-вторых, создают условия для пробуждения инициативы, активности и творчества. Для рабочего на современном этапе промышленного производства, считает Гребнев, техническое творчество — одно из самых главных. Казалось бы, все понятно: раз Гребнев председатель совета новаторов, то, как говорится, «у кого что болит, тот о том и говорит», вроде ему «по штату» положено болеть за развитие технического творчества. Но при более пристальном рассмотрении позиции новатора все оказывается гораздо глубже.

Мы не оговóрились: именно позиции. Гребнев свято убежден, что стремление к творчеству должно быть пружиной образа жизни каждого человека. К этому выводу его привела и собственная судьба, и анализ деятельности товарищей по работе. Кстати, новаторов, изобретателей завода он знает отменно и готов о каждом рассказывать часами. Что же касается собственной судьбы, то ей угодно было уже в юности устроить ему суровое испытание.

Пятнадцатилетним мальчишкой, девятиклассником, пришел Владимир на завод. Пришел, чтобы, как потом оказалось, никуда более не уходить. Встал к станку и начал работать на победу, в неизбежности которой он никогда не

сомневался. Большую роль в его убежденности, патриотическом настрое сыграла вся обстановка предвоенных и военных лет, мощный подъем народных сил под лозунгом: «Все для фронта, все для победы», а также воспитание отца, профессионального военнослужащего. С самого начала трудового пути Гребнев стремился как можно лучше работать. Искал, что и как можно изменить на своем рабочем месте. И уже в первый год работы внес предложение об усовершенствовании инструмента. Потом поиск новых путей сначала на своем рабочем месте, далее в масштабах цеха, а затем завода стал настоятельной потребностью, превратился в тягу к творчеству на всю жизнь.
Может быть, потому столь глубоко переживает Владимир Константинович слабое развитие технического творчества у юного поколения. Видит причину в равнодушии к этому школы, семьи, окружающих, но особенно сетует на слабую материальную базу детского технического творчества. Интересно, что и корни слабой инженерной подготовки, а то и полной подчас беспомощности многих специалистов с дипломами он склонен усматривать именно в низком уровне технического творчества юных. Каждый инженер, по его мнению, должен пройти в школьные годы через кружок, секцию, станцию технического творчества, где впервые пробуждается вкус к открытию, собственному новаторскому подходу.
Теперь становится понятным, почему именно в развитии творчества видит Гребнев ключ к ускоренному социально-экономическому продвижению вперед. Поучительны многие его рассуждения. Он, например, считает, что безудержное стремление менять станки на роботы и манипуляторы превращается нередко в моду и приводит к экономическим издержкам. Нет, Гребнев не противник робототехники, но за ее разумное, вытекающее из конкретной необходимости применение. Рабочий называет конкретный пример, когда установка робота, стоящего 40 тысяч рублей, оказалась невыгодной производству. Необходимое количество плановых деталей на месяц робот выдает за два-три дня, а все остальное время простаивает. В то же время техническая модернизация станка, улучшение оснастки, которые обойдутся в сотни раз дешевле, способны решить эту проблему гораздо более простым, быстрым, а главное, экономичным способом. Гребнев любит повторять, что многие экономисты превратились в бухгалтеров, вместо того чтобы постоянно видеть и предсказывать пути улучшения эффективности производства. Он глубоко убежден, что новаторство и экономика должны идти не просто

рядом, а быть органично взаимосвязанными. Ничего не скажешь, правильная мысль рабочего!
Не хотелось бы, чтобы у читателя создалось впечатление, будто все творчество для Владимира Константиновича ограничивается сферой техники. Это в корне противоречит жизненным принципам Гребнева. Техническое творчество — это сердцевина его производственной деятельности. Но ведь есть и иная сфера образа жизни — когда человек выходит из проходной завода. И здесь снова нужно обратиться к юности Владимира Константиновича, ибо в ней истоки того, что присуще личности рабочего.
В военные годы, когда Гребнев работал в городе Уральске на заводе имени К. Е. Ворошилова (видно, такова его судьба — работать на предприятиях, носящих имя видного советского полководца), был в цехе комсоргом парень, грезивший идеей всесторонне и гармонически развитой личности, ее практической реализации. Он постоянно приглашал в цех литераторов, художников, музыкантов, которые по его замыслу и должны были формировать у молодых рабочих потребности и вкус к прекрасному. Так оно в действительности и произошло. Парадоксально, но факт: в тяжелые военные годы, когда работали, не считаясь со временем, когда зачастую оставались спать в цехах, когда пайки хлеба никогда не хватало до вечера, находились возможности и для такого развития. К этому влиянию нужно добавить и семейное: отец Гребнева был очень музыкальным человеком, играл на многих инструментах. Уже в детстве Владимир умело брал в руки баян или аккордеон — популярные в его молодости инструменты. Любовь к музыке он пронес через всю жизнь. Более того, не только играл, но и сам сочинял. Дома хранится до двух десятков музыкальных сочинений рабочего. И хотя они, по его собственному признанию, наивны, но ведь это творчество. Вспомним Маяковского: «Землю попашем, попишем стихи!» Думается, не случайно сын Владимира Константиновича избрал музыку своей профессией, окончил музыкально-педагогический факультет.
Токарю Гребневу все интересно: открытие в мире элементарных частиц, и достижения астрофизики, и новейшие произведения научной фантастики.
Есть у Владимира Константиновича и другие любимые занятия: изготовление игрушек и садоводство (в сад супруги Гребневы ездят только на велосипедах). Игрушки он делает для любимого внука, причем и тут не упустит случая отметить, что это занятие помогает творчеству в работе, наталкивая на новые идеи. Что же касается

садоводства, то он им «заболел» сравнительно недавно, приобретя участок — подчеркнем эту немаловажную деталь — в заводском коллективном саду.

Удивительно, что у Гребнева на все хватает времени. Точнее сказать, он многое успевает и ему всего этого мало. Ему непонятны люди, расходующие часы и сутки на безделье, пустые, никчемные занятия, тем более на выпивку. Рассказал, что он в свое время, когда был избран депутатом Свердловского городского Совета, входил в комиссию по здравоохранению. Тяжкое впечатление произвели на него закоренелые алкоголики. Наверное, с той поры, а может быть и раньше, выработалось у Владимира Константиновича активное отвращение к спиртному.

Но обратимся к фактору времени. Упомянем, что «язык» времяпрепровождения красноречив, он один из самых важных и точных при характеристике образа жизни. Зная затраты времени, особенно внерабочего, мы можем многое сказать о самом человеке. Не случайно среди социологов бытует своеобразный афоризм: «Скажи, как ты используешь свободное время, и я скажу, кто ты». Так было решено изучить недельный бюджет времени В. К. Гребнева. По нашей просьбе Владимир Константинович в течение августовской недели ежедневно регистрировал в часах и минутах свою деятельность.

Таблица 1

Недельный бюджет времени В. К. Гребнева (в часах)

Затраты времени	Количество часов
I. Рабочее время и связанные с ним затраты:	50
непосредственное рабочее время	40
время, связанное с работой (перемещение, перерыв, переодевание, умывание)	10
II. Внерабочее время	118
сон	46
прием пищи	5,5
гигиена, уход за собой, физзарядка	6
покупка продуктов и промтоваров	2,6
приготовление пищи	6,5
уборка	1,8
стирка, глажение	2,5
уход за одеждой, обувью	1,6
получение услуг	0,5
чтение	8,5
просмотр телевизионных программ	8
любительские занятия	3,5
садоводство	14
занятия физической культурой, прогулки	5
прием и посещение гостей	2
посещение кино, театра	2
общественная работа	2

Сразу отметим, что не все показатели, характерные для образа жизни передового рабочего, нашли полное отражение в его недельном бюджете. Сказался прежде всего период составления — август. Отсюда большие затраты времени на садоводство: пора уборки урожая и подготовки к зиме. С этим же связан и несколько меньший удельный вес других видов деятельности — общественной работы, например. Известно, что летом, в пору массовых отпусков, падает уровень социальной активности. Тем не менее, несмотря на эти и другие оговорки, бюджет времени достаточно наглядно рисует картину деятельности рабочего.
Как известно, многое понимается в сопоставлении. У нас есть возможность сопоставить бюджет времени Гребнева с данными аналогичного исследования, носящего обобщающий массовый характер. Речь идет о проведенном ЦСУ РСФСР обследовании бюджетов времени рабочих и служащих 37 областей, краев и автономных республик, в том числе и Свердловской области. Сравнение с той частью выборки, что касается мужского населения, дает определенную пищу для размышлений и выводов.
Вначале отметим то, что роднит бюджеты времени. Во-первых, это совпадающие величины недельного рабочего времени и связанных с ними затрат. Во-вторых, то же самое касается домашнего хозяйства и удовлетворения бытовых потребностей. В целом суммарная трудовая нагрузка на работе и дома совпадает — 65,5 часа. В-третьих, совпадают и затраты свободного времени на отдельные занятия: физкультура, прогулки, посещение кино, театров, концертов.
Теперь о различиях. Каждая личность вносит существенные коррективы в использование времени. Владимир Константинович в отличие от многих отводит на сон 6,5 часа в сутки, что на час-полтора меньше научно обоснованных нормативов. Вместе с тем, по признанию рабочего, он не испытывает дискомфорта, чувствует себя хорошо и считает, что этого времени ему вполне достаточно для восстановления организма и подготовки его к активной жизнедеятельности.
И, как следствие, время, остающееся на свободную деятельность, в которой реализуются функции развития личности, отдыха и разрядки, имеет у Гребнева значительную протяженность, гораздо большую, чем по данным ЦСУ РСФСР. «Дополнительно» появляющиеся десять часов свободного времени в неделю расходуются рабочим в интересах удовлетворения духовных, физических и социальных потребностей. Практически отсутствует праздное времяпрепровождение, распространенное у ряда рабочих «ничегонеделанье» (по данным ЦСУ, оно составляет около часа в неделю).

Структура свободного времени включает в себя, по Марксу, как досуг, так и более возвышенную деятельность. Под более возвышенной деятельностью подразумевается интеллектуальное и физическое развитие личности, выполнение ею социальных функций, товарищеское общение. Досуг же связан с занятиями, направленными на отдых, развлечения, разрядку. Изучая образ жизни Гребнева, мы выяснили, что он много читает научно-популярной и технической литературы, в том числе большинство периодических советских журналов этого профиля. Как может быть определено время, расходуемое на такое чтение? Очевидно, это и досуг, и более возвышенная деятельность, поскольку чтение способствует развитию личности рабочего и в то же время составляет отдых. Но есть все основания рассматривать такое чтение и как подготовку к работе, поскольку Гребнев многое из прочитанного использует для рационализаторской и изобретательской деятельности.
Все же если следовать упомянутой структуре свободного времени, то в недельном своем бюджете Владимир Константинович расходует на досуг 20 свободных часов, остальные 25 — на более возвышенную деятельность.
При всех условностях и различиях такое деление типично и характерно для передовых советских рабочих.
В этом мы видим одно из коренных преимуществ советского образа жизни над буржуазным. Изучение бюджета времени американских рабочих, проведенное в рамках международных сопоставительных обследований конца шестидесятых годов, показало, что их свободное время составляют отдых и разрядка. Американские рабочие намного меньше читают, меньше занимаются общественной работой, реже ходят в кино и театры, зато намного больше смотрят телевизионные программы. Интеллектуализация свободного времени советских рабочих как одна из ведущих его тенденций отмечается в последние годы не только нами, но и идейными противниками социализма.
Одной из примечательных черт советского образа жизни, важным показателем его качественных отличий от любого другого является высокий уровень социальной активности людей. Образ жизни В. К. Гребнева — тому свидетельство и подтверждение. Причем его общественная активность связана не только с производственным объединением, о чем уже говорилось (сфера новаторства, изобретательства, рационализации). Владимир Константинович — один из создателей заводского музея и один из ведущих его экскурсоводов. Он «специализируется» в основном на аудитории, состоящей из школьников и учащихся ПТУ. В качестве гида Гребнев умеет просто и доходчиво рассказать о заводе, показать его лучшие стороны, не за-

малчивая проблем, и вообще считает свою работу в области профессиональной ориентации полезной и важной, по крайней мере для себя. Через его руки, точнее, экскурсии проходят учащиеся шести подшефных школ, не только старшеклассники, но и ученики шестых-седьмых классов. Этот непоказной интерес к подросткам, их техническому творчеству рабочий реализует и за пределами предприятия. Он является членом жюри на конкурсах детского технического творчества во Дворце пионеров, Доме юного техника, постоянно консультирует ребят, создающих приборы, станки, приспособления. Общественная работа В. К. Гребнева связана и с деятельностью областного совета новаторов, в качестве заместителя председателя. Ему нередко приходится ездить по городам области, читать лекции, пропагандировать прогрессивный инструмент, демонстрировать работу с помощью собственных приспособлений. Смысл его активности — увлечь новаторскими приемами, рационализаторской деятельностью как можно большее число рабочих.

Образ жизни В. К. Гребнева интересен еще в одном важном отношении: он представляет во многом новый тип деятельности социального слоя, получившего название «рабочий-интеллигент». В развитии социально-классовой структуры, в движении общества к бесклассовому состоянию ему суждено сыграть весьма заметную роль, поскольку рабочие, представляющие данный социальный слой,— не только передовой отряд своего класса, но несут в своем образе жизни черты деятельности интеллигенции, прежде всего инженерно-технической. Когда в повседневной — производственной и внепроизводственной — деятельности человека соединяются способы, формы и виды ее, характеризующие и авангард рабочего класса, и ИТР, возможности трудящихся приобретают новые горизонты для своего воплощения.

Что же из себя представляет новый социальный слой? К нему относятся те, кто занят в сфере материального производства, выполняет труд рабочего по непосредственному управлению сложной техникой и технологией, что требует подготовки в объеме среднего специального или даже высшего образования. Это люди с глубокими знаниями, широким культурным кругозором, сознательным и творческим отношением к труду. Они являются подлинными хозяевами производства, чувствующими себя ответственными за все, что происходит в обществе. Именно для этой части рабочего класса, являющейся носителем и лучших черт инженерно-технического персонала, характерны прежде всего широкое и повсеместное распространение рационализаторской и изобретательской деятельности, усиливающийся размах социалистического

соревнования, рост общественно-политической активности. Наиболее распространенными профессиями, вызвавшими появление и быстрый рост слоя рабочих-интеллигентов, оказались профессии наладчиков, слесарей-сборщиков, слесарей-ремонтников, операторов нефтеперерабатывающих установок, сталеваров на современных электроплавильных печах и т. д. Вряд ли правильно считать, что рабочие-интеллигенты исключены из непосредственного производственного процесса (такие утверждения иногда встречаются в литературе). Обслуживая автоматизированную систему, рабочий продолжает участвовать в производственном процессе, хотя, разумеется, не в такой форме, как, скажем, станочник. Меняются и характер, и содержание труда, который становится все более насыщенным интеллектуальной творческой деятельностью. Удельный вес умственного труда в производственной деятельности рабочих-интеллигентов, как показывают материалы многих исследований, превышает 60—70 процентов всего их рабочего времени. Стало быть, труд этой категории рабочего класса приближается к инженерно-техническому. Хотя, конечно, нужно иметь в виду, что степень интенсивности и напряженности умственного труда у ИТР и рабочих-интеллигентов различается.

В 1975 году в стране было 1,7 миллиона рабочих-интеллигентов, на рубеже 70—80-х годов количество их оценивалось как примерно равное 4 миллионам человек, или пяти процентам состава рабочего класса. По прогнозу, сделанному десять лет назад, к 1990 году рабочих-интеллигентов будет свыше 5 миллионов человек. Судя по всему, учитывая возросшую динамику нашего развития, прогноз этот скорее занижен, чем превышен.

Об этом свидетельствуют и данные проведенного с нашим участием в 1984 году исследования образов жизни рабочих и ИТР промышленных предприятий и строительных организаций города Златоуста. Обследование проводилось на заводах имени Ленина, часовом, металлургическом, швейной фабрике, тресте Златоустметаллургстрой. Изучался образ жизни 1000 рабочих и такого же количества ИТР.

В этом исследовании к рабочим-интеллигентам были отнесены лица, выполнявшие работу по ремонту, наладке, настройке машин, станков, автоматов, а также работавшие при помощи автоматов, полуавтоматов, автоматических устройств. Такие рабочие составили 17,6 процента. Все они имели высокую квалификацию и либо среднее специальное, либо высшее образование, причем законченное высшее — 2,6 процента, незаконченное — 3,2. Интенсивному росту слоя рабочих-интеллигентов способствует прежде всего объективная потребность социалистического производства, технологическая и техническая вооруженность которого

с каждым годом растет все стремительнее. Стратегия ускорения социально-экономического развития страны, требующая для своего воплощения революционного научно-технического прогресса, сопряженного с внедрением гибкого автоматизированного производства, роботов, микропроцессорной техники и т. д., вызывает необходимость в рабочих нового типа, способных к высокоэффективному квалифицированному труду на реконструированном и технически перевооруженном предприятии. В массовом порядке появляются рабочие профессии, которые могут быть обеспечены людьми как минимум со средним специальным образованием.

Сравнительный анализ материалов переписей 1970 и 1979 гг. свидетельствует о значительном увеличении численности рабочих с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием — с 3,7 процента в 1970 году до 8,7 процента в 1979 году. Но не все они могут быть отнесены к слою рабочих-интеллигентов. Известно, что среди людей с высоким уровнем образования есть немало лиц, выполняющих профессионально труд рабочего, не стыкующегося по содержанию, характеру и технической оснащенности с инженерно-техническим (например, труд «классического» станочника). Как показывают исследования, одним из основных привлекающих стимулов для человека с дипломом здесь оказывается высокая заработная плата. «Пограничный» социальный слой рабочих-интеллигентов вырастает из среды высококвалифицированных рабочих, однако характеристику его нельзя связывать только со сферой труда. Исследования в Златоусте показали усиливающееся сближение рабочих-интеллигентов с ИТР по уровню образования, по участию в создании, распределении и потреблении духовной культуры (художественная самодеятельность, образование и самообразование, техническое творчество, кино, театр, телевидение и т. д.). Близкими, а зачастую и совпадающими оказались ценностные ориентации, отношение к явлениям политической жизни, нравственной культуры, семейно-бытовой жизни, воспитания (как в семье, так и на производстве).

Сближение рабочего класса и ИТР в сфере труда происходит и усиливается в результате взаимообогащения их качествами и чертами, присущими обеим группам вследствие занимаемого ими места в системе производства и выполняемой роли в организации общественного труда. Инженерно-техническая интеллигенция приобретает социально-политические и нравственно-этические качества рабочего класса, в свою очередь передавая ему интерес к знаниям, научно-техническому творчеству, другим аспектам духовной культуры. На этой основе происходит стирание

ценностно-ориентационных различий в сфере труда между рабочими и ИТР. Следующая таблица подтверждает справедливость вывода.

Таблица 2
Мнение рабочих и ИТР об основных мотивах, побуждающих их товарищей по труду к эффективной и качественной работе
(в процентах от общего числа опрошенных)

Мотивы, причины	Рабочие	ИТР
Привычка трудиться честно и добросовестно	68,6	70,5
Чувство ответственности за дело коллектива	44,5	55,2
Высокий заработок	32,7	23,3
Желание завоевать авторитет и уважение товарищей	27,1	19,3
Желание принести наибольшую пользу обществу	24,2	15,3
Творческий характер труда, творческая атмосфера в коллективе	9,9	17,0
Возможность более быстрого продвижения по службе	3,3	4,6
Затруднились ответить	10,3	9,9

Как видно, в основном значимость и соотносительная характеристика мотивов у рабочих и ИТР совпадают, что свидетельствует о преобладании единых, сходных черт социалистического образа жизни в сфере труда.
Это же касается и области общественной работы, участие в которой стало нормой для подавляющего большинства советских людей. Данные исследования свидетельствуют, что в общественной работе участвуют 66 процентов опрошенных рабочих и 91,2 ИТР. Зафиксировано относительное сходство ведущих мотивов их участия в общественной деятельности. У рабочих на первом плане желание лучше узнать жизнь коллектива, затем чувство долга, стремление успешнее бороться с недостатками. У ИТР последовательность мотивов выглядит следующей: чувство долга, желание лучше узнать жизнь коллектива, стремление результативнее устранить недостатки.
Есть такие стороны жизни, где преодоление существенных различий и сближение рабочих и ИТР (более широко — служащих, поскольку статистика соединяет лиц, имеющих высшее и среднее образование) идет довольно быстро и активно. Одной из таких является сфера образования. Следующая таблица дает наглядное представление об интенсивности этого процесса.

Таблица 3

Сближение рабочих и служащих по уровню образования (имеют высшее и среднее полное и неполное образование в расчете на 1000 человек)

Год	Рабочие	Служащие	Соотношение
1939	87	546	1:6,3
1959	401	911	1:2,2
1970	590	956	1:1,6
1979	760	982	1:1,3
1984	825	987	1:1,2

Как видно из таблицы, рост общеобразовательного уровня и рабочих, и служащих, сокращение разрыва между ними по этому показателю свидетельствует о быстром преодолении существенных различий между общественными группами в нашей стране. На каких-то этапах это приводит даже к некоторым противоречиям между производственной и социальной необходимостью образования. У части работников возникает субъективное ощущение ненужности полученного ими образования, своего рода конфликт между дипломом и нетворческим тяжелым физическим трудом. Решающим условием преодоления этого противоречия является не искусственное сдерживание общеобразовательного уровня (бытует и такая точка зрения), а изменение характера и содержания труда. Как известно, XXVII съезд партии наметил резко уменьшить долю ручного труда уже в текущей пятилетке, а к 2000 году снизить ее в производственной сфере до 15—20 процентов, тем самым высвободить от ручных операций миллионы людей. Только в Свердловской области в 1986 году число рабочих, занятых ручным трудом, должно было уменьшиться не менее чем на 12 тысяч человек. Программа КПСС ставит в качестве перспективного вопрос о ликвидации монотонного, тяжелого физического и малоквалифицированного труда.

Обращая внимание на производственный труд как на определяющую сферу социалистического образа жизни, видя в нем основное средство выполнения народнохозяйственных планов, М. С. Горбачев подчеркивал в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: «...эти планы станут реальностью лишь при условии напряженного и эффективного труда каждого советского человека. Каждого — на каком бы рабочем месте он ни трудился, какой бы пост ни занимал. Что мы сами сделаем, то у нас и будет, так мы и будем жить» [1].

Человек труда... Пожалуй, это действительно главная характеристика образа жизни людей, который мы определяем как социалистический. И дело даже не в теоретическом споре с представителями буржуазной идеологии, упорно исключающими труд из структуры образа жизни и сводящими его к поведению в сфере быта и досуга. Сама

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986, с. 45.

практика социализма каждодневно доказывает справедливость утверждения, что труд — главный, доминирующий вид человеческой деятельности. Доминирующий — значит имеющий наиболее высокую ценность для личности и для общества. Доминирующий — значит дающий возможность судить о человеке не по его словам, а прежде всего по реальным делам.

Рабочие, об образе жизни которых здесь пишется, схожи друг с другом в первую очередь именно доминирующей ролью труда. Причем речь идет о субъективной стороне этого процесса, о восприятии и осознании этой роли самими рабочими.

...Вилорий Николаевич Мельситов. Кавалер ордена Ленина, которым был награжден за выдающиеся трудовые достижения в восьмой пятилетке. Бригадир комплексной бригады, работающей по единому наряду, слесарь-инструментальщик шестого разряда, выполняющий наиболее сложную и тонкую работу в цехе штампов и приспособлений.

Что составляет основу отношения В. Н. Мельситова к выполняемой работе? Наверное, более всего два момента, которые на первый взгляд не связаны жестко между собой, но в деятельности Мельситова не просто тесно сопряжены, а скорее всего, сплавлены. Это, во-первых, громадный интерес к работе, во-вторых, высокая степень ответственности. Лишь один штрих трудовой биографии, показывающий, насколько любит непосредственную рабочую деятельность Мельситов. Десять лет, с 1955 по 1965 год, работал он сменным мастером цеха. И не сумел больше выдержать, перешел на рабочее место. Причем, когда работал мастером, особенно во вторую смену, частенько задерживался на ночь, чтобы поработать самому, своими руками, когда в цехе никого не оставалось. А поработав, ранним утром, до начала смены, чтобы никто не видел и не задавал неуместных вопросов, уходил домой немного отдохнуть после двух смен напряженного труда.

Даже жена не всегда понимала этот своеобразный «крик души», это сильное стремление к реальному личному участию в производстве. Тем более что росли два сына, младший был совсем маленьким, им нужно было заниматься, а у отца все не хватало времени. Но воистину родительское влияние определяется не объемом совместно проводимого с детьми времени, а силой воздействия родительского авторитета на ребенка. Не будем «анатомировать» это воздействие, скажем лишь одно: младший сын Александр пошел по стопам отца, работает в его бригаде. Можно сказать, формируется новая трудовая династия на заводе. Кстати, это в целом характерно для семьи:

по стопам матери, врача, пошел старший сын Мельситова, работающий фельдшером на «Скорой помощи». Второй момент, характеризующий отношение Вилория Николаевича к работе,— ответственность, причем не только перед бригадой, цехом, заводом, но прежде всего перед самим собой. Наверное, с этой внутренней ответственности начинается все остальное. Мельситов никогда не уходит с завода, пока не сделает всего намеченного на день. Намечает же он всегда много, его сменный урок больше и труднее, чем у товарищей по бригаде. Не забудем при этом, что он бригадир — наиболее опытный рабочий. А это значит, что к нему постоянно обращаются за советом, особенно молодые. Приходится, следовательно, довольно часто отрываться от своего непосредственного дела. А чтобы наверстать и выполнить задание, бригадир нередко остается до вечера на своем рабочем месте. Поэтому есть у него моральное право и просить, и требовать с членов бригады, и, если надо производству, остаться потрудиться в субботние дни. Не всем это нравится. Но в таких случаях главным всегда оказывается слово «надо».

Естественно, напряженный труд и оплачивается выше. Молодые рабочие, имеющие третий разряд, получают в месяц не менее двухсот рублей, а самые высококвалифицированные — до четырехсот. Первоначально в состав бригады входило 18 человек, затем 17, сейчас — 15, объем же задания за это время значительно вырос. Факт примечательный! Ответственность — черта, которая пронизывает не только производственную, но и общественную деятельность передового рабочего, члена партии с 1958 года. Нет такой сферы политической системы нашего общества, на которую бы не распространялась социальная активность Мельситова. Это и партия, и Советы, и профсоюзы. Он был членом Орджоникидзевского райкома КПСС, заместителем секретаря партийной организации цеха, пять раз избирался депутатом Орджоникидзевского районного Совета народных депутатов, 18 лет — членом заводского профсоюзного комитета. Сейчас Мельситов возглавляет один из сложных участков профсоюзной организации цеха — жилищно-бытовую комиссию. Избирался делегатом VII съезда профсоюза машиностроителей, XIV съезда профсоюзов СССР. Здесь приводится далеко не полный «послужной» список приложения труда рабочего на общественных началах.

Дело не в перечне, хотя, согласитесь, он уже сам по себе говорит о многом. Бывает, к сожалению, что какое-то время человека избирают по инерции, за прошлые заслуги, за то, что просто не дискредитирует себя и должность.

Бывает и по-другому: человек добросовестно и спокойно делает свое общественное дело на пользу людям, и люди его охотно выбирают. Вилорий Николаевич относится именно к этой категории социально активных рабочих.

Не раз с благодарностью вспоминали его жильцы из общежития по улице Баумана, 56, когда им после нескольких лет бесплодных хлопот отремонтировали душевую, установили вентиляцию. По настоянию члена завкома дети из клуба «Восток-3» получили новую мебель. А сколько инцидентов в коммунальных квартирах было исчерпано, сколько кухонных склок прекращено! Казалось бы, мелочи, но именно такие мелочи мешают людям нормально жить. Случается по нынешней его выборной «должности» отодвигать товарищей по цеху, стоящих в очереди за жильем, но нарушившим трудовую дисциплину, на «задние места». Неприятно, но принципы для того и существуют, чтобы их соблюдать.
Мельситов самокритично признает, что далеко не всегда ему удавалось оправдывать доверие. Так, будучи руководителем депутатской группы, он не сумел добиться прокладки троллейбусной линии по поселку Эльмаш. И с депутатским запросом обращался, и на прием к «высокому начальству» записывался — безрезультатно. Справедливости ради скажем, что эта проблема сейчас решена.
Понятно, что при таком насыщенном профессиональным и общественным трудом образе жизни остается не так уж много времени для любительских занятий и увлечений. Тем более что хочется повозиться с внуком и внучкой.
И все же Вилорий Николаевич находит время. С гордостью говорит он, что играл на трубе в оркестре самого Турченко (тогда это был один из лучших в Свердловске музыкальных коллективов). Он и сейчас играет в заводском духовом оркестре. Но есть обстоятельство, на которое сетует рабочий-музыкант: прозябает коллектив в несносных условиях сырого, неухоженного подвала и существует исключительно за счет энтузиастов. А их с каждым годом становится все меньше и меньше. И желающие вроде бы есть среди молодых, но их отпугивает помещение: придет паренек на первую репетицию, а на вторую его уже не заманишь. А ведь инструментов — на хороший полковой оркестр, одних только труб — восемь. Тут сам собой зашел разговор, что заводу нужен заводской Дворец культуры или хотя бы клуб. Вспоминает Вилорий Николаевич, что когда отмечали 35-летие завода во Дворце культуры имени Лаврова, то представители завода имени Калинина в своем приветствии пожелали турбомотторостроителям встретить следующий юбилей, 50-летие, не в новом бас-

сейне, который только что был тогда сдан в эксплуатацию, а в новом Дворце. К слову, полувековой юбилей предприятия приходится на 1988 год.

Когда трудовой стаж человека измеряется более чем сорока годами, становится естественным и понятным стремление оглянуться назад, сравнить поколения. Отчетливее видны перемены на родном предприятии. Мельситов водит меня по цеху штампов и приспособлений. Цех считается вспомогательным, потому что не производит основной продукции завода, но каждый хоть немного знакомый с предприятием отчетливо понимает его роль в жизни турбомоторного. Мельситов показывает станки разных поколений, и в голосе его, в его глазах одновременно можно услышать радость, гордость, удовлетворение новой техникой и некоторую грусть, что уже не на всех он может работать сам. Было время, когда токарь и слесарь Мельситов мог включить любой станок и трудиться на всех одинаково хорошо. А сейчас: «Нет, на этом я уже не могу, специальная подготовка нужна».

Для новой техники требуется принципиально новый образовательный уровень рабочих. Кстати, в бригаде, отнюдь не молодежной, средний возраст ближе к 45, образование составляет не менее десяти лет обучения. Резко усложнилось содержание труда. Чтобы сделать штамп или пресс-форму, приходится усваивать далеко не простые чертежи. Рабочему нужен уже техникум, не меньше. Вот и сын Мельситова, слесарь по профессии, в 1987 году заканчивает его.

С трибуны XXVII съезда КПСС партия обратилась к каждому советскому человеку с требованием улучшить и умножить личный вклад в ускорение научно-технического прогресса. Только так, когда именно каждый будет строго соблюдать трудовую дисциплину, повышать ответственность, у нас будет наведен порядок. На заводе многое нужно в этом направлении совершенствовать. Есть участки, где оплата труда явно превышает количество и качество затраченного труда, есть — наоборот. Так, плохо оплачиваются наладчики станков с ЧПУ, полуавтоматов. Работа сложная, требует высокой сноровки, глубоких знаний, подчас на уровне вузовских, а зарплата не превышает двухсот рублей в месяц. Рядом, в этих же цехах, станочники зарабатывают не менее трехсот. И это при условии, что станки, бывает, простаивают сутками — из-за нехватки тех же наладчиков, которые не держатся на заводе.

Уровень трудовой дисциплины во многом зависит от мастеров и бригадиров. Действительно, проходишь по цехам и видишь разительные вещи, отчего так и просятся вопросы. Почему на одних участках все сосредоточенно работают, а на других — много перекуров,

празднoшатающихся? Кто придет выправлять такое положение? И как это сделать?
В. Н. Мельситов считает, что некоторые факторы ускорения, в частности организация и дисциплина труда, лежат на поверхности. Строгий учет затраченных усилий и соответствующая оплата каждого работника приведут, по мнению бригадира, к значительному росту производительности труда. А далее нужно искать более глубокие стимуляторы, таящиеся в области технического перевооружения.
Но главное — это все-таки люди. Надо с них начинать. Именно так стремится работать сам бригадир. Нельзя сказать, что в коллективе простые и легкие отношения. Начать с того, что бригада объединяет людей, чей возраст колеблется от двадцати до почти шестидесяти лет, существенно разнится квалификация — от третьего до шестого разряда. Это объективные характеристики, видимые с первого взгляда. Независимо от возраста и квалификации, каждый член бригады как личность имеет свои сильные и слабые стороны, особенности характера, психологии, значит, к каждому нужен индивидуальный подход. Не будем забывать, что бригада существует всего два года и работает по единому наряду. Требовательность при такой организации труда значительно возрастает, а это далеко не всем нравится. Бывают случаи, когда авторитет только бригадира «не срабатывает»,— в этих моментах веское и решающее слово за советом бригады.
Вместе с тем бригаду отличают трудовые и общественные достоинства — значит, удалось достичь главного — дисциплины, ответственности, порядка. Стало быть, существует у коллектива тот экономический и социальный потенциал, на который можно смело опираться и использовать его для достижения новых высот. Именно на него и надежда в осуществлении перестройки. Как человек, кровно болеющий за свое дело, Мельситов связывает ее прежде всего с изменениями роли и места всего инструментального хозяйства в жизни производственного объединения. По мнению слесаря, инструментальные подразделения — зеркало любого машиностроительного завода. От уровня и состояния их развития зависят главные производства. Поэтому и «восстает» рабочий против определения его цеха как вспомогательного. А это ведь не только название, но и вытекающие отсюда следствия, связанные с плановыми заданиями, их реализацией, качеством продукции и т. д.
Отношение бригадира к молодежи я бы назвал личностным — на него накладывается отпечаток общения и дома, и на работе с сыном — представителем молодого отряда рабочего класса. Бригадир зачастую

как бы со стороны наблюдает за молодыми рабочими. В изготовлении штампов и приспособлений самое главное — определить, с чего начать, от запевки впрямую зависит эффективность рабочей смены. Бригадир смотрит, верно ли молодой слесарь нащупал исходный момент, а если нет, тотчас приходит на помощь.
Вообще Вилорий Николаевич считает, что работать в цехе штампов и приспособлений может далеко не каждый. Ему нравится опыт чехословацких коллег, которые после нескольких месяцев обучения молодежи основным навыкам профессии устраивают затем небольшой экзамен, после которого рекомендуют избрать ту или иную конкретную специальность. При этом наиболее высокие требования предъявляются к желающим стать слесарем-инструментальщиком и слесарем-лекальщиком. Кстати, сам Мельситов достиг вершин мастерства и в той, и в другой профессии, что не столь уж часто встречается в заводской практике. Вилорий Николаевич убежден, что его профессия важна для становления личности. Она учит упорству, настойчивости, требует осторожности и в то же время решительности. Начинаешь соглашаться с тем, что профессия — это тоже образ жизни. Преодолеть мудрость мертвого металла мудростью человека не так просто. Не случайно кадры классных инструментальщиков растут так медленно. Массовое обучение здесь не применишь. Именно поэтому бригадир так внимателен к молодежи. Не все выдерживают испытание кропотливым трудом, иные подаются в токари или сборщики, туда, где полегче, а платят побольше. Происходит своего рода естественный отбор, здоровый отсев. Многие из учеников Мельситова сами стали большими мастерами и работают здесь же, на заводе.
Многим в себе В. Н. Мельситов обязан родителям, в первую очередь отцу, красному командиру, встретившему Великую Отечественную в самом ее начале и отдавшему жизнь за победу. Кадровый офицер, политработник, отец успел передать сыну самое главное — любовь к людям, желание и готовность делать для них добро. Память об отце крепко живет в Мельситове. Если прибегнуть к профессиональной терминологии слесарей, наверное, это и есть тот самый личный шаблон, по которому рабочий время от времени сверяет свой жизненный курс. Для Вилория Николаевича его судьба — это судьба отца, судьба Советской власти, Октябрьской революции.

Показывая социалистический образ жизни человека труда, рабочего нашего времени, мы убеждаемся в том, насколько мощным является влияние нового общественного строя на личность. Одним из выдающихся результатов Октября

явилось новое положение женщины в обществе и ее роль в строительстве социализма. В свое время Карл Маркс писал, что общественный прогресс может быть точно измерен по общественному положению прекрасного пола. Действительно, положение женщины — это своеобразный барометр, чутко реагирующий на состояние социальной атмосферы. Одна из особенностей этого состояния в условиях социализма заключается в том, что, выражаясь словами Ленина, «только с помощью женщины, ее вдумчивости и сознательности, можно укрепить строительство нового общества...» [1]

Знаменательно, что ныне, когда партия поставила целью достичь нового качественного состояния общества, самое активное внимание обращено к женщине, предпринимаются реальные шаги, чтобы поднять ее роль в достижении более высоких рубежей социализма.

Октябрьская революция и построенный в боях социализм в короткий исторический срок решили в основе комплекс проблем, касающихся места и роли женщины в обществе. Пожалуй, это лучше всего видно на материалах социального исследования жизни женщин-работниц. Мы познакомились с Еленой Николаевной Матюшиной, токарем-автоматчиком турбомоторного завода. Вся ее биография, образ жизни блестяще иллюстрирует тему: «Женщина и социализм». Ее путь — это реальный жизненный путь миллионов советских женщин, пусть не во всем совпадающий с тем, какой прошла Матюшина, но в главных чертах близкий к нему.

Сегодня Елена Николаевна — не просто рабочий. Она передовой рабочий, из тех, на кого равняются другие. Лауреат Государственной премии СССР, делегат XXVII съезда партии. Конечно, не многим выпадает такая честь. Но ведь ее нужно заслужить! Прежде всего трудом. Но не только — всем образом жизни, всей своей биографией. А она у Матюшиной не такая уж легкая...

Росла Елена в многодетной семье, была девятым, самым младшим ребенком. Отца ни разу не видела: он погиб на войне в 1944 году. Конечно же, с детства была приучена к труду: по-другому в то время и в такой семье быть не могло. Несмотря на трудность послевоенных лет — тяжело поднимать стольких детей без мужа,— мать сумела дать ей среднее образование. Двадцати лет Елена уехала из родной Костромской области на Урал. Работала в совхозе, выращивала овощи, а затем поступила в профтехучилище при турбомоторном заводе. Получила специальность токаря и пошла в цех, в котором работает и по сей день. А это, ни много ни мало, почти четверть века. И все связано в ее жизни с этим цехом, в том

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 521.

числе личная судьба. Замуж вышла за рабочего цеха (сейчас он бригадир слесарей). Растут две уже почти взрослые дочери. Жила сначала в женском общежитии, потом семейном, со временем получили от предприятия и отдельную квартиру. За этой внешне простой канвой — глубокое содержание. Имя ему — высокая ответственность за доверенное дело, прежде всего за производственный труд. Есть разные формы ответственности у человека. Чаще всего это так называемая ретроспективная ответственность, т. е. за уже сделанное, за прошедшее действие. Человек совершил поступок и отвечает за него перед обществом, коллективом, самим собой.

Но есть иная форма ответственности — ответственность «наперед», за будущее действие. Она проявляется как самонаправленность действий личности и выражается в единстве слова и дела. Проявляя такую ответственность, человек становится все более свободным. Имея широкий выбор вариантов, он несет ответственность за принятое решение. Общество предоставляет человеку свободу в выборе поступка и тем самым формирует его ответственность ко всему тому, что он делает. Ярко и образно показал связь свободы и ответственности поэт Леонид Мартынов:

Я уяснил, что значит быть свободным.
Я разобрался в этом чувстве трудном,
Одном из самых личных чувств на свете.
И знаете, что значит быть свободным?
Ведь это значит быть за все в ответе.

Такое лирическое отступление не случайно. Образ жизни Матюшиной как раз и пронизан этой ответственностью, которую социологи именуют проспективной. Любой свой поступок, в том числе и тот, который она предполагает совершить, Елена Николаевна соизмеряет прежде всего с интересами коллектива, с интересами дела.

В ее жизни было немало ситуаций, когда требовалось сделать выбор, принять решение, иногда не соответствующее личному интересу.

Раскрою маленькую «тайну»: у Елены Николаевны высшее педагогическое образование. Уже работая токарем, имея хорошую квалификацию, она поступила на биолого-географический факультет Свердловского педагогического института. Училась заочно. Перед тем как уйти на сессию, работала особенно напряженно, так как знала, что в цехе заменить ее трудно. Она создавала задел на будущее, вытачивая столько деталей, сколько нужно было цеху на время ее отсутствия. Никто ее к этому не принуждал — так ей диктовала совесть. Подобная же ситуация возникла,

когда Елена Николаевна находилась в декретном отпуске. По просьбе цехового руководства Елена Николаевна выходила на подмогу. И никакой героиней себя не ощущала. Напротив, ее волновало, не в долгу ли она перед коллективом, который помог ей получить вузовский диплом.

Тут проявляется такая черта героини, как совестливость. Прошло почти два десятилетия после окончания института. Я прямо задал ей вопрос, не жалеет ли она о работе в школе, и Матюшина с такой же прямотой ответила: «Раньше — да, сейчас — нет». Прожитые и проработанные на заводе годы убедили ее в том, что выбор рабочей профессии в свое время был наиболее точным. Впрочем, полученные знания не пропали зря. Воспитание детей, многолетняя успешная работа в родительском комитете — это результат педагогического образования. Постоянная и ответственная общественная работа тоже несет на себе его печать.

Каждый советский человек с огромным вниманием следил за работой XXVII съезда КПСС. Но совершенно особым образом переживается личное участие в работе съезда. Делегат партийного форума считает, что на съезд нужно посылать побольше рабочих, свести к минимуму существующую практику выборов одних и тех же делегатов. Ведь трудящихся, достойных чести быть делегированными на съезд, у нас немало.

Елена Николаевна более всего была потрясена простотой и искренностью отношений, разговоров, выступлений. Нигде она так быстро и просто не находила общего языка с людьми, как в те знаменательные дни в Москве. Получила много ярких впечатлений, большой заряд энергии. Главная работа для нее лично началась, естественно, после съезда. Дело даже не в том, что ей очень много доводилось выступать, делясь с людьми впечатлениями о работе съезда. Главное — трудом оправдать доверие товарищей по партии, оказавших ей высокую честь. Тем более что незадолго до съезда Матюшиной в составе коллектива была присуждена Государственная премия СССР. И звание лауреата надо подтверждать трудом!

Токарь Матюшина ищет новые пути повышения производительности труда. В свое время она работала на револьверно-токарных станках. Последние пять лет трудится на двух станках-полуавтоматах одновременно. Это дало немалый эффект. Он повышается от введения все новых приспособлений, в чем принимает участие и Елена Николаевна. Однако один из главных секретов ее успехов — значительное уплотнение рабочего времени, которое токарь старается спрессовать как можно больше.

Ни в чем не дает себе поблажек. «Крутится как пчелка» — это про нее сказано. Отсюда и результат: план выполняет не менее чем на 120 процентов. Это позволило передовой рабочей уже после XXVII съезда партии, под непосредственным его воздействием, выступить на пленуме Свердловского горкома партии с инициативой встретить 70-ю годовщину Великого Октября выполнением двух годовых планов пятилетки. Обязательство основано на точных расчетах своих возможностей.
Здесь хотелось бы сказать о характере труда Матюшиной. Прежде всего потому, что необходимо развеять иллюзии, еще встречающееся у некоторых облегченное представление о работе станочника, особенно если он занят на полуавтоматических станках. Увы, пока такой труд является тоже достаточно тяжелым. Работать целую смену стоя, когда руки по локоть в масле, быстро чередовать операции при переходе от одного станка к другому — не каждый выдержит такое. Можно понять тех женщин, которые стремятся чуть пораньше уйти на перерыв, приостановить под любым предлогом работу, чтобы чуточку отдохнуть от нее.
К тому же обслуживание двух станков — это в принципе функция бригадира-наладчика. Бригадир в цехе есть, специалист высокого класса, но возникают ситуации, когда наладчик нужен, а его поблизости нет. Матюшина тогда сама берется за настройку и наладку. Первое время с опаской, сейчас попривыкла. Все это приводит к мысли о том, что в современных условиях нужно заменять не только ручные операции, но и совершенствовать автоматизированное производство. В этом видится один из важных рычагов ускорения.
Работа коллектива в новых условиях — предмет постоянных забот и раздумий делегата съезда. Иллюзии насчет быстрой перестройки в психологии и деятельности заводчан у Матюшиной нет. Она хорошо понимает, что это трудный и долгий процесс. Будучи человеком прямым и откровенным, Елена Николаевна говорит об известной девальвации в последние перед съездом годы многих ценностей общественно-политической жизни. Она не скрывает, что многим рабочим было неинтересно читать газеты, исключая разве раздел происшествий и хроники. Сейчас интерес трудящихся к проблемам социально-экономической жизни резко возрос. Важно поддержать его реальными делами.
Но не все понимают, что в конкретном вкладе каждого и заключается, собственно, смысл перестройки. По-прежнему многие надеются, что придет какой-нибудь ответственный «дядя» и все перевернет в цехе и на заводе.
Всколыхнуть всех, пробудить инициативу и направить ее на конкретные действия — вот начало начал. И почин

здесь — за партийным комитетом. Как член парткома Матюшина с удовлетворением говорит о свежих переменах в стиле работы партийного штаба завода. Раньше рассмотрение вопросов, как правило, преследовало цель «указать» и «наказать». Сейчас на заседания все чаще приглашается большой круг людей. Их внимательно слушают, обсуждают совместно пути ускорения, выявляют болевые точки для того, чтобы оказать практическую помощь. Разумеется, дается оценка работы, а подчас и выносится наказание. Сместились акценты в партийной работе, и это не может не радовать.

Елена Николаевна — представитель среднего поколения рабочих. Начало ее производственной деятельности приходится на рубеж пятидесятых-шестидесятых годов. Ей также есть с чем сравнить сегодняшний день предприятия. Любопытный факт. Рабочие-мужчины в своих оценках прежде всего обращаются к производству: характер и содержание труда, его оплата, технические нововведения и т. д. Е. Н. Матюшина, в отличие от них, подчеркивает преобразования социально-бытового плана. По ее мнению, заметно улучшилась жилищно-бытовая ситуация на предприятии. Проблема по-прежнему далеко не снята с повестки дня, но степень остроты сегодня не та, что была, скажем, лет двадцать назад. Новичок еще и в цехе толком не побывал, а место в общежитии уже занял. Да еще какое! В полностью благоустроенном, в двух-трехместной комнате. Для молодоженов завод построил шесть домов гостиничного типа. Елена Николаевна вспоминает, как ей в свое время повезло, когда она тянула жребий и вытянула шестнадцатиметровку (а были комнаты и по 13 кв. м). В этой комнате семья Матюшиных — она с мужем, мать, две дочери — прожили десять лет. Сейчас же молодожены активно претендуют на отдельные квартиры. Это хорошо. Растут потребности, и увеличиваются возможности их удовлетворения. С другой стороны, заметно стремление к обособлению, отсюда быстрый распад дружеских связей у молодых семей. У Матюшиных много друзей, они вместе ходят в кино и театр, на прогулки пешие и лыжные, вместе отмечают праздники. Истоки этой дружбы — общежитские годы.

Ничто так не закрепощает женщину, как быт. Перемены в этой области особенно отрадны Елене Николаевне. Появились столы заказов, не выходя за проходную, можно купить для дома пельмени, мясные и рыбные полуфабрикаты, кондитерские изделия и т. д. Да и питание в столовых стало лучше, хотя причины для нареканий, конечно, есть. На территории завода открыты мастерские по ремонту обуви, швейная мастерская, парикмахерская,

торгует промтоварами магазин «Уралочка». А вот благоустройство шагнуло не вперед, а назад. Когда-то на территории завода был бассейн, вокруг него зона отдыха. Убрали бассейн и вместе с ним все остальное. Летом, в обеденный перерыв, и посидеть негде.

Человек по натуре деятельный, душевный, Елена Николаевна охотно идет к людям, и люди идут к ней со своими заботами, проблемами, рассчитывая получить понимание, совет и поддержку. Спрессован, уплотнен рабочий день Матюшиной. Как и в случае с Гребневым, мы проследили недельный бюджет времени. Не приводя его полностью, ибо это заняло бы много места, назовем основные слагаемые. Рабочее время составляет 52,5 часа, внерабочее — 116,5, свободное — 29. Данные (вспомним Гребнева) принципиально схожие. Их роднит рациональность затрат, трудовая, общественная и интеллектуальная направленность, стремление использовать свободное время для развития личности и на пользу общества. Правда, обращает внимание существенная разница величин свободного времени — у В. К. Гребнева его больше на 15 с лишним часов. Конечно же, сказывается то, что Матюшиной приходится значительно больше времени уделять быту и семье.

На фоне «среднерусской» картины, беря за отправную точку данные обследования ЦСУ РСФСР, ситуация выглядит следующим образом. Если у женщин России в среднем общая трудовая занятость, включая труд на производстве и дома, составляет почти 81 час, то у Матюшиной — 77. «Экономия» создается в основном за счет домашнего хозяйства (у нее занятость меньше на 8,5 часа). Резервы отыскались в семье. Муж и обе дочери взяли на себя немалую ношу домашних забот. Бросается в глаза и то, что Матюшина маловато отдыхает: в будни регулярно недосыпает, «добирая» в выходные дни. Но это, к сожалению, удел многих женщин.

Свободное время Матюшиной посвящается преимущественно социальной активности. Время, затрачиваемое ею на общественную работу, в четыре раза больше, чем в среднем у женщин России. Попутно отметим, что, по данным ЦСУ, «среднестатистическая» женщина, представительница прекрасного пола, сидит перед экраном телевизора не менее десяти часов в неделю. Конечно, интерес к телевидению во многом оправдан, однако не будем забывать, что по характеру своему это пассивное времяпровождение, требующее от человека значительно меньше усилий, чем общественная деятельность и многие другие виды использования свободного времени (любительские занятия, физическая культура, туризм и т. д.).

Таким образом, бюджет времени Матюшиной свидетельствует о ярко выраженной социальной ориентации передовой рабочей. Впрочем, не будем отрываться от реалий нашего времени и бить тревогу, если у ряда категорий женщин преобладают иные, нетрудовые ориентации. Это может быть семейно-бытовая, образовательная деятельность, использование досуга. Исследования в Златоусте показали, что среди женщин-рабочих ориентация на семью и детей оказалась одной из ведущих. Во многих ответах подчеркивается, что семья и дети — самая значимая жизненная ценность. В качестве доминанты может выступать и ориентация на образование как главную ценность, особенно в тех случаях, когда работница без отрыва от производства получает среднее специальное или высшее образование, а профиль учебного заведения не связан с содержанием выполняемого труда.
Бюджет времени Матюшиной отличает еще одна принципиальная особенность: гармоничность интересов. Это делает ее образ жизни целостным, не разорванным на отдельные, слабо сцементированные между собой части. Основные формы деятельности — производственная и внепроизводственная и их временны́е оболочки — рабочее и внерабочее время — взаимодействуют между собой. Своеобразным посредником здесь выступает общественная работа. Выполняемая в свободное время, она тем не менее касается во многих своих аспектах производственной деятельности.
Между тем в нашем обществе есть немало людей, чей образ жизни по существу расколот на две половины: одна — работа, без которой нельзя обойтись, другая — все, что начинается после трудового дня. Связь между ними практически отсутствует. В иных кругах считается даже признаком дурного тона, если человек в компании друзей вдруг заговорит о работе. Это тот тип образа жизни, который не способствует целостному развитию человека. Наоборот, он превращает его в своего рода «человека досуга» (термин, широко распространенный на Западе). В капиталистических странах массовый тип личности, преобладающим стремлением которого является досуговое времяпровождение, отвечает потребностям системы и выполняет очень важную, отвлекающую от острых социальных проблем функцию, формируя потребителя материальных и духовных ценностей. Для социализма «досуговый человек», концентрирующий свои главные жизненные интересы на сфере свободного времени, не является, скажем, объектом для подражания. Социалистическое общество заинтересовано в целостном образе жизни человека, в котором основные формы

и виды деятельности оказываются взаимосвязанными. Это не значит, что социализм стремится все подчинить интересам производства (превратить личность в человека тяжелого, изнурительного труда, а именно в этом нас упрекают буржуазные идеологи). Главное для нас — создать условия для свободного всестороннего развития каждого члена общества во всех сферах деятельности, среди которых определяющей, несомненно, является труд. Это база, на основе которой единственно и может происходить целостное развитие личности. Обращаясь к социальным портретам передовых рабочих, к характеристике их способов деятельности, мы убеждаемся в глубоко прогрессивной их деятельности, видим их целостность, разносторонность и динамизм. И в основе всего этого — труд.
Советские люди справедливо гордятся тем, что их образ жизни — поистине трудовой. Разумеется, не потому, что, кроме труда, в нем ничего больше нет. Именно потому, что производственная деятельность составляет фундамент социалистического образа жизни, становится возможным строить на нем многоярусное здание, включающее в себя различные формы и виды самореализации личности. Продолжая использовать «строительную» терминологию, отметим, что здание социалистического образа жизни создается совместными усилиями общества и «самстроя», т. е. самого человека. Особенность социалистического способа деятельности заключается в том, что он выступает как сила, концентрирующая возможности общества, коллектива, человека.

Рабочий класс социалистического общества постоянно требует своего воспроизводства в лице молодого поколения. Каждое новое поколение рабочего класса имеет свои черты и особенности, прежде всего более высокий уровень общеобразовательной, профессиональной подготовки. У него новые, более благоприятные возможности широкого социального «вхождения» в жизнь общества и трудового коллектива. В наше время, когда XXVII съезд КПСС наметил принципиально новые рубежи развития государства, чтобы обеспечить качественно новое состояние советского общества, на плечи молодых падает основная тяжесть в решении проблем ускорения. Кто они, принявшие революционную и трудовую эстафету от своих отцов и матерей?
В стране, в том числе и на Среднем Урале, проведены многочисленные социологические и социально-психологические исследования разных отрядов молодежи — рабочей и сельской, школьной и студенческой, начинающих

учителей и инженеров. Нарисован своего рода социальный портрет молодого человека семидесятых, а сейчас уже и восьмидесятых годов. Но как соотносится эта общая картина с реальными молодыми людьми? И снова обратимся к турбомоторному...

Наше первое знакомство с Евгением Дуниным состоялось прямо на рабочем месте, после окончания смены. Евгений — молодой коммунист, 24 лет, по профессии слесарь-сборщик. Удивительно коммуникабельный человек. Через десять минут общения создалось впечатление, будто мы старые знакомые. Полная раскованность, свободная и приятная манера общаться без намека на вульгарность. Чистая, интеллигентная речь. Чувствуется, что это действительно представитель нового поколения молодых рабочих. Но пока это только первое ощущение. Внешняя канва биографии предельно проста и типична для многих и многих. Кончил восемь классов, затем — профтехучилище. Проработал два года, потом — армия и возвращение на завод. Трудится на том же участке, что и до армии, уже четыре года. Обзавелся семьей, родился ребенок. Ждут еще одного.

В этой внешней простоте существуют «подводные» течения. Начать с того, что работать на заводе стал рано, в пятнадцать с небольшим лет. После окончания неполной средней школы (учиться начал с шести лет) поступил в техникум. Не понравилось. Ушел спустя год в училище, получил специальность слесаря-сборщика, пройдя годичный курс. Пришел на завод в отдел комплексной механизации и автоматизации. Искренне признается, что работал, как, впрочем, и учился, ни шатко ни валко. По молодости лет «шалопайничал». Но работа у парня шла, в отделе это понимали, да и сам он нравился старшим товарищам своей открытостью, прямотой и добрым отношением к людям.

Пройдя хорошую армейскую школу в войсках ПВО, Евгений пришел на прежнее место работы социально зрелым человеком. Трудовые достижения стали расти, повышалась квалификация — присвоили слесарю-сборщику четвертый, пятый, шестой разряд. И вот, достигнув внушительных успехов в своей профессии, Дунин принимает решение, на которое мало кто отважится,— меняет специальность и переходит работать токарем-расточником на универсальный станок. Тем более смелое, что переход ведет к потере заработной платы, причем весьма ощутимой — ежемесячно 40—60 рублей, что, сами понимаете, для семьи из трех человек, да вдобавок ждущей прибавления, весьма ощутимо. Тем не менее решение принято, и я застал Дунина в то время, когда он работал на новом станке, овладевая

им. Формальный переход еще не произошел, а фактический уже состоялся.
Каковы мотивы этого поступка? Думаю, они должны быть восприняты особым образом на фоне многочисленных выводов социологов. Последние совершенно определенно говорят о том, что у отдельных групп молодежи труд стал терять свое важнейшее значение в структуре ценностей жизни. У одних на первом месте образование (часто неважно, какое), у других — занятия спортом, у третьих — любительские развлечения, у четвертых — страсть «кайфовать», т. е., по сути дела, бесцельно транжирить время.
У Евгения есть ярко выраженный интерес к содержанию труда. Он овладевает новой для себя профессией токаря-расточника именно потому, что старая, слесаря-сборщика, уже не удовлетворяет его, она исчерпала себя. Тем более что речь идет об освоении нового станка с богатыми возможностями.
Мечта Дунина — стать разносторонне квалифицированным рабочим. Говорю ему: может, лучше углубить квалификацию слесаря, стать инструментальщиком, лекальщиком. Соглашается, видит в том определенный смысл, но и своих позиций не сдает. Учиться дальше собирается и... не собирается. Просто учебу можно понимать по-разному. Скажем, учась в училище, Евгений параллельно посещал школу работающей молодежи, но больше в специализированные учебные заведения идти не хочет. Зачем, вопрошает он, занимать чужое место, вызывать на себя большие затраты государственных средств, когда не собираешься уходить от станка? Сегодня такой труд привлекает его больше, чем инженерный. Ему нравится работать непосредственно с металлом. Смотришь на отношение Дунина к станку, и хочется назвать его трепетным. Редко можно увидеть такую откровенную радость, написанную прямо на лице, удовольствие от общения со станком.
Так вот, об учебе. Молодого рабочего тянет учиться новой профессии, новой технике. Перспектива инженерная, как уже сказано, его не привлекает: то ли потому, что очень уж дискредитирована за последние годы работа инженера, то ли «от добра добра не ищут».
Об оплате инженерного труда и говорить неловко. За примерами далеко ходить не надо:
жена Евгения, молодой инженер с высшим образованием, получает зарплату в два раза меньшую, чем муж. Мнение Дунина разделяют многие молодые рабочие. Отсюда вывод: нужно как можно скорее в интересах дела повышать престиж, значимость инженерного труда в масшта-

бах страны. Эта мысль, этот вывод прозвучал и с трибуны XXVII съезда КПСС.
Образ жизни Дунина имеет две ярко выраженные доминанты: производственно-трудовую и семейную. Это не значит, что все остальное ему чуждо. Евгений активно занимается общественной работой, он член комитета ВЛКСМ, отвечает за наглядную агитацию. Любит читать, правда без особого разбора, рад, когда попадаются детективы. Защищает спортивную честь отдела на соревнованиях заводского масштаба. Очень любит общение, дружеские компании, «в которых интересно».
Как видим, многие виды деятельности подвластны молодому рабочему, интересы его достаточно разнообразны. Проблема в том, что ограничены возможности их удовлетворения. По крайней мере, пока. Много времени Евгений отдает семье, воспитанию сына. И это, думается, достойно уважения.
Завод проявил заботу о семье молодого рабочего. Жил с женой и ребенком в общежитии, сейчас получил однокомнатную квартиру. Впереди увеличение семьи и улучшение условий жизни. Рабочий отвечает на эту заботу активным производственным и общественным трудом. Связь предельно четкая. Она и должна быть такой, ибо в ней проявление социальной справедливости, о чем убедительно говорилось на XXVII съезде партии.
Социальная справедливость касается прежде всего распределительных отношений в различных сферах общественной жизни. В экономике — это распределение видов труда, условий и оплаты, жизненных благ; в политике — распределение прав и обязанностей; в морали — распределение поощрения и осуждения в зависимости от соблюдения или несоблюдения людьми нравственных предписаний; в быту — распределение материальных условий жизни, видов услуг, которыми пользуются люди, и т. д.
Значение принципа распределения по труду как главного принципа социальной справедливости приобретает на современном этапе особое значение. Речь идет о непосредственной связи трудового вклада и его вознаграждения, о дифференцированном подходе к росту заработной платы, рассчитанном как на повышение ее минимума, так и на поощрение высокопроизводительного, квалифицированного творческого труда. Только при этом условии политика в области заработной платы станет действенным средством ускоренного развития страны.
Этому же призваны служить и общественные фонды потребления. Идею социальной справедливости

они реализуют, обеспечивая одинаковый доступ членов общества к образованию, культуре, выравнивая условия воспитания детей, облегчая жизнь тем, кто нуждается в социальной помощи. Вместе с тем эти фонды должны стимулировать добросовестный квалифицированный труд, распределяясь в известной своей части дифференцированно. В таком случае они и будут работать на принцип социальной справедливости, иначе же — на уравниловку, что в корне ему противоречит.

Одна из актуальных проблем образа жизни молодых рабочих — использование свободного времени. Исследования, проведенные нами среди этой категории лиц на ряде предприятий, в том числе и на турбомоторном, показали, что досуг молодого человека в среднем в будний день недели составляет 6—7 часов. Сравним: у рабочих после 30 лет, имеющих семью, эта величина вдвое меньше: 3—4 часа. О субботнем и выходном днях и говорить не приходится.

Свободное время может быть «союзником» человека — в том случае, если у него есть четко выраженный интерес к занятиям творческого характера. Это и учеба без отрыва от производства, и любительский труд, связанный с конструированием, моделированием, и спортивные игры, и иные занятия. А если таких потребностей нет? Здесь-то и возникает одна из самых серьезных проблем образа жизни молодого рабочего. Суть ее в том, что свободное время может превратиться в сферу антиобщественного поведения, стать фактором, разрушающим личность. Особенно если свободные часы отводятся выпивке. Самым эффективным средством против этого является воспитание потребностей, «обучение» интересному и полезному времяпровождению в свободные часы. Исследования показывают, что многие молодые рабочие не умеют кататься на коньках, играть в шахматы, настольный теннис, хорошо танцевать, избегают серьезного чтения и даже... не смотрят телевизор. Другими словами, у них отсутствует активность в сфере досуга. Она же появляется лишь тогда, когда сформируется интерес, основанный на определенном владении навыками, знаниями, умением.

Простой пример для иллюстрации. Скажем, та же игра в шахматы может показаться скучной, если ты просто передвигаешь фигуры на доске, даже не подозревая о существовании тонких и глубоких комбинаций, не имея представлений о стратегии и тактике борьбы на шахматной доске. Так и в любом виде досуговой деятельности. Вот почему закономерно выдвигается проблема обучения тем или иным занятиям.

Когда же нет сформированных умений и интересов, излишне большой объем свободного времени может превратиться в так называемый криминогенный фактор, т. е. в обстоятельство, способствующее совершению антиобщественного поступка. Особенно в тех случаях, когда самоцелью, основным содержанием свободного времени становится злополучная сорокаградусная бутылка. Не случайно большая часть противоправных деяний, говоря обыденно, преступлений, совершается в пьяном виде и в свободные от работы часы.
Пути решения проблем деятельности во время досуга нужно искать не только в сфере самого свободного времени, но и в их тесной взаимосвязи с вопросами производственной и общественной жизни молодого рабочего, всего трудового коллектива, деятельности семьи, школы, учреждений культуры и т. д. Доказано, что рациональное использование рабочего времени связано с высокой дисциплиной труда, ответственным отношением рабочего к выполняемому делу, с резким осуждением всякого рода нарушений установленного порядка. Это особенно ярко видно на примере Северского трубного завода с его принципом коллективной, бригадной ответственности. Нельзя не упомянуть и о том, что в последние годы за разговорами о свободном времени как о факторе развития личности мы как-то подзабыли о том, что оно в то же время выполняет роль подготовки человека к производительному труду. Мы стали излишне активно заботиться о «разрядке». На практике это привело к тому, что после двух выходных дней немалое количество рабочих в понедельник не могут деятельно включиться в производственный процесс. «Зарядки», энергичного настроя на всю трудовую неделю после воскресной «разрядки», увы, не происходит. И никакой тут не секрет, что на многих предприятиях, если не на всех, производительность труда в понедельник значительно уступает прочим дням недели. Большой эффект здесь даст (и он уже начинает ощущаться) непримиримая борьба с пьянством. Но дело не только в механизмах общественного воздействия. Многое зависит от самого человека, его стремления (и умения!) использовать свободные часы как для «отключения» от работы, так и для постепенной, по крайней мере психологической, подготовки к ней. Это, несомненно, приведет к превращению понедельника из самого «тяжелого» дня в день высокой производительности труда.
Подчеркивая важность рационального использования свободного времени в достижении здорового образа жизни, М. С. Горбачев говорил на XXVII съезде партии: «Главное — в образе жизни человека, в том, в частности,

насколько разумно и полезно он использует свое свободное время. Возможности для этого есть, но сильно страдает организационная сторона дела. Многое зависит от общественной инициативы, самодеятельности населения, но в городах и селах, трудовых коллективах нередко ждут указаний и уповают на помощь сверху. Почему мы плохо используем то, что уже имеется в нашем распоряжении,— дворцы, клубы, стадионы, парки и многое другое? Почему Советам, профсоюзам, комсомолу не взяться как следует за эти вопросы? Почему не развернуть движение за более активное строительство по месту жительства простейших спортплощадок и спортзалов? Почему, наконец, не организовать спортивные, туристические и другие клубы на кооперативных началах?»[1]

Ясно одно — ответы на поставленные вопросы должны носить ярко выраженный практический характер.

В решении этих проблем заинтересовано все наше общество. Важнейшей особенностью советского образа жизни является преемственность поколений. Жизненный путь человека состоит прежде всего из возрастных витков: детство, юность, зрелые годы, старость. Каждый такой возрастной рубеж — это для личности, по сути, новый образ жизни.

Преемственность видна и на примере тех представителей поколений, о которых шла речь выше. В этой связи несколько слов о династии. В рассказе о В. Н. Мельситове было упомянуто, что его сын Александр пошел по стопам отца и работает в его бригаде слесарем-инструментальщиком (очень хотелось бы надеяться, что династия будет продолжена — у Александра растет сынишка Сашка, «Сан Саныч», как любовно называет его молодой отец).

У Мельситова-младшего в отличие от Евгения Дунина не стояла проблема выбора. Он с детства пристрастился к работе с металлом, и для него все сразу было ясно: после школы пойдет слесарить к отцу на завод. Так и произошло.

Естественным было и включение Александра Мельситова в трудовой коллектив цеха, где он, кстати, проходил трудовую производственную практику, еще будучи школьником. Справедливости ради отметим, что молодой рабочий хорошо понимает, насколько продолжительным и трудным является процесс становления настоящего мастера. И он учится: у отца, других опытных и высококвалифицированных рабочих. Человек он самолюбивый, лишний раз не подойдет и не спросит. Бывает, «запорет» деталь, но ценно, что он пытается сам дойти до многого. Учась у отца и других членов бригады секретам профессионального мастерства, Александр в каких-то

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 49.

аспектах образа жизни идет дальше, делает то, что Мельситов-старший в свое время по разным обстоятельствам или не успел, или не сумел. Так, у отца не было возможности получить специальное образование, и дальше школы он не пошел. Сын счел необходимым иметь диплом специалиста и поступил на вечернее отделение машиностроительного техникума. Признается, что бывали времена, когда хотелось бросить учебу. На работе уставал, особенно в последние декады месяцев, дома по ночам не давал спать сынишка. А когда молодому человеку вдобавок чуть более двадцати и при этом товарищи зовут в компанию, в кино или на рыбалку, до которой он большой любитель, или, наконец, по телевизору «гонят» что-нибудь интересное, трудно собрать в комок волю и, презрев все соблазны, идти вечером на занятия. Но здесь во многом выручила жена: учились-то вместе. И познакомились в техникуме, благо, оказались в одной академической группе. А как известно, вместе трудности преодолевать всегда легче. Сейчас оба близки к конечной цели.

Мы часто говорим о рождении трудовых династий. Но наследовать можно не только профессию и специальность. Преемственность поколений становится более глубокой и всеохватывающей, когда это касается не только сферы непосредственно производственной, но и общественной, да и вообще всех сторон жизни. В нашем случае можно с уверенностью утверждать: Александр Мельситов унаследовал как профессию отца и любовь к ней, так и его социальную активность. Александр был секретарем комсомольской организации, сейчас он член бюро. Он стремится — другое дело, что у него, по самокритичному признанию, далеко не все получается,— разбудить комсомольцев, поднять их на важные и интересные дела.

Наши идейные противники на Западе на протяжении нескольких десятилетий проповедуют миф о конфликте поколений в нашей стране, о непонимании ими друг друга, чуть ли не о вражде. Иногда такие домыслы, чтобы выглядеть правдивее, пытаются подкрепить ссылками на естественность природных законов. Очень хотелось бы продемонстрировать им отношения «отцов» и «детей» на многочисленных примерах, в том числе — династии Мельситовых. Само собой разумеется, это вовсе не значит, что во всех отношениях между поколениями и их конкретными представителями существует полное тождество во взглядах и делах. Думать так было бы просто наивно. Речь идет о принципиальных вопросах жизни, а в понимании их как раз и проявляется подлинная преемственность. Они касаются отношения к труду, общественной

работе, проявления сознательности и ответственности, готовности помочь товарищу. Сейчас они характеризуют новые для нашего общества проблемы: ускорение его развития и перестройка, необходимая для его осуществления. Нет разногласий в признании необходимости таких преобразований, есть разные точки зрения, каким именно образом это лучше всего и быстрее осуществить. Впрочем, так и должно быть, коль речь идет о людях думающих, заинтересованных, болеющих за судьбы цеха, завода, страны в целом.
Единство и взаимосвязь поколений в советском обществе — это результат Великого Октября. Социалистическая революция совершилась не только для преодоления антагонизмов классовых, но и межгрупповых, межличностных, для установления принципиально новых отношений между поколениями. Человек никогда не сможет реализовать все свои способности и дарования, если предшествующие поколения, «отцы», не создадут необходимых условий для последующего — «детей». При социализме смысл бытия каждого поколения состоит в существенном продвижении вперед, к достижению, как подчеркивал Ленин, полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества. Ради всего этого и была осуществлена Великая Октябрьская социалистическая революция. Ради этого и был построен социализм, на знамени которого начертано: «Все во имя человека, все для блага человека». Ради этого и будет построено коммунистическое общество, величайшим завоеванием которого станет новая личность, человек коммунистического образа жизни.

Нет для социалистической революции и социализма ценности более высокой, чем человек. Все, что дал Великий Октябрь, мы должны соизмерять с достижениями человека, с тем, что сделано для человека. Не случайно сейчас возрастает роль человеческого фактора в общественном развитии, без него немыслимо реальное ускорение, социально-экономический прогресс. В новой редакции Программы КПСС подчеркнуто: «Успешное решение намеченных задач партия связывает с **повышением роли человеческого фактора.** Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении» [1].
Говорить о человеческом факторе нужно с учетом всего того, что составляет образ жизни человека. Построе-

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 140.

ние фундамента, основ социализма знаменовало собой этап превращения социалистического образа жизни в норму для всего общества. Он становится массовым достоянием подавляющего большинства населения, а его черты — характеристиками повседневной деятельности трудящихся. Новый образ жизни, возникнув как следствие социалистической революции, с самого начала своего зарождения имел преимущества перед буржуазным способом бытия и мышления. Об этом свидетельствует полярность основных качественных характеристик двух типов образа жизни. Индивидуализму в условиях капитализма противостоит коллективизм социалистического образа жизни, межклассовым и межнациональным антагонизмам — дружба классов, наций и народностей, значительному уровню моральной деградации и нравственному заболеванию общества — нравственная чистота, душевное здоровье народа.

В преддверии семидесятилетия Октября мы решили обратиться к конкретному человеку труда с тем, чтобы выяснить, что предоставил ему лично советский строй и что он сам дал нашему обществу.

Накануне великих дат, крупных узловых вех нашего развития, когда мы итожим то, что сделано, и намечаем перспективу на исторически обозримое будущее, поучительно, думается, проследить на конкретных судьбах, чем и как советское общество обеспечивает своих членов, что им гарантирует и почему именно это составляет решающее преимущество советского образа жизни над буржуазным. И тут же задать вопрос: а какова эффективность обратной связи? Как всем своим способом деятельности человек труда отвечает социалистическому обществу на заботу о нем?

Одна из отправных точек — возрастная. Поэтому не случайно героями социологических заметок избраны представители трех поколений рабочего класса — старшего, среднего и молодого. Все те, о ком шла речь, работают на одном из крупнейших производственных объединений Свердловска — Турбомоторном заводе имени К. Е. Ворошилова, который вскоре отметит свое пятидесятилетие.

Почему именно рабочий стал главным объектом исследования? Наиболее полный и ясный ответ содержится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии: «Авангардное место в советском обществе принадлежит рабочему классу. Благодаря своему положению в системе социалистического производства, политическому опыту, высокой сознательности и организованности, трудовой и политической активности рабочий класс сплачивает наше общество, играет ведущую роль в совершенствовании социализма, коммунистическом строительстве» [1].

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 64.

Валерий Миролевич
ДОРОГА НА ЯМБУРГ

Адам проявляет характер

Солнце выглянуло в двенадцатом часу дня, покатилось по краю неба, красное и негреющее, и вскоре тихо утонуло в разноцветье слоистых облаков. До самой ночи виднелись позади огни девятого промысла. И тут неожиданно для всех догнал колонну «Кировец» Адама Филимончука...

Отсутствие Филимончука обнаружили вчера вечером, когда собрались в красном уголке девятого промысла, впервые разом посмотрели друг на друга. Основная тягловая сила — водители и трактористы — были из Пангодинского автотранспортного предприятия. Сорок человек — по числу единиц техники. Хорошо знакомые меж собой, они бойко включились в разговор о готовности санного поезда.

Энергетики, газодобытчики, радисты, повара помалкивали. Они, собственно говоря, и есть десант. Техника уйдет, а им обживать Ямбург. Но сегодня они — пассажиры.

И вот тут выяснилось, что у Адама Филимончука — авария: лопнуло колесо. Запасного в АТП не было, а значит, Адам выбывал из похода. Узнав об этом, трактористы зашумели. Тракторов было в обрез — по количеству саней. Да и старая техника лет пять не обновлялась; а тягач Николая Филоненко, латаный-перелатаный, служит на Медвежьем с 1973 года... Правда, здесь, в колонне, я слышал, его считают главной силой. Но больше, наверное, из-за мастерства тракториста.

— Без резервной тяги технику порвем... И все равно что-нибудь в пути бросим. Лучше уж на берегу договориться...— высказал общее мнение тракторист Сергей Берченко.

Может, действительно что-нибудь оставить? Перебрали все санные прицепы — нет, ничего не получалось. На Ямбург намечено завезти самый минимум, гарантирующий работу и жизнь на первое время.

Значит, надо брать резервный трактор. Но где? Выход нашелся довольно легко. На девятом промысле работал бульдозер Александра Шилова. Сам Шилов случайно оказался здесь же, в красном уголке, он сказал, что у него к походу все готово. Случайно это было или нет — кто его знает. Но завтра решили выходить.

Выход наметили обставить поторжественней: митинг провести во дворе промысла. Все-таки первый десант в Заполярье — событие! Но с митингом ничего не получилось. Утром термометр показывал сорок три... Собрались на пятиминутку в том же красном уголке. Алексей Алексеевич Хоруженко, секретарь парткома Надымгазпрома, пожелал выдержки, мужества и вручил испеченный ночью в столовой огромный, в несколько килограммов, каравай хлеба с запекшейся размашистой надпи-

сью: «Доброго пути!». Решено: каравай отведаем в Ямбурге. А все это время, пока в красном уголке девятого промысла гадали, чем заменить «Кировец», и намечали торжественный митинг, Филимончук, на которого, получается, махнули рукой, боролся за свое законное право быть в десанте.
Адам работает на Ямале десять лет. Но с первым десантом ни на одно месторождение ему пойти не удавалось. Когда отбирали добровольцев на Ямбург, он решил, что теперь уж случая не упустит. И когда на пути из Пангод лопнуло колесо — поверите ли, слезы навернулись... И товарищей подвел, и сам опять без «своего» месторождения остался!
— Не-ет, так просто не сдамся! — решил Филимончук.
На попутке он добрался до Ныдинского водозабора и начал многочасовые переговоры с начальником строительного участка. Там летом работал «Кировец» строителей и, по слухам, оставил запаску.
Начальник участка сдался к двенадцати ночи, дав колесо взаймы. Прощаясь, так объяснил свою несговорчивость: «Я бы раньше его отдал, но у нас тут телевидения нет... Сам понимаешь, тоска. А тут, слава богу, ты с колесом. Очень уж красиво выпрашивал...»
До Филимончука смысл сказанного дошел на радостях не сразу. А когда дошел — возвращаться с крепким словом было поздно: подъезжал к накренившемуся на обочине своему «Кировцу». В одиночку, на сорокаградусном морозе, за оставшуюся часть ночи и полдня Адам отремонтировал обезножевшую машину. Санный поезд уже несколько часов был в пути. «Пожалуй, догоню...»— прикинул он.
И на максимальной скорости поехал по бетонке на Север, думая только об одном, чтобы не встретилось возвращающееся с проводов начальство и не тормознуло его. Думая об этом, он незаметно проскочил выручивший его и сильно обидевший Ныдинский водозабор. За девятым промыслом увидел медленные огни нашей колонны...
За пять часов мы прошли всего тринадцать километров. Эта санная скорость раздражала. Во время остановок спрыгнешь на асфальтоподобный наст размять ноги, оглянешься, а промысел все еще рядом... И такое нехорошее ощущение, будто не вперед идем, а хоровод вокруг девятого водим.
Никто, даже самые опытные не могли сказать, сколько времени будем добираться до Ямбурга: три дня или пятнадцать.
В семьдесят четвертом году первый десант от Пангод на Уренгой пробивался тринадцать суток. А тут расстояние почти вдвое больше. Поэтому везем много горючего и масла, надежный запас — это работающие моторы...
Останавливаемся из-за оврагов. На последнем водоразделе надымской тундры перед спуском к Обской губе вечная мерзлота глубоко изрезана летними ручьями. Каньоны эти

наполовину занесены снегом, и перед каждым колонна останавливается: тракторы с прицепами одолевают препятствие в одиночку, один за другим.

За эти часы я уже разобрался, что к чему, и с особой тревогой следил за тягачом-полуболотником Николая Филоненко.

Он тянет главную тяжесть — электростанцию-сотку. Вот они — маленький издали трактор и огромная, сверкающая алюминием станция — нырнули под уклон и исчезли из вида... Но уже через минуту на противоположном склоне, выписывая замысловатые зигзаги, появляется тягач, а за ним плавно и ровно выплывает станция. «Уралмаш» легче — за тракторами остается накатанная колея.

С приходом «Кировца» запас надежности у санного поезда увеличился. Заметно повеселел Станислав Петрович Суптеля, начальник Пангодинского гаража, ответственный за технику в этом походе. В пути — всего ничего, а уже пришлось заниматься мелким ремонтом. Металл на морозе становится хрупким — несколько раз подваривали дышла у саней.

— Полоса везения началась,— убеждал меня Адам, гарцуя на своем «Кировце» вдоль колонны. У его мощного зарезервированного «скакуна» была сейчас одна работа — помогать на крутых склонах буксующим тракторам. А бывший резервный трактор Шилова подцепили на подмогу полуболотнику Филоненко — сотку теперь тянули двойной тягой.

Из высокой кабины «Кировца», как со второго этажа, санный поезд просматривался весь разом: от станции-сотки с красным флагом над крышей до ремонтной летучки — в ней замыкал колонну Суптеля.

Адам, окончательно поверив в свое везение, говорил мне о том, что в жизни каждого человека должно быть свое месторождение. Его нужно найти или дойти до него нужно, и в судьбе наступят перемены. А то десять лет елозил по Медвежьему... Сейчас, чует, на простор вышел.

...Может быть, действительно вера в «свое» месторождение сказывалась. После той ямбургской зимы Филимончук вступил в члены КПСС, а за успехи в труде был награжден медалью ВДНХ. А вот объявлять о полосе везения Адам тогда явно поторопился. Он еще трижды ходил с санными поездами на Ямбург. Возвращаясь из последнего заполярного перехода размякшим под майским солнцем зимником, Адам ухнул со своим «Кировцем» в промоину на речке Ныда. По стечению обстоятельств это случилось у Ныдинского водозабора, и вновь выручил Адама шутник-начальник строительного участка...

В восемь вечера круто повернули на север. Поворачивали у вешки с табличкой, на которой рукой нашего проводника — начальника топографической партии Анатолия Николаевича Богданова — было размашисто написано: «На Ямбург! Осталось 176 км.».

Богданов разведывал этот путь еще в декабре. На двух вездеходах ГАЗ-71 со своим помощником Борисом Рыжовым они пробились на месторождение, обозначая дорогу вешками и промеряя толщину льда у берега Обской губы. Сегодня топографы впереди — ведут за собой колонну.

От вешки начался спуск в пойму реки Верхняя Хадыта. Снегу здесь намело много, и скорость резко упала. Заметил по спидометру: за три часа прошли три с половиной километра... Мороз усилился, и подул ветер. В три часа ночи движение прекратили. Пронеслось по колонне: «Спать, спать, спать...» Колонна растянулась километра на полтора, со стороны — целый поселок огней.

К нам в кабину забрался Саша Березовский — погреться. На его «Урале» дизельный двигатель, на холостых оборотах плохо греет кабину. Саша сказал, что самый опытный водитель в колонне Александр Швец предсказал на завтра пургу. Он предложил двигаться всю ночь без остановки, чтобы выбраться до пурги на лед Обской губы. Но Швецу не верят: мороз жмет, небо звездное, какая еще пурга...

— А почему Швец так считает? — спросил я у Березовского, но тот уже спал, положив голову на руль. Спал и его друг, водитель нашего бензовоза Володя Пушкарев.

Первый день закончился. Восемнадцать часов и тридцать один километр пути позади.

Пурга

В седьмом часу утра нас разбудил резкий стук.

— Все нормально? — ворвался в кабину бодрый голос С. П. Суптели. Суптеля на вездеходе объезжал колонну, заглядывая в каждую кабину: мало ли что.

Все было нормально, если не считать, что предсказание Швеца сбылось. Вышел я из кабины умыться, но даже нагибаться не пришлось к сугробу: в секунду лицо забило жестким перемерзшим снегом. Круговерть такая, что не только огней колонны не видно — свою бы машину не потерять.

Колонна подтянулась. Дистанция — два метра. До рассвета сумели пройти с километр, и это было неплохо. Но когда рассвело, фары уже не могли пробить сплошную белую тьму. Шоферы, теряя ориентировку, останавливали машины. Пушкарев выскакивал из кабины и тут же исчезал в буране. Через минуту он залезал обратно, похожий на мучной мешок, и оттаивал. Мы двигались еще десяток метров и упирались в чей-нибудь борт. Головная машина потеряла тракторную колею, «Уралы» вязли в глубоком сыпучем снегу. Какое там движение вперед... Выдернуть бы из сугробов забуксовавшие машины да без потерь переждать пургу...

Бензовоз еще мог ползти враскачку, подминая снег, но мы не знали, в какую сторону двигаться. Когда Пушкарев оттаял в

очередной раз и с душой произнес короткое слово, обозначающее, что он больше не хочет искать дорогу, несколько попыток сделал я. Нырял в свистящую молочную кутерьму, всматривался по-ненецки, щелочками, во все стороны и ни с чем забирался обратно в кабину.

Неожиданно, как призрак, вырос перед машиной Суптеля. Махнул: давай за мной! И пошел вперед на какой-то ему одному известный ориентир. Метров через пятнадцать мы уперлись в борт водовозки. Суптеля жестом показал: стоять здесь! Вздохнул облегченно Пушкарев. Я приоткрыл дверцу и тут же забыл, о чем хотел спросить Суптелю. Порыв ветра ударил в дверцу, как в парус. Мгновенно метнулся от руля Володя, уцепился за какую-то ручку, и вдвоем мы с трудом захлопнули «парус». Успели лишь заметить, как Суптеля, соскребая со щетины намерзший лед, шагнул в сторону и исчез в пурге.

Он появился минут через десять, за ним тарахтел трактор с машиной на буксире — по стеклам с толстым слоем намерзшего льда я узнал «Урал» Саши Березовского.

Пушкарев, подсохший и повеселевший, выскочил проведать друга. Но тут же вернулся, переключил скорость и начал сдавать машину назад. То же самое сделала впереди нас водовозка.

— Вот ведь умники,— возмущался Володя,— и как нас тундра носит! Согнали машины в кучу, как стадо баранов. Задохнулись бы ночью от выхлопных газов. Не-ет, вернемся — буду с шапкой по кругу собирать на прижизненный бронзовый бюст Швецу!..

В горячке об этой опасности совсем забыли. Благо, Швец же опять оказался умнее всех — колонну рассредоточили.

Сквозь ветровое стекло вот уже несколько часов виднелось одно и то же: обросшая сосульками задняя часть водовоза. Чтобы как-то разнообразить пейзаж, я выскабливал ногтем, вытаивал дыханием пятачок стекла у боковой форточки.

В этот глазок был виден проход между нашим бензовозом и «Уралом» Березовского. В его кабине горел свет, и легкие тени бегали по матовому стеклу. В этот раз Саша не пошел к нам греться. Он ехал без пассажира, боялся, что ночью заглохнет двигатель. Но в своей кабине он сейчас не мерз — к нему набились водители, и от их дыхания впервые за двое суток начали оттаивать заледеневшие стекла.

Ветер все же выдувал тепло. Когда мы двигались и Пушкарев сидел рядом, поддерживалось тепловое равновесие. Но сейчас в кабине ощущался холодок. Ноги стали стыть. По лицу протекли ледяные струйки воздуха, впрессованные пургой...

Однажды ранней весной я мерз в кабине грузовика, намертво увязшего в глине. Шофер ушел за трактором, в целях экономии выключил двигатель и вернулся, когда уже взошло

солнце, с женихом-трактористом, которого он уговаривал до утра... Выбраться из кабины было невозможно — вокруг сплошное месиво, без островов. Я сидел в железной коробке от заката до восхода и, лязгая зубами, играл отступного: грел себя фантазиями на тему, что было бы, если бы не случилось то, что произошло.

Десять лет минуло, а последовательность остывания я помнил детально, но особенно запомнилось невыносимо медленное течение времени. Мне кажется, я видел, как прилипало к стеклу кабины дыхание, рождались мелкие, затем набухали крупные капельки влаги, как после они начинали стекленеть и появлялись от них тонкие ледяные узоры. Еще вчера предупреждало местное радио: «Ожидаются заморозки на почве...»

Стартовая приподнятость, сознание исключительности заполярного перехода давно прошли. Я поглядывал в вытаенный глазок на пустынную «улочку» между двумя «Уралами», на обросшую сосульками водовозку и грел себя мыслями о том, как он мог бы проходить — десант на Ямбург...

Летом. Минувшим жарким летом... Об этом громко говорили на представительном совещании восемь месяцев назад. Только что вышел приказ Мингазпрома, обязывающий надымгазпромовцев приступить к освоению месторождения. Генеральный директор Надымгазпрома Владислав Владимирович Стрижов тогда сказал: «Выходить надо немедля. Нынешним летом на баржах. Зимний десант может превратиться в эксперимент по выживанию в экстремальных условиях Заполярья».

Хорошо было сказано! Мы еще не дошли до месторождения, а первый опыт по выживанию уже поставили... Летом бы, по воде, вдоль южного берега Обской губы пройти...

Перед самым зимним десантом я не удержался и спросил Стрижова: стоит ли все-таки идти «в экстремальных условиях»?

— Риск, безусловно, есть,— ответил он.— Но весной с Обской губы надо в устье Нюди Монготоепоки прорыть канал. Иначе судам не подойти. Из-за этого мы и не смогли выйти летом. А без грузов мы потеряем для Ямбурга год!.. Это аукнется к концу пятилетки десятками миллионов сверхплановых затрат...

Хорошо сказано. Даже лучше, чем минувшей весной...

...Хотелось пить. Раньше я смотрел на водовозку, полную чистой воды, и сознание ее доступности вместе с ленью, которая не позволяла вылезти из кабины, утоляли жажду. А тут к водовозке стали подходить наши десантники с кружками и фляжками и уходили ни с чем. Перемерз кран. Да и сама водовозка была уже бочка льда. И, странное дело, как только до сознания дошло, что вода стала дефицитом, в горле тут же пересохло, сухой язык рашпилем царапал по нёбу... Теперь мы думали только о воде.

Я заставил себя вылезти из кабины, набил кружку снегом.

Обратно забрался быстро, забыл стряхнуть снег с унтов — эта забывчивость и выручила. На ноги дул теплый воздух от мотора, и снег быстро таял. Я поставил туда кружку и вскоре получил неплохой глоток воды.
Мало кто успел вздремнуть в эту ночь. К четырем утра пурга начала стихать. Не веря в продолжительность затишья, мы решили тотчас же пробиваться к Обской губе. Тягач снова выдергивал машины из наметенных сугробов. Колонна обрела походную стройность. И начался третий день пути.

Чай на фактории

С выходом на Обскую губу мы связывали большие надежды. Как-никак это была хоть ледовая, но дорога. Во-первых, нет оврагов, не надо опасаться болот, во-вторых, мало снега, в-третьих, до Ямбурга оставалось всего сто пятьдесят километров. Правда, и это не шоссе. Торосы, трещины, воздушные подушки подо льдом...
Всем обозом вышли на лед в восемь утра и сделали остановку для осмотра техники. Выяснились некоторые подробности вчерашнего дня. Оказывается, пурга растянула колонну на пять километров. Трактористы заночевали совсем близко от берега. А Николай Филоненко с электростанцией умудрился даже проскочить покрытую густым кустарником надпойменную трассу и выйти на губу.
А неприятности вчерашние состояли еще в том, что сломались одна машина и бульдозер Александра Шилова, обморозил лицо Суптеля. В вагончике электростанции возле него хлопотал фельдшер, старательно накладывал на припухшие щеки мазь, а наблюдавший за этой процедурой водитель авторитетно заверял: «Будет жить!» Крупный Суптеля, даже сидя, возвышался над маленьким, полным медиком и выглядел во сто крат здоровее его, и веселый хохот разносился над Обской губой. Суптеля был хорошим начальником гаража, и именно поэтому ему предложили пойти в поход. Когда при появлении руководителя у подчиненных поднимается настроение и ладятся дела, значит, им повезло с начальником. Я не знаю, как бы Станислав Петрович управлялся с каким-нибудь крупным подразделением, но здесь он вел себя точно. Как в альпинистской связке, он впрягся в упряжку лидера и мало говорил, больше показывал: «Делай, как я!» И коллектив шел к Ямбургу как одно целое.
Он довел до Ямбурга еще два санных поезда. О следующем, четвертом по счету переходе, возвращаясь из которого Адам Филимончук утопил свой «Кировец», Суптеля уже слушал веселое вранье посещавших его в больнице ребят и удивлялся яблокам и апельсинам, достать которые в мае на Севере — подвиг. У Станислава Петровича, оказывается, было очень больное сердце...

Его похоронили в конце июня, когда вокруг Пангод зазеленели лиственницы, а заполярный зимник облизывала волнами и уносила прочь от берега Обская губа.
Топографы замерили толщину льда. Семьдесят сантиметров — выдержит! Но время от времени раздавались выстрелы: это рождались трещины. Богданов показывал всем формулу, по которой рассчитывал удельную грузоподъемность льда.
В формулу никто не верил: как назло, «стрельба» участилась. Поверили Швецу: он сказал — в такие морозы это нормальное явление, ничего страшного.
Пока ремонтировали машину, к колонне подсел вертолет. Он привез из Пангод горячий обед. Горячий обед входил в ассортиментный минимум забот о санном поезде — все-таки восьмидесятые годы! С вертолетом передали заказ на запчасти для бульдозера Александра Шилова.
Вот когда по-настоящему пригодился «Кировец» Адама Филимончука! Бульдозер загнали на запасные сани, вроде самодельного трайлера на полозьях, и «Кировец» легко потянул их за собой.
На редкость хорошо складывался весь этот день. Топографы без задержки вели колонну между торосами. К десяти вечера прошли столько же, сколько за два предыдущих дня. Казалось бы, пора остановиться на отдых. Но впереди в четырнадцати километрах была фактория Сядэй Харвут, и мы решили добраться до нее.
Двадцать второй час мы были «в седле», и, честно говоря, фактория сейчас нас интересовала только как рубеж, как километровый столб. Сказалось необъяснимое стремление к круглым цифрам: от фактории до Ямбурга оставалось сто километров.
Мы прошли мимо нее метров на триста и встали под прикрытием высокого берега. Дальше, казалось, все будет просто: засуну руки поглубже в карманы, спрячу нос в воротник и вот так, нахохлившись, постараюсь побыстрее уснуть, пока высасывающий тепло холодок не превратит сон в медленную дрему. Но Пушкарев не спешил останавливаться. Он развернул «Урал» носом к губе и, сдавая назад, попытался прижать машину вплотную к отвесному обрыву. Здесь ветер почти не ощущался. Точно так же в один ряд с нами пристроились и остальные машины.
А трактористы, отцепив сани, вогнали свои тягачи моторами в сугробы почти по самые стекла. Снег — хороший изолятор, и моторы будут гнать в кабины теплый воздух.
Пока «укладывалась спать» техника, машинисты электростанции-шестидесятки запустили дизель, дали свет в один из вагончиков и разожгли пропановую грелку. Застывший вагончик начал быстро оттаивать. Отпотели стены, крупные капли воды падали с потолка и тут же замерзали на полу.

В вагончик собрались «пассажиры». Решили спать на полу, подстелив под спальные мешки два слоя досок. Температура, естественно, будет почти уличная — пропановую грелку оставлять на ночь нельзя. Но идти в кабины было совестно: две ночи уже водители спали сидя. А одному можно и на сиденье прилечь...

На огонек и внеурочный чай, вскипяченный в ведре на горелке, забежали трактористы. Сергей Берченко, уютно устроившись на самодельном железном сейфе — первой служебной мебели для Ямбурга, вспомнил свой давний поход из Пангод на Новый Уренгой.

Тогда его трактор при переходе через речку провалился. Воды не было, оказалась воздушная подушка подо льдом, но выбраться никак не удавалось. С Сергеем был парень, сопровождавший груз. Так вот тот парень сказал, что в километрах двадцати по дороге есть буровая. Они подошли к ней, а мороз-то был минус сорок семь с ветром... Сергей сунул в валенок кусок колбасы, в другой — нож, на всякий случай. Шли, отдыхали, зарывшись в снег, как куропатки, и снова шли. Огни буровой увидели за несколько километров. Тогда решили отдохнуть — сил больше не было. Парень зарылся в снег, Сергей сказал, что покараулит, и присел, прислонившись к лиственнице. Как ни сопротивлялся, а все же задремал. Так и уснул бы навсегда, если бы не страшный грохот рядом. Очнулся — на предельной скорости мимо шел трактор. Рванулся за ним — ноги не идут. Выхватил колбасу из валенка, запустил в кабину, да разве услышишь что-нибудь в таком грохоте?

Сергей давился в бессилии слезами, когда вдруг осознал: трактор удалялся, а шум мотора вроде бы нарастал. Обернулся — второй идет! Раскинул руки и пошел навстречу. Последнее, что заметил,— тракторист из кабины осторожно вылезал с ружьем на изготовку. Потом Сергею вливали в рот спирт. Он пришел в себя и сказал, что с ним был парень. Вернулся первый трактор. Серегина напарника обнаружили в двадцати сантиметрах от гусеницы. Он крепко спал.

— Вот идем сейчас первыми, и нам даже горячий обед вертолетом подвозят,— завершил свой рассказ Берченко, протягивая кружку за добавкой.— А вот кончится десант — по опыту знаю,— внимание как отрубит... Только на себя надейся. А ведь нам по этому зимнику на Ямбург еще сотни рейсов делать. Надо дорожную службу наладить. К примеру, здесь, на фактории Сядэй Харвут, в одном из пустующих домиков можно оборудовать что-нибудь для отдыха. Плиту газовую с баллоном поставить, чтобы чай на середине пути можно вскипятить, обсушиться... В дороге всякое бывает.

...В декабре 1984 года, когда непогода надолго прижала авиацию к аэропортам, я снова шел на Ямбург зимником.

Поздно вечером наш автопоезд сделал остановку на фактории. По-прежнему ни обогреться здесь, ни отдохнуть... И связи нет никакой.
Стояла очень тихая ночь, какая бывает в пятидесятиградусный мороз. Часа два назад нам повстречалась колонна, возвращавшаяся с Ямбурга. Ее вел Швец. Он предупредил про полынью, где провалился недавно грузовик, и посоветовал осторожно идти всю ночь без остановок — утром будет пурга.
Мы так и сделали. И когда в последний момент счастливо объехали неприметную, уже покрытую ледком полынью, в который раз с горечью вспомнилось пророчество Сергея Берченко и — и добрым словом — Александр Швец. До сих пор водительский опыт — единственная действующая в Заполярье «дорожная служба»...

...А Швец пойдет!

Пятьдесят четыре километра, пройденные за минувшие сутки, пробудили у всех страсть к арифметике. Делили, складывали, отнимали — получалось, что дойдем до Ямбурга за двое суток. Это было утром четвертого дня, когда около бензовозов встали на заправку «Уралы».
Гудели бензонасосы, курился дымок над избушкой — рыбак-ненец только что унес туда мешок замороженного хлеба. У них кончилась мука, а вертолета давно не было. Мороженый хлеб — это из армейского опыта нашего повара Жени Лаврика.
— Главное,— говорит Лаврик,— хлеб надо замораживать еще горячим, сразу после пекарни. Тогда, если его и через три месяца занести в теплое помещение, он будет душистым и свежим, как из печки.
А мы удивлялись: откуда свежий хлеб?!
Швец прислушивался к математическим вычислениям, покуривал, глядя, как змеится поземка, а потом встрял в разговор:
— Ничего из вашей арифметики не получится. Эти сто километров на здешнюю розу ветров не помножили... А «роза», гляньте-ка, волчком вертится!
И верно, ночью ветер скатывался из тундры, час назад вдоль берега дул, а сейчас в гору поземку гонит...
— Что ты знаешь о Швеце? — спросил я Володю Пушкарева.
Пушкарев возился с обувью. Пока заправлял машины — замерзли ноги в сапогах. Сейчас снял их, чтобы надеть теплые, нагретые мотором валенки. Попытался вытащить шерстяные носки из сапог, но не сумел — пристыли к подошве. Так и засунул их под капот, пусть сначала оттают. А ступни все-таки прихватило, они отходили в теплых валенках с ноющей ломотой, и Володя ответил не сразу:
— Работает он здесь давно... Некоторые считают, что Швец

в этих местах и родился, настолько он хорошо знает их. Из любой переделки выведет. Когда нас спросили, согласны ли мы в январе пробиваться в Ямбург, мы не сговариваясь спросили вопросом: «А Швец пойдет?» С ним не страшно. Через несколько часов над Обской губой разыгралась пурга. Колонна «подобралась», шли впритирку, не дай бог отстать,— санный след сдувало со льда в секунды.

Непонятно, как разглядел колонну среди бушевавшей пурги вертолет. Присел, не выключая моторов. Выгрузили запчасти для бульдозера и газеты. С газетами вышел конфуз: пачка оказалась за декабрь прошлого года. Однако десантники посмеялись, но быстро разобрали «свеженькую» прессу на самокрутки, на портянки и другие важные дела.

А вскоре топографы остановили колонну. Потерялся из вида берег. Возьмешь невзначай левее и угодишь в... Карское море. До него отсюда тысяча километров, но выход по губе прямой.

Снова собрались в вагончике у газовой горелки, как у костра. Настроение не очень — прошли всего четырнадцать километров. Одна радость — заварили ведро чая. Неожиданно пришел Швец с четырехлитровым металлическим термосом, попросил кружку и начал заполнять свою посудину.

Нашего повара стало раздувать от возмущения:

— Ну-у... Если все с такими будут ходить...

— А больше ни у кого такого нет,— Швец спокойно ополовинивал ведро.— Это не термос. Это ценный подарок. Прочитайте... Он подвинул сверкающий термос Лаврику, и тот послушно вслух прочитал гравировку: «Ветерану Медвежьего».

— Вот,— подытожил Швец.— А ценные подарки надо уважать. Кто утром захочет горяченького, прошу ко мне,— и плотно закрутил крышку. Он смотрел на нас с каким-то мальчишеским озорством, как бы спрашивая: ну, кому еще жалко горячего чая для гостя?

Настоящих любителей чая в вагончике было двое. Один уже высказался, а я набрал кружку и протянул Швецу. У нас было море времени, а в углу вагончика лежала «поленница» воды — мы распилили ножовкой и занесли сюда целый сугроб. Так что можем наполнить десятки «ценных подарков».

Мы пили душистый чай, и Швец рассказывал, как приехал в эти места после армии в 1960-е годы. С нефтеразведочными экспедициями изъездил Ямал вдоль и поперек. Возил грузы в буровые бригады, открывшие месторождения Медвежье и Уренгойское. Этими же местами ходил вдоль губы мимо будущего Ямбурга. Десятки колонн провел от Лабытнанг до Надыма и Пангод, и действительно ни разу те, кого он вел, не попадали в аварийные ситуации.

— Немного тундру понимаю, немного ездить научился,— растягивая слова, сказал Швец, подражая говору исконных

ямальцев, которых полюбил и с которыми прожил рядом в ненецком поселке Ныда вот уже более двадцати лет.
— А что, про меня ребята всякие небылицы наговорили? — вдруг спросил он, улыбаясь.— Вы лишку про меня не пишите. Мало ли что наговорят.— ...Я пообещал ему это и никаких старых легенд о Швеце не записывал. Хватало новых.
Уже через месяц маленький поселок первопроходцев на Ямбурге оказался в критическом положении из-за нехватки горючего. Солярки оставалось на пару дней, и если второй санный поезд не поспеет, встанет дизельная электростанция. Тогда в считанные минуты Заполярье высосет тепло из вагончиков. А санный поезд шел очень медленно и по расчетам уже не успевал: в его составе был шестидесятитонный бульдозер для рытья подходного канала, и с этой махиной требовалась особая осторожность на льду Обской губы. И тогда Александр Швец на своем бензовозе в одиночку пробился к Ямбургу, на сутки с лишним опередив колонну, слил свой бесценный груз и тут же без отдыха пошел обратно за горючим. Зимник от девятого промысла до устья речки Нюди Монготоепоки в те месяцы был для первопроходцев настоящей дорогой жизни. Солярка давала свет, тепло, работу. Еще трижды приходили сюда санные поезда. Но тридцать шесть рейсов сделал на своем бензовозе Александр Швец!
...Часов в одиннадцать вечера в вагончик ввалились два сильно застывших человека, покрытых панцирем куржака. Присев на корточки, они протянули к огню красные с негнущимися пальцами руки. Затем один из них повернулся к Адаму Филимончуку: «Все, Адам, завтра я на твоих «салазках» не катаюсь. Сам пойду».
Это был бульдозерист Александр Шилов. Пока мы тут чаевничали, он со слесарем Сергеем Оглезневым ремонтировал бульдозер...

И две бочки про запас...

После этой встречи за четыре дня пути и пурги что-то надломилось в людях. Весь пятый день двигались как бы с оглядкой, ожидая подвоха от погоды. В результате осилили всего тридцать километров, хотя на ночевку остановились поздно, около часа ночи. Сказывалось и недосыпание: за пять суток на сон выпало около шестнадцати часов.
Среди трактористов на удивление бодро держался Николай Филоненко. А ведь ему приходилось тяжелей других. По сути дела, он прокладывал трассу впереди на своем старом полуболотнике с красным флагом над электростанцией. Его тягач невозможно было спутать — бросались в глаза две большие, притороченные сзади кабины бочки с горючим.
Без них он не выезжал в рейсы вот уже много лет. Точнее,

с марта 1981 года, когда колонну тракторов, шедшую из Надыма в Лабытнанги, в сорока километрах от Оби застигла пурга. В тот день им повстречалась колонна автомашин, направлявшихся в Надым. Вел ее Швец. Через несколько лет они познакомятся на Медвежьем и вспомнят ту пургу, так по-разному закончившуюся для них обоих. Пурга началась через несколько часов после того, как колонны разминулись. Швец вслепую, на одной интуиции, не останавливаясь, вел машину и вывел колонну к Надыму. А трактористы остановились, решили переждать. Пурга не стихала шесть суток. Кончились горючее, продукты. Решили добираться пешком. Сколько шли, Николай не помнит. Вышли на берег Оби, увидели вдалеке причал, и силы их покинули. Потом ему рассказывали, что вскоре наткнулся на них вездеход, возвращавшийся из Салехарда. Водитель погрузил их в кузов, довез до столовой на причале, перенес в зал. Там, на полу, они проспали двое суток. Время от времени их навещал врач и запрещал будить.

— Из тех трактористов, что тогда со мной шли, я больше никого никогда не встречал, все уехали с Севера...— рассказывал Филоненко.— А я вот остался. Но без запасных бочек никуда не выезжаю. Боюсь пурги.

...Он еще несколько раз ходил заполярным зимником. А следующей зимой на Ямбурге высадились буровые бригады. Филоненко попросился обслуживать их и с тех пор прописался на месторождении постоянно.

На маршрутном листе, подготовленном топографами, место нашего бивуака называлось так: устье ручья Нижняя Лазерьяха. Отсюда до конечной точки — пятьдесят километров. (Опять круглая цифра! Ну кто мешал нам остановиться на полчаса раньше?!)

Ручей столетиями выносил сюда на берег песок из тундры. Отмель около устья протянулась метров на двести в глубь губы. Это хорошо видно сейчас, в середине зимы. Отмель промерзла. Лед изгибается, как шелковая облегающая ткань, подчеркивая неровности дна, и только вдали, там, где начинается глубина, блестит ровная поверхность.

— Точно так же и в устье Нюди Монготоепоки,— Богданов произносит название речки разом, не спотыкаясь...

Мы стоим у вездехода топогруппы, и Богданов рассказывает о том, как выглядит Ямбург. Через день-два я сам увижу, но уже сказывается нетерпение: чем ближе конец перехода, тем больше разговоров о Ямбурге.

Главное я уже для себя представил: все так же, как здесь, в устье речки Нюди, где весной будет прорыт подходной канал. Сама Нюдя не больше этого ручья. Она каждую зиму промерзает до дна, особенно сильно — в мелководном устье, где образовался мощный слой вечномерзлых пород. Его-то и предстоит прогрызть десанту газодобытчиков.

О том, почему газодобытчики решили освоить рытье каналов, я немного знал. В этих заполярных широтах вообще никто и никогда не производил подобных работ. Но без канала к берегу не подойти. Прошлым летом, когда намечался десант, речники категорически отказались углублять дно из-за вечной мерзлоты и частых штормов. Они утверждали, что нужно ждать, когда развернется специализированный отряд гидростроителей, который построит порт.

Порт, конечно, необходим, соглашались газодобытчики. Но вот Надыму пошел второй десяток лет, а речной порт все еще строится. Такое может случиться и с Ямбургом. К тому же по предварительным планам ввод его первой очереди совпадает с пуском двух первых промыслов на Ямбурге. То есть через четыре года...

Надымгазпромовские инженеры искали описание аналогичных объектов в специальной литературе и готовили зимний десант. Представитель Иртышского пароходства, побывав в Надыме, предложил пари: мол, ничего из этой затеи не выйдет. Пари было принято.

Мощный шестидесятитонный бульдозер, который пришел на месторождение со вторым санным поездом, легко снял слой льда на 150-метровом участке. Стал рыхлить песок, и... работа остановилась. Машинисты бульдозеров в изумлении разводили руками. Сверхтвердые коронки клыка-рыхлителя стачивались о смерзшийся песок, как мягкое железо о наждак.

Пришлось перестраиваться на ходу: рыхлить ложе канала при помощи взрывов. И ямбургский «бетон» поддался. За семнадцать дней круглосуточной работы было вынуто более пятидесяти тысяч кубометров грунта. 12 мая подходной канал длиной 340 метров, шириной 60 и глубиной — 3,5 метра был готов. Когда в июле последние льдины унесло за горизонт, началась первая ямбургская навигация. Она продолжалась два с половиной месяца, и тысячи тонн грузов были доставлены на месторождение...

Но ночью 22 января 1982 года первопроходцы еще дремали напротив ручья Нижняя Лазерьяха в пятидесяти километрах от цели. И до нее еще нужно было дойти.

Каравай на Ямбурге

К середине шестого дня пути прошли девятнадцать километров. Погода стояла отличная, но все уже настроились на седьмые сутки пути: три километра в час — больше не получалось. Вертолетчики завезли газеты, на этот раз свежие. И центральные, и местные сообщали о санном поезде, идущем к Ямбургу. Газеты передавали по рукам, читали вслух. На снимке, сделанном еще на девятом промысле и опубликованном

в городской газете «Рабочий Надыма», некоторые узнали себя.
И вот что значит настроение! Колонна пошла быстрее. А потом трактористы предложили пропустить «Уралы» — снегу на льду мало, что им плестись за тихоходами?
А наша автоколонна уже в седьмом часу вечера чуть не проскочила устье речки. В темноте прожекторами высвечивали берега, пока не увидели наконец вагончик, наполовину занесенный снегом, и рядом — три фигуры с ружьем и фонариками.
Это были самые первые жители Ямбурга — звено плотников, доставленное сюда вертолетом две недели назад: Владимир Придатко, Николай Охрименко, Александр Литвинов. За это время они отремонтировали вагончик, оставшийся от изыскателей, разгрузили грузы с вертолетов. А сегодня с утра ждали колонну. Вскипятили трехведерный бачок чая, топили печь еще в одном балке, не замеченном нами из-за сугробов.
Ребята, соскучившись по общению, по новым людям, рассказывали о проведенных здесь днях, пытались показать, где русло, вертолетная площадка. Но стояла глухая темень, и насвистывал злой ямбургский ветер, по словам Володи Придатко, менявший направление на все 360 градусов.
Неожиданно со стороны губы донесся знакомый рокот тракторов. Это было невероятно!.. Но санный поезд подходил к устью речки! Когда «Уралы» обошли колонну, Филоненко стал разгонять свою тяжелую электростанцию, включил предельную скорость и увлек за собой остальных. Последние двадцать четыре километра они прошли за три часа вместо предполагаемых восьми!..
Подкатив к вагончикам, трактористы тут же освобождались от своих санных прицепов. Делали они это как-то быстро, даже торопливо, будто спешили...
А спешить больше было некуда. Вот она, маленькая точка на карте, которую, сначала проскочив на сотню метров, высветили прожекторами несколько часов назад водители «Уралов».
И тогда, не сговариваясь, нажали на клаксоны и, нарушив построение, разом лавиной кинулись на «ориентиры», размахивающие ружьем и фонариками. У заполярного перехода должна была быть какая-то конечная эмоциональная точка.
И они ее ставили, врубив на полную мощь фары и прожекторы и сотрясая воздух окрест победным ревом своих машин.
А сейчас, видимо, очередь трактористов. Вот, скатившись с берега, тут же застопорил левую гусеницу Сергей Берченко, и его трактор завертелся на льду волчком. Николай Филоненко сделал несколько вращений, а потом пошел змейкой.
Он тормозил попеременно то левой, то правой гусеницами, и лихо виляла грузная часть его полуболотника с притороченными бочками. Филимончук на своем двухэтажном «Кировце» не рисковал идти на сложные пируэты — он гонял большими кругами вокруг танцующих тракторов

и не снимал руки с клаксона, пищавшего, как на смех, тонко и жалобно.

Почерневший, осунувшийся Суптеля смотрел на своих людей, которые высовывались из кабин и орали черт-те что; на технику, которая, одолев зимник, могла разбиться в этой пляске, и улыбался. Над Ямбургом сейчас звучала одна торжествующая музыка, и все были настроены на эту волну.

Утром мы забрались на высокий прибрежный холм.

Переход завершен! Техника, грузы доставлены на месторождение... Интересно, какое оно?

К востоку, насколько охватывал взгляд, простиралась холмистая равнина, часто изрезанная глубокими оврагами. И — ни одного деревца. Здесь, наверху, и снега-то почти не было — все сдувал ветер. Ниже, метрах в пятидесяти, небольшая ровная площадка. А вдоль нее, плавно изгибаясь, лежала Нюдя — промерзшая до дна, неживая речка.

Шесть суток, недосыпая, с постоянным ощущением холода люди шли сюда. И вот она, стылая, пронизанная ветрами тундра, в которой надо научиться жить и работать.

На ровную площадку у берега реки трактористы выводили электростанцию, столовую, выстраивали в первую улочку четыре вагончика. Все, кому предстояло возвращаться домой в Пангоды, в Надым, с какой-то особой заботливостью помогали тем, кто оставался здесь,— разгружать машины, обустраиваться.

...Счастливо обогнув полынью, о которой предупреждал Швец, декабрьской ночью 1984 года наш автопоезд завершал переход до Ямбурга. На высоком прибрежном холме, как сторожевая застава,— комплекс вагон-домиков дирекции по обустройству месторождения. Чуть ниже — стройные ряды балков, образующие две улочки: Первопроходцев и Заполярную. Еще совсем недавно они обрывались на уровне поселковой столовой.

Но в этот раз у местных улочек появилась новая точка отсчета: две первые ямбургские «многоэтажки» — двухэтажные комплексы «Вахта-80». В них разместилось недавно образованное производственное объединение по добыче газа. Выполнив пионерную программу этапа освоения, коллектив Надымгазпрома подготовил базу для создания этого самостоятельного участка.

Да, на Ямбурге перемены: поселковый Совет, почта, магазины, телевидение... Обустройство месторождения ведут несколько трестов в составе специально созданного главка Ямбургнефтегазстрой...

...В полдень на площадке будущего поселка состоялся торжественный митинг. Десятки рук держали красное полотнище транспаранта: «Ямбург — наш!» Ветер вырывал его из рук, выдавливал слезы из глаз.

А после митинга отогрели в дизельной и разделили на всех каравай. Тот самый, врученный перед дорогой, на девятом промысле Медвежьего...

Ян Хуторянский

ПЯТЬ ИНТЕРВЬЮ

Время и камень

На берегу тихой в этом месте реки Исети, где и течение-то не всегда заметишь, стоит увитый зеленью старинный дом с колоннами. Рядом, буквально в нескольких шагах, мост екатеринбургских времен. В заросшем кустами и травой дворике редко кого увидишь, но дом населен. Иногда даже за полночь горит свет в его окнах. Одно из них, с ажурной металлической вязью между рам, давно мне мило. Когда в нем свет, значит, хозяин тут. Работает.

Тихо в мастерской художника-камнереза Евгения Евграфовича. В этой городской комнате какой-то деревенский уют. От старой печи тянет запахом отварной картошки с укропом. На большом, самодельной конструкции столе (он же рабочий) горкой печенье, ватрушки, сахар. Свежезаваренный в высоких кружках чай «вприкуску» с разговорами кажется особенно вкусным.

«Хочешь больше узнать, спрашивай»,— советовали древние. И мы продолжаем наши беседы, которым уже много лет... Продолжаем негромко: камень тишину любит, говаривали старые мастера.

Евгений Евграфович под впечатлением поездки в ленинские места Казани. В связи с годовщиной знаменитой сходки, в которой участвовал студент первого курса юридического факультета Владимир Ульянов, мраморный зал университета украсил мозаичный портрет Ленина.

— Работали самозабвенно, даже ночью. И не только потому, что сроки были сжатые, это панно создавалось в стиле флорентийской мозаики — из камней, плотно подогнанных друг к другу,— красной (сургучной) яшмы и белого магнезита.

Слушаю рассказ о том, как по эскизу Васильева резали и подгоняли одна к другой пятимиллиметровые пластины, наклеиваемые потом на мрамор, и вспоминаю далекое-близкое...

...Распластанное на земле знамя из яшмы увито черными (из полированного агата) траурными лентами... Таким было знамя горнорабочих Урала, выполненное для памятника Ленину старыми мастерами Екатеринбургской гранильной фабрики. И как своеобразная перекличка времен воспринимается сегодняшний рассказ Евгения Евграфовича о новой работе.

Ленинский портрет вместе с ним выполняли опытнейшие мастера объединения «Уральские самоцветы» М. Семеновских, Е. Дмитриев, Ю. Котельников, В. Торхов. Заказ был выполнен за месяц.

Наступил день открытия мемориала в Казанском университете. На стене установили мемориальные доски и картину уральских камнерезов. Произносились взволнованные речи, звучали аплодисменты, благодарные слова, рукопожатия. По мнению специалистов, уральская мозаика по праву займет почетное место в ряду портретов В. И. Ленина.

— Самый близкий для меня камень — пейзажная яшма Орского месторождения. Это уникальный камень! Что ни блок, то сюрприз. Один на другой не походит, да и походить не может. Он различен и по цвету, и по рисунку.

Однажды на отполированной пластинке орской яшмы мы насчитали шестьдесят три различных оттенка. Даже не поверили вначале, стали пересчитывать — нет, не ошиблись. Многие считают, что «король камней» — малахит. Лично я так не думаю, хотя он, конечно же, играет не последнюю скрипку в «каменном оркестре». Из старых малахитчиков всегда останется незабвенным Андрей Николаевич Оберюхтин, работавший много лет на заводе «Русские самоцветы». Именно он в послевоенные годы восстанавливал пострадавшую от бомбардировок малахитовую коллекцию ленинградского Эрмитажа. С ним Павел Петрович Бажов любил за чаем беседовать об удивительном камне. Секреты свои мастер не выдавал. Рассказывают, что творил он за закрытыми ставнями. Сделает шкатулку, завернет в газету и домой унесет. Там и полирует.

Евгений Евграфович встает и идет к книжному шкафу в углу. И вот передо мной необъятных размеров альбом фотографий разных лет. На одной из них Оберюхтин. В спецовке. Чувствуется, что человек с достоинством пронес через всю жизнь любовь к профессии. Перед ним на столе отполированная малахитовая шкатулка. Медленно переворачиваю страницы альбома и вижу, а с помощью негромкого комментария хозяина мастерской почти ощущаю время, запечатленное в снимках.

...Родные места. Детство. Озеро Синара. Деревня Воздвиженка, где он родился. Тут в тиши, на берегу водного зеркала, отразившего скалы и темный лес, и возник у художника замысел мозаичной картины, словно освещенной розовым закатом.

— Этот каменный пейзаж, «тиражированный» нашими мастерами, разошелся далеко. К тому же у картины, «написанной» яшмой, долгая жизнь.

— А вот тут на снимках моя родня — мать, отец, братья. Видите, какие еще молодые были братаны. А ведь они — участники гражданской и Отечественной войн. От них

впервые узнал то, что потом читал в учебниках. Это, если хотите, были первые политические уроки Октября, которые дало мне старшее поколение.
Как-то Васильев подвел меня к окну и подставил солнцу, казалось бы, плотный камень. И вот уже не родонит это, а пронизанная светом картина — могучее дерево. Ветви его тонки и живы, словно жилки... Как угадывается скрытый до поры узор материала? Что подсказывает художнику молчаливый разговор с камнем изо дня в день вот уже четвертое десятилетие? Помните: камень тишину любит...
Знаю за Евгением Евграфовичем такую особенность: говоря о чем-то, он постоянно сосредоточен и, как мне кажется, видит что-то. И вдруг на полуслове встанет и подойдет к доске с наколотым листом. Движения его не резкие, а, наоборот, плавные, но штрихи карандаша четкие, сразу образующие образ будущего изделия. Так не раз при мне, чем, признаюсь, горжусь, рождались первые контуры шкатулок, ваз, подсвечников, письменных приборов, пепельниц... Свыше трех тысяч произведений создано им.
— Искусство мастера было и будет на первом месте, но люди, связанные с камнем, творят в особых условиях, соизмеряя свои творческие замыслы с камнем, как бы советуясь с ним.
Тут важен союз фантазии с возможностями техники и технологии. Рассказывали, что, подобрав на заводском дворе забракованный кусок хрусталя, Васильев поставил свой «диагноз». Несмотря на то что камень «страдал внутренними пороками и инородными включениями», Васильев вырезал из бросового куска вазу, которая вскоре попала на представительную выставку.
Евгений Евграфович вспоминает годы молодости, когда семнадцатилетним он пошел учиться в ФЗО, потом работал прокатчиком на металлургическом заводе в Уфалее, где выпускали кровельное железо.
— Уставал страшно, но молодость брала свое: после смены еще оставались силы рисовать. Это мое увлечение заметил художник Алексей Тупицын. Очень благодарен ему за то, что он учил меня не только кисть в руке держать, но главное — замечать красоту. В одну из моих последних поездок в Уфалей встретил товарища. Хочешь, говорит, я сейчас тебе твою юность верну... А сам как-то загадочно улыбается. Оказывается, одна из моих давних картин найдена в старом сарае. Писал я ее в 1944 году. Обнаружили ее при курьезных обстоятельствах. В сарае было много хлама. Пришел пожарник и велел очистить помещение под

угрозой штрафа. Сейчас эта работа у меня. Как видите, краски сохранились — писал методом сухой кисти.
Воспоминания растревожили душу. В 1950 году, услышав по радио, что заводу «Русские самоцветы» требуется художник, Васильев пришел туда и, к удивлению своему, увидел, что в цехе работает молодежь.
— Были и старики, причем что ни имя — то легенда. Григорий Данилович Зверев. С его отца Бажов писал своего Данилу-мастера. История зверевского рода тесно переплелась с историей добычи и обработки самоцветов на Урале, и идет она от знаменитой Мурзинки, близ которой родился Григорий. Это ему была доверена в свое время огранка рубинов для Кремлевских звезд.
Помню, когда Зверев, уже почти ничего не видевший, приходил к нам на завод, из цеха в цех передавали эту новость. Спешили поздороваться со стариком, а кто и просто посмотреть на этого живителя камня. Возьмет, бывало, в руки готовое изделие, огладит своими чуткими пальцами и скажет, из какого камня сделано, как огранено, да еще изъян найдет. Вот каких людей я застал на заводе, у кого учился понимать душу камня.
Прямых наследников знаменитых уральских умельцев мы, тогда молодые, видели в Николае Дмитриевиче Татаурове, Александре Степановиче Китаеве и других.
Слушаю Васильева и думаю, что сейчас уже и его имя вписано в эту славную плеяду. Заслуженный художник РСФСР, чьи произведения побывали на пяти зарубежных, четырех всесоюзных, пяти республиканских, на всех зональных выставках «Урал социалистический»,— свыше сорока экспозиций украшали его работы. Двадцать музеев нашей страны приобрели их.
Есть они в собраниях Москвы и Ленинграда, в городах Сибири, Украины. Профессия художника такова, что, выстрадав, выносив, как мать, свое дитя, вложив в него все свои силы, он расстается с ним. И живет эта красота вдали от автора, принадлежа уже не ему, а всем, кто ею любуется...
Был в жизни Васильева и его товарищей по художественному цеху особенно счастливый день, когда многое из того, что создавалось ими в разные годы и разошлось по свету, вернулось на родную уральскую землю. Это произошло на выставке «Русские самоцветы», ставшей знаменательным событием в истории культуры не только Свердловска, но и Урала.
Полторы тысячи шедевров, сделанных несколько веков назад и в наши дни, довелось увидеть на этой

ретроспективной экспозиции. Это была удивительная симфония камня, ибо камень, по выражению академика А. Е. Ферсмана, умеет не только говорить, но и петь. В каждом камне — своя музыка...
Помню слова, прозвучавшие на открытии выставки: «Свердловск не только центр машиностроения и металлообработки, но и крупный центр камнерезного и ювелирного дела. Школа уральских мастеров художественной обработки камня занимает одно из ведущих мест в стране. Она обогатила и русское, и советское декоративное искусство. Славу нашего города приумножают художники, чьи произведения представлены на выставке». И первым среди них названо было имя Евгения Евграфовича Васильева. Ему принадлежало 120 работ из полутора тысяч — целый раздел. В который уже раз обращаясь к пользующейся огромной популярностью на Урале каменной шкатулке, Васильев представил на выставке новую серию... Это шкатулка с аметистовой щеткой... Шкатулка с поясками из мельхиора... Шкатулка, в которой сочетание формы и цвета камня было настолько органично и изящно, что без подсказки раскрывало содержание — космос.
— Этой теме посвящены многие наши работы. В них запечатлено само время, взлет человеческого духа, штурм неизведанного, который начался в октябре семнадцатого года... Панно, сувениры, шкатулки, связанные с завоеванием космоса, есть сегодня во многих местах, в том числе и в Музее космонавтики.
Жизнь, время, перестройка диктуют художнику, связанному с камнем, и новое содержание, и новую технику работы.
Говоря это, сокровенное, художник держал в руках невзрачного вида камень. Рассматривал его со всех сторон, прищуриваясь, примериваясь. А мне подумалось: самоцвет, а не светится.
Сколько еще дней и ночей пройдет, прежде чем этот холодный камень станет живым и теплым, вспыхнет всеми своими гранями, цветом, рисунком, полировкой. Выходит, пока это еще не самоцвет. Выходит, камни не засветятся, пока к ним руки не приложены. Они вспыхивают от вложенной в них души человека.

Вновь и вновь вслушиваюсь в негромкий голос, записанный на магнитофон в просторном кабинете с окнами на городскую площадь, усыпанную осенними листьями, и опять вижу своего собеседника — народного учителя СССР Виктора Ивановича Назарова.
Высокий. Моложавый, несмотря на седину. Очень к лицу темно-синий костюм (форму в училище носят все). Взгляд

карих глаз серьезен, внимателен и спокоен. Говорит не торопясь, с паузами, как все старые педагоги. Порой мне кажется, что в эти паузы он успевает унестись в своих воспоминаниях далеко отсюда, от Полевского, где мы встретились. Об этом рассказ впереди, а пока вижу на столике стопку приготовленных по моей просьбе материалов о профессионально-техническом училище, где он директорствует уже два десятилетия. Внешне здание похоже на обычную школу, но это первое впечатление. Здесь готовят будущую смену рабочему классу. У каждого учащегося есть трудовая книжка, которая уже в стенах училища помогает молодежи к вступлению в трудовую жизнь. И хотя книжка называется «малая», в ней много поучительного. Открой, перелистай — и многое узнаешь о юном человеке. Увидишь, каковы его профессиональное мастерство, трудовая активность, отношение с коллективом, дисциплина. Почувствуешь характер.

Отдельные странички расскажут об успеваемости, пробелах в знаниях и умениях, участии в общественной жизни, техническом творчестве, художественной самодеятельности, спорте. Есть раздел «Поощрения», есть «Взыскания». Каждый будущий рабочий уже в стенах училища имеет индивидуального наставника с Северского трубного завода. В его цехах я видел фотографии лучших учеников рядом с портретами известных металлургов.

— Завод — наш коллективный шеф-наставник, базовое предприятие,— говорит Виктор Иванович.— В училище сложилось немало хороших традиций. Одна из них — идти по пути отцов. У нас получили специальность отец и четыре сына Медведевых, работающие в листопрокатном цехе. Из училища пришла на завод семья Дендибера — отец и два сына. Здесь овладели рабочими профессиями три брата Числовых и многие-многие другие. Училище подготовило свыше десяти тысяч квалифицированных рабочих для трубного завода, недавно награжденного орденом Трудового Красного Знамени. Коллектив завода и училища — одно целое. Продукция предприятия, адресованная нефтяникам и газовикам, не знает рекламаций...

Один из главных показателей, если не решающий,— закрепление наших выпускников на заводе. Так вот, практически эта задача решена: добрая половина тружеников завода — наши воспитанники, значительная часть их награждена орденами и медалями.

Училище горячо подхватило инициативу своих шефов-северцев: «Трудовой и общественной дисциплине — гарантию коллектива». Первой это сделала группа

слесарей мастера производственного обучения А. Сизова. Весь год все шло благополучно, ребята были активны в учебе, общественной жизни, но перед самым выпуском произошло чрезвычайное происшествие: один из учащихся попал в милицию. Позже выяснилось, что парень был невиновен. Но это позже, а на собрании группа единодушно заявила, что условий соревнования не выдержала. Вроде бы поражение, но честное признание общей вины в случившемся, понимание коллективной ответственности за поведение товарища — тоже победа.

— У наших ребят есть,— говорит Виктор Иванович,— для производственного обучения прекрасные мастерские, для теоретического — хорошо оборудованные кабинеты. По итогам одиннадцатой пятилетки они признаны лучшими в области. Кабинеты физики, химии, математики, электротехники стали опорными среди училищ Среднего Урала.

Реформу школы коллектив воспринял очень хорошо. Мы практически были к ней готовы. Главные задачи, которые она ставит,— укрепление связи с базовыми предприятиями. Нам не раз доводилось рассказывать о своем опыте на заседаниях бюро Свердловского обкома комсомола, президиума Облсовпрофа, на республиканских педагогических чтениях.

Реформа требует укрепления материальной базы.— Она у нас есть, хотя, конечно, постоянно нуждается в обновлении, иначе мы отстанем от требований времени. Есть хорошие педагогические кадры, которые понимают свою роль в воспитании нового экономического и технического мышления учащихся, в осуществлении компьютерного всеобуча. Мы приветствуем введение новых предметов, изучение электронно-вычислительной техники. Однако я далек от мысли, что, введя новый предмет, мы уже готовы бог знает к каким техническим свершениям.

Не умаляя, разумеется, значения компьютеризации, убежден, что изучение ее — лишь составная часть учебно-воспитательного процесса. И если все его звенья будут соответствовать требованиям реформы школы, компьютерная грамотность поможет нам в подготовке современного рабочего, рабочего, который требуется сейчас, в век научно-технического прогресса.

— Здесь, Виктор Иванович, по-моему, уместно совершить маленький экскурс в прошлое и привести строки из приказа об организации вашего училища: «взять под контроль организацию учебного городка, мастерских, бытовых

и культурных зданий, учебных кабинетов и аудиторий, получение станочного оборудования и жесткого инвентаря согласно установленным нормативам».

Учебный городок... Он состоял из трех одноэтажных каркасно-засыпных бараков военной поры, слабо согреваемых печами. Один отводился под учебные кабинеты: их было четыре. «Жесткий инвентарь» составляли столы на 6—8 человек да скамейки со спинками, а для преподавателя — стол и табурет.

Старейший мастер производственного обучения училища В. П. Власов рассказывал:

— В зимнее время в классах было так холодно, что иногда замерзали чернила в чернильницах.

В другом бараке было общежитие, в третьем — жили сотрудники. Такими запомнились послевоенные сороковые годы тем, кто учил, и тем, кто учился.

От школ ФЗО с их шестимесячным циклом обучения до сегодняшних средних профтехучилищ с трехгодичным сроком обучения — «дистанция огромного размера». И я, по существу, ее прошел. Это моя биография...

И Назаров вспоминает ее начало — трудный для нашего народа сорок третий год. Осенью сельский парнишка пошел в седьмой класс Четкаринской средней школы Пышминского района...

От отца, ушедшего на фронт в первые дни войны, так и не пришло ни единой весточки. Он погиб под Ленинградом. Детей осталось четверо. Я старший. Чем было матери их накормить, как одевать? Пришлось седьмой класс бросить, проучившись всего месяц, и пойти в Камышловское железнодорожное училище. В письмах домой писал матери: не волнуйся, мол, тут кормят три раза и одевают во все казенное. Я в группе слесарей-инструментальщиков. Нас, как помнится, учили не столько теории, сколько готовили к работе — фронту нужны были паровозы.

Окончил Назаров училище в сорок пятом и в числе троих лучших выпускников оставлен на должности помощника производственного обучения.

— Что вам запало в душу из тех лет?

— Огромная нагрузка — физическая и моральная. Но никто не хныкал, а ведь после занятий ребята помогали родителям в огороде. С осени и всю зиму приходилось еще разгружать вагоны с дровами и на себе таскать, чтоб отопить училище. На сон оставалось совсем немного. И так каждый день. Каникул в войну не было. Был я тогда по возрасту почти сверстником своих подопечных. Профессии-то выучили, но какой из меня педагог без образования? Единственный путь был в вечернюю школу...

...Трудные «университеты». Не выдержав конкурса при поступлении в Ревдинский железнодорожный техникум, он отоварил карточки и с буханкой хлеба, куском брынзы и кульком перловой крупы четверо суток добирался до Уфы...

Там поступил, правда со второго раза, в техникум.

— Учился и жил впроголодь. Семья была далеко, да и чем могла мне помочь мать с тремя детьми? Всю войну ждала она отца, надеялась. Сейчас я уже старше его больше чем на двадцать лет. Да что я? Сыну, Игорю, почти столько, сколько было дедушке Ивану... Мы хотим, чтобы наша молодежь имела бойцовские качества и высокую гражданственность, которые отличали старшее поколение. Много для этого делается. У нас в городе пять Героев Советского Союза — их портреты висят в училище.

К 40-летию Победы советского народа над фашистской Германией каждая из 28 учебных групп училища как бы прошла по местам главных событий Великой Отечественной войны. Были встречи с Героями Советского Союза, ветеранами войны и труда. Рабочий должен быть физически крепким, и мы уделяем очень большое внимание спортивной подготовке. Мы считаем себя в ответе и за воспитание будущих солдат. Как правило, наши воспитанники служат в Советской Армии достойно, из частей приходят только положительные отзывы. Ну, а они возвращаются, выполнив интернациональный долг, награжденные медалями, орденами. Хорошей службе помогает спорт. У нас свои чемпионы. Команда по хоккею с мячом была победителем области и зоны в Иркутске, стала чемпионом России в Мурманске. Среди чемпионов мира по хоккею среди юниоров наш Сергей Титлин. Мы гордимся своими командами по волейболу и биатлону. Получают наши учащиеся и эстетическое воспитание. Давняя дружба связывает училище с Дворцом культуры Северского трубного завода, поэтому не случайно на протяжении последних трех-четырех лет наша самодеятельность занимает в области первые места. Ансамбль политической песни — лауреат Свердловской области, агитбригада — одна из лучших. Доброй традицией стал Ленинский зачет, но и его можно по-разному провести. У нас создана постоянная комиссия, работающая из года в год. Она помнит ошибки прошлого зачета, знает, на что обратить внимание в этом году. Не скрою, порой приходится слышать от учащихся: «Что вы от нас требуете, мы же и в школе сдавали». Но когда речь заходит о содержании ленинских работ,

обнаруживаются серьезные пробелы. Мало прочитать, переписать, надо понять и взять на вооружение суть и идеи вождя революции. Ну а в целом комсомольская организация нашего училища работает неплохо. Ей вручен вымпел ЦК ВЛКСМ и приз имени стахановца Бусыгина.

— В чем вы видите ответственность учителя перед своим временем?

— 14—16 лет — это пора становления человека. Значит, подростки, с которыми мы работаем,— будущее страны. Сегодня общество решает проблемы ускорения, увеличения экономической мощи, дальнейшего улучшения жизни советских людей. Кто будет претворять в жизнь революционные задачи, поставленные XXVII съездом партии? Те, кого мы сейчас учим. Стало быть, на педагогах и мастерах производственного обучения лежит большая ответственность за то, какой уровень знаний, профессиональных навыков приобретут наши питомцы, какое нравственное воспитание получат в стенах училища.

Училище гордится многими своими выпускниками. Среди них доктор технических наук профессор Уральского политехнического института Ю. М. Полежаев. Конечно, его не училище сделало профессором, но когда-то этому бывшему «ремесленнику» здесь заложили хорошие задатки — и человек вырос. На базовом предприятии — Северском трубном — работают три наших выпускника — Герои Социалистического Труда Ю. А. Смирнов, А. М. Русин и В. М. Брянцев. Многие стали командирами производства.

— А что вас тревожит в своих учениках?

— Пожалуй, больше всего вещизм. Но вина здесь прежде всего родителей, которые балуют детей дорогостоящими подарками. Подростки не знают, какой ценой достался родителям купленный ему мотоцикл, золотые часы и т. д. Родители, которые не делятся дома со своими детьми проблемами семейного бюджета, приучают их к легкому восприятию жизни. Нам, педагогам училища, приходится не столько воспитывать, сколько перевоспитывать, исправлять изъяны семейного воспитания. И очень многое зависит от личности педагога. Ситуации порой бывают острыми.

...В 1958 году Назарова вызвали в областное управление профессионально-технического образования и сказали: «Принимай руководство специальным училищем в Тавде...» Ехал туда не без опаски. Во-первых, тридцати лет ему еще не было. Во-вторых, училище необычное — эхо войны... Там собрали подростков, потерявших родителей, воспитанников детских домов. Среди них

немало «отпетых». В детском доме держать их сложно, а лишать свободы жаль... Таких педагогически запущенных ребят привозили из Смоленска, Курска, Воронежской, Минской, Гомельской областей, из детских домов Урала.
Уже по дороге знал: училище на плохом счету. Прежних его руководителей сняли с работы, что называется, с треском.
— Всю ночь я писал речь для торжественной линейки первого сентября, но ни одного из душевных слов, которые старательно искал, произнести не удалось. Толпа мальчишек встретила меня градом насмешек. В висках застучало. Как поступить? Что предпринять? В какое-то мгновение понял, почувствовал, что от директора ждут ответа не только дети, но и педагоги, которые уже успели тут хлебнуть лиха. Неожиданно, как молнией, озарило: передо мной ребята, привыкшие жить одной семьей. Это только с виду безликая толпа подростков, а на самом деле — коллектив. Мое внезапное решение состояло в том, чтобы противопоставить этому коллективу другой. «Первая группа за мной. Шагом марш!» Ребята опешили, запереглядывались. Еще никто не отдавал им такого неожиданного приказа: уйти с начавшейся линейки, да и еще с директором во главе. И они повиновались команде, недоумевая, что будет дальше. В молчаливом строю мы покинули двор училища, пересекли улицу, и когда отошли от него, я скомандовал:
«Смирно! Стой! Застегнуть пуговицы на шинелях, подтянуть ремни. Привести себя в порядок!»
Не все приняли эту игру, но когда мы строем вернулись, моя первая группа уже не была толпой мальчишек. На нее смотрели как на нечто новое, непривычное. Я понял, что у меня уже был хотя и маленький, но свой коллектив. И когда я подал команду: «На линейку становись!» — ей подчинилось большинство. Несогласных «убеждали» уже не педагоги, а сами ребята.
Событием в жизни училища стал приезд знаменитого полярника, Героя Советского Союза Михаила Васильевича Водопьянова. За одну ночь ребята своими руками приготовили почетному гостю подарки, и среди них — его портрет, выполненный резьбой по дереву. Мальчишки, выросшие без отцов, потянулись к этому отважному человеку.
Это были, пожалуй, самые трудные годы моей педагогической работы. Спал тут же, в кабинете, три-четыре часа в сутки.
Ребята совершали правонарушения. И хотя мы боролись

за каждую душу, порой доходило до крайности — исключение из училища. Наверное, тогда я впервые так остро ощутил меру ответственности, которая лежит на педагогах. Ставку сделал на самоуправление — в училище был создан совет командиров, который во многом помог педагогическому коллективу.
За свои поступки провинившиеся отвечали перед советом. И постепенно ребята-сироты, не ведавшие ласки, воспитанные в разных детских домах и по-разному, начали выходить на самостоятельную дорогу.
— Кем бы вы могли стать, если не учителем? Представляете ли иной свою биографию?
— Биография иной не представляется, и, честно говоря, не желал бы, а вот работу предлагали разную. Когда был в комсомоле, настойчиво рекомендовали в горком партии. Позже, во время защиты дипломной работы в Уральском государственном университете на кафедре политэкономии, было принято решение оценить ее на «отлично», опубликовать и направить меня в аспирантуру. Приглашали заместителем начальника областного управления профессионально-технического образования. Как видите, изменений по службе могло быть немало, но они не произошли, и я об этом не жалею. Решил пойти по одной линии: начал с училища и не изменил ему.
Когда наша беседа приближалась к концу, в кабинет директора училища вошел коренастый мужчина с открытым добродушным лицом.
— Заходите,—пригласил Назаров, прервав рассказ.— Это наш бывший выпускник. Долго работал в училище, потом на трубном заводе. Теперь уезжает, пришел проститься.
Виктор Иванович встал, вышел из-за стола пожать руку.
— Где бы ни были, знайте, что тут ваш дом, учителя, мастера. У тебя все в порядке? (Внезапный переход на «ты» выдал волнение директора.)
— Да вроде... только просьба есть...
— Говори.
— Разрешите попрощаться со знаменем нашего училища.
...Я был свидетелем этого волнующего ритуала. Немолодой уже человек, с лицом, опаленным огнем прокатного стана, опустился на колено, приник губами к алому полотнищу и быстро пошел родным коридором к выходу, не скрывая слез.
Когда мы с Виктором Ивановичем вернулись в его кабинет, он молча закурил и долго стоял у окна, думая о чем-то своем.
Больше вопросов у меня не было.

Уралмашевский потенциал

До начала диалога представлю моего собеседника: Геннадий Николаевич Башилов — директор научно-исследовательского института тяжелого машиностроения при Уралмаше — НИИтяжмаш, который располагает десятками современных лабораторий, испытательными стендами, экспериментальным цехом и вычислительным центром. Это здесь, в стенах института, выкристаллизовался замысел создать линию-автомат, с которой, как блины горячие, сходили бы цельнокатаные колеса железнодорожных вагонов. Реализованные в проекте и выполненные в металле линии уралмашевцы отправили Нижнеднепровскому трубопрокатному заводу. Мне доводилось читать отзывы украинских металлургов, специалистов, ученых, железнодорожников сразу же после испытания новой техники. Мнение было однозначно: работа уральцев заслуживает высокой оценки.

Открывалась новая страница в истории создания колес, которым суждено много раз обогнуть земной шар, рассекая климатические зоны. На практическом языке это означало, что использование уралмашевской техники позволило начать в стране выпуск более прочных железнодорожных колес. С тех пор, когда провожаю взглядом проносящиеся мимо локомотивы, мне кажется, что я знаю тайну больших скоростей и растущей грузоподъемности тяжеловесных составов.

...За создание оборудования по выпуску автоматизированных поточных линий для производства цельнокатаных железнодорожных колес мой собеседник в числе других был удостоен Государственной премии СССР.

— Геннадий Николаевич, мы беседуем с вами в знаменательное время — прошел XXVII съезд партии, впереди 70-летие Октября. Многие важнейшие страницы истории нашей страны тесно связаны с Уралом. Индустриализация нашего края заняла одно из ведущих мест в экономической политике социалистического государства. Легендами в биографии пятилеток стали Уралмаш и Магнитка. На XVI съезде партии была поставлена задача форсировать строительство Магнитогорского металлургического комбината, способного выпускать столько металла, сколько давала его вся дореволюционная Россия. Символично, по-моему, что в канун юбилея Октября названия двух индустриальных гигантов снова рядом.

— Это определено Основными направлениями экономического и социального развития СССР на пятилетку. Здесь уместно вспомнить, что оборудованием и машинами Уралмаша оснащена большая часть Магнитки. И сейчас, когда прославленный комбинат переживает второе

рождение, его помощниками вновь станут уралмашевцы. В этом видится перекличка времен, эпох. Я имею в виду прочные связи между Уралмашстроем и Магнитстроем. Ведь дружбе этой более полувека. Сегодня комбинату предстоит обновление. И прежде всего сталеплавильного производства. Вместо действующих сейчас мартеновских цехов будет построен мощный кислородно-конвертерный. Для него Уралмаш выпустит четыре машины непрерывного литья заготовок. Это новейший тип оборудования: высокая производительность, степень автоматизации, долговечность основных узлов, качество отливаемой продукции. Новая машина во много раз производительнее, совершеннее в управлении, экономичнее. Впервые в мировой практике сталь можно будет разливать в два и три ручья. На пятилетку намечен выпуск девятнадцати таких машин для десяти предприятий, в том числе таких крупных комбинатов, как Магнитогорский и Череповецкий.
Наши машины непрерывного литья заготовок позволят с каждого миллиона тонн жидкой стали получать на 200 тысяч тонн проката больше. Учитывая важность поставленной ЦК КПСС задачи, коммунисты-уралмашевцы взяли заказ Магнитки под неослабный рабочий и партийный контроль. Между флагманами металлургии и машиностроения возобновлена рабочая эстафета. В этом факте видится присущий нашему образу жизни подход к решению крупных экономических проблем, взаимодействие в рамках единого народнохозяйственного комплекса.
В докладе XXVII съезду КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что поворот науки к нуждам народного хозяйства необходимо осуществлять энергичнее. Но столь же важны поворот производства лицом к науке, его максимальная восприимчивость к научно-техническим достижениям. В качестве примера крупного изобретения, которое годами не находило практического применения, был назван эффект безызносного трения для повышения ресурса работы машин и агрегатов. Сегодня, когда перед машиностроителями стоят крупномасштабные задачи, эта проблема особенно актуальна. Наши машины должны быть высокопроизводительны и при этом долго служить народному хозяйству.
Между тем любая из них, будь то экскаватор или буровая, стиральная машина или пишущая, подвержена старению. Сначала изнашиваются отдельные узлы и детали, против которых работает трение. Оно старит машину прежде всего. Статистика печально красноречива: 80 процентов отказа машин происходит в результате износа так называемых фрикционных сопряжений — мест трения. Скольких ремонтов, дорогостоящих простоев техники

могло не быть, если бы эффект безызносного трения, открытый советскими учеными три десятилетия назад, был уже внедрен! С трибуны партийного съезда говорилось о том, что этот эффект позволяет создать принципиально новые смазочные материалы, многократно увеличивающие долговечность узлов, машин и механизмов. Осуществление безызносного трения в машинах практически не требует больших капитальных затрат и особенно эффективно для применения в массовых видах техники.

Понимая, какой огромный народнохозяйственный результат может дать эта работа, мы вместе с московским объединением приступили к внедрению эффекта безызносного трения. Ресурс машин может быть поднят при этом в 2, а некоторых в 3—4 раза. Иными словами: при той же кинематике, тех же узлах понадобится меньше запасных частей, затрат электроэнергии, а функции машина будет выполнять так, как изначально определил конструктор, но только в 2—4 раза дольше, чем сегодня. Задача эта сложная. Мешает односторонний подход к решению проблемы. Недостаточность широкой информации, справочной литературы и нормативно-технической документации для конструкторов машиностроительных отраслей по вопросам износостойкости, а также отсутствие специальной инженерной подготовки в области приборотехники — науке о трении и износе — все это препятствует повышению надежности машин. Необходимо внедрить систему организационных мер, сосредоточив на этой проблеме научные и инженерные силы, объединенные в межотраслевой организации.

Сказывается также отсутствие серийного производства металло-плакирующих присадок и смазочных материалов, смазочно-охлаждающих жидкостей. Не разработаны стандарты на типовые узлы трения, методы их испытаний на трение и изнашивание.

— Геннадий Николаевич, острый и взыскательный разговор на заседании бюро Свердловского обкома партии о повышении качества и технического уровня ваших машин, суровая критика в выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. И. Рыжкова были для многих неожиданными. Многие виды оборудования значительно уступают зарубежным аналогам по степени автоматизации, удельной металлоемкости, надежности ряда узлов, они не отвечают современным требованиям.

— Приведу характерное для многих уралмашевцев признание бригадира токарей Героя Социалистического Труда, члена ЦК КПСС Анатолия Максимовича Королева: «В упрек себе следует сказать, что такая оценка явилась для нас неожиданной. Да, привыкли мы, что называется,

ходить в именинниках, воспринимали как должное лестные эпитеты в свой адрес. Конечно, недостатки не замалчивались. Однако они чаще всего объяснялись так называемыми объективными причинами: промахи планирующих органов, нехватка и низкое качество поставляемых материалов, неразворотливость строителей, занятых реконструкцией важнейших участков производства». Сегодня, по прошествии времени, мы убеждаемся в том, что резкая, но объективная партийная оценка нашей работы, справедливая конструктивная критика была заслуженна... Коллектив не добился заметного улучшения качественных характеристик своей продукции. И именно рабочий класс, передовые бригады, опираясь на содружество с инженерами, обратились ко всему коллективу объединения с призывом взять ответственность за качество продукции на себя. Чтобы повысить спрос, каждая деталь, каждый узел машины должны иметь личное клеймо. Такой подход сразу дал себя знать. Львиная доля потерь от брака на совести наших же уралмашевских металлургических цехов, поставляющих заготовки плохого качества. К сожалению, свой «вклад» вносят и наши смежники, а это около полутора тысяч заводов-поставщиков. Не все получаемое от них отвечает требованиям стандарта.

— Наша беседа не раз прерывалась телефонными звонками. Один из разговоров, невольным свидетелем которого я стал, по-моему, прямо относится к теме. Насколько я понял, вам звонили с угольного разреза, где вышел из строя шагающий экскаватор Уралмаша...

— Да, увы... В данном случае мы оказались без вины виноватые: нас подвел генератор Лысьвенского турбогенераторного завода Пермской области. У брака, как видите, есть конкретный адрес, но звонят нам, потому что марка-то на машине наша, уралмашевская. Наверное, не раз поминали нас недобрым словом и хозяйки, пользующиеся стиральными машинами «Малютка», когда выходили из строя электродвигатели... Армавирского электротехнического завода. Между тем заводы-изготовители не несут ответственности, когда отказывают их изделия, смонтированные на нашем оборудовании. Тут слово за государственной приемной комиссией и Госарбитражем СССР. Это проблема общая для машиностроительных предприятий страны.

Машиностроение — ключевая отрасль экономики, а Уралмаш занимает в ней особое место. Сознание того, что нашу продукцию ежегодно получают более трех тысяч металлургических заводов и комбинатов, угольных разрезов, нефтяных и газовых промыслов, обостряет чувство ответственности за судьбу народного хозяйства. Тут,

действительно, нужно дерзать, видеть перспективу. А это непросто, если учесть, что предприятия, получающие нашу продукцию, относятся к 25 министерствам и ведомствам. Сегодня на первый план выдвигаются вопросы, связанные с прогнозированием будущего в отраслях, для которых мы делаем машины. Поэтому мы по-новому подошли к разработке целевой комплексной программы и генеральной схемы развития объединения до 2000 года. Так, создавая буровую и горнодобывающую технику, мы в первую очередь учитываем, что сегодня развитие экономики в значительной степени связано с освоением районов Сибири и Дальнего Востока, с их сложными климатическими и горно-геологическими условиями, а также с разведкой и добычей полезных ископаемых со все больших глубин как на суше, так и на море. Партия поставила перед нами задачу обеспечить подлинно революционные перемены в развитии науки и техники на базе использования открытий и изобретений, тесной связи науки с производством. В ответ на это уралмашевцы решили выпускать всю новую технику на уровне мировых достижений.

Тесная связь науки с производством — для нас не просто слова. Это каждодневная практика жизни. Концентрация научной и инженерной мысли дает возможность проводить единую техническую политику в области создания новой техники, развития и перевооружения собственного производства, централизованно и комплексно решать возникающие проблемы. За год инженеры НИИтяжмаша оформляют примерно 200 заявок на изобретения. Кроме того, продаются лицензии зарубежным фирмам. В этой пятилетке, на которую приходится 70-летие Октября, машиностроение выходит на качественно новый рубеж.

О времени и о себе

Беседа с лауреатом Ленинской премии Павлом Акимовичем Халилеевым — доктором технических наук

В юности он мечтал раскрыть тайну шаровой молнии...
В годы второй мировой войны разработал аппарат для поиска затонувших кораблей...
Спустя сорок лет после окончания Великой Отечественной был участником парада в Москве...
Сегодня его научная деятельность связана с крупнейшими магистральными нефте- и газопроводами...

— Ваша жизнь богата событиями, в которых отразилась эпоха. Вся ее сознательная часть прошла после Октябрьской революции. Какие периоды вы назвали бы определяющими в биографии, какой отпечаток наложили они на вашу

научную деятельность, творчество в науке?
— Дело в том, что мы, то есть я и мои сверстники, жили в такую эпоху, когда весь мир менялся с неимоверной скоростью.

На моей памяти первая мировая война, февральская революция, Октябрьская революция, гражданская война с ее поражениями и победами. Великий голод в Поволжье и план ГОЭЛРО — план электрификации России. Великие стройки первых пятилеток и коллективизация сельского хозяйства.

А потом Великая Отечественная война, восстановление разрушенного хозяйства, послевоенный рост нашей экономики, нашего промышленного могущества с выходом на первое в мире место по производству стали, цемента и многое-многое другое.

В дни моего детства слова «радио» не было. Некоторые знали, что есть какой-то беспроволочный телеграф. Шестнадцати лет я сделал свой первый детекторный радиоприемник. Мой отец только тогда поверил, что в Смоленске можно слышать голос человека, говорящего в Москве, когда надел телефонные наушники. Мальчишками мы видели самолеты: конструкции из фанеры, обтянутые брезентом. На наших глазах развивалось радиовещание, родилось телевидение, открыта и использована ядерная энергия. Человек вышел в космос, побывал на Луне, обследовал поверхности Венеры и Марса. Вот сколько эпохальных событий, которые, естественно, наложили отпечаток на мое поколение.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас я с группой сотрудников работаю над дефектоскопией магистральных газопроводов. Это огромная система жизненно важных артерий, которые должны работать бесперебойно. Между тем трубы газопроводов и нефтепроводов подвергаются коррозии. Правда, они защищены слоем изоляции, но она часто повреждается, когда трубы опускаются в траншеи, и тотчас же появляется коррозия.

В лучшем случае это приводит к множественным утечкам газа или нефти, в худшем — газопровод под давлением газа, которое достигает 70—80 атмосфер, разрывается, и труба частично разворачивается. При этом столкновение металла с каким-нибудь камушком иногда вызывает искру, а искра приводит к взрыву газопровода. Эти аварии приносят колоссальные убытки и, безусловно, недопустимы. Так вот, чтобы такие аварии не происходили, за состоянием труб, уложенных в грунт, надо следить. Нужен такой прибор, который вводится внутрь трубы и, двигаясь под давлением газа, как поршень, собирает информацию

о состоянии чуть ли не каждого квадратного сантиметра этой трубы.
Вот такие дефектоскопы сейчас нами разработаны. В создании его участвовал целый ряд организаций, а наша лаборатория Института физики металлов УО АН СССР является научным руководителем этой темы.
— Страна вправе ожидать от ученых открытий и изобретений, обеспечивающих подлинно революционные перемены в науке и технике. Как в связи с этим вы относитесь к вопросу о несовершенстве связей науки и производства?
— У меня давно сложилось вполне определенное мнение: необходимо так организовать наш механизм, чтобы промышленность и все отрасли народного хозяйства «ухватывали на лету» каждое научное достижение, которое полезно делу. Главный рычаг — материальная заинтересованность в повышении эффективности производства. Нужно, чтобы предприятию и всему его персоналу было очень выгодно работать хорошо и очень невыгодно работать плохо.
Правильно и четко этот вопрос был поставлен М. С. Горбачевым в Политическом докладе XXVII съезду партии. Он говорил о том, что размер фонда заработной платы предприятия нужно непосредственно увязать с доходами от реализации его продукции. Потому что это поможет исключить производство и поставку ненужных, низкокачественных изделий. И вот это положение, по-моему, непосредственно касается взаимодействия науки и техники. Только тогда это взаимодействие будет плодотворным, когда предприятию выгодны достижения науки.
— Что необходимо для сбалансированного планирования приоритетных направлений научно-технического прогресса? Достаточно ли эффективна координация усилий академической, отраслевой и вузовской науки?
— Планирование и координация — это очень трудные вопросы. Планирование фундаментальных наук, на мой взгляд, вообще невозможно. Кто мог запланировать, например, открытие рентгеновских лучей или полупроводниковых устройств для электроники или открытие нейтронов?
— Их, так сказать, жизнь спланировала...
— Согласен: их планирует научная жизнь. Что касается направлений технических разработок, то здесь планирование и координация деятельности разных учреждений возможны, но трудности колоссальные. Известно, скажем, что магнетитовые руды во всем мире, образно говоря, «съедены». В Советском Союзе они расположены на больших глубинах, добыча их стоит очень дорого.

В то же время у нас под ногами, в частности на Урале, лежат миллиарды тонн слабомагнитных руд. Встает, как видите, острая необходимость скоординировать усилия многих организаций, чтобы сообща выработать методы обогащения слабомагнитных руд. В случае успеха эффект будет колоссальный и, добавлю, вознаграждение должно быть очень солидным, которое должно пойти на расширение научной базы, повышение зарплаты, на социально-культурное строительство.

— Какие черты характера вы считаете главными, важными для ученого во все времена и сегодня?

— Во все времена? Увлеченность и любознательность. Любознательность должна быть неистовой. Ученый, по-моему, должен хотеть знать все. И только разумной силой воли он должен ставить себя в какие-то жесткие рамки, поскольку нельзя объять необъятное.

И еще мне кажется, обязательной чертой продуктивного ученого должна быть жизнерадостность. Возможно, я ошибаюсь, но пессимист, человек с мрачными взглядами на жизнь, ученым быть не может. Во всяком случае, те блестящие деятели науки, с которыми мне приходилось встречаться, были очень жизнерадостными людьми.

Это то, что является важным для ученого во все времена. А в наше время? Я бы добавил: нужно желание и умение работать в коллективе, потому что ныне один в поле науки — не воин. И стремление сочетать чисто научный поиск с интересами и нуждами техники, народного хозяйства страны.

— Какие черты молодого поколения ученых вам импонируют, а какие не нравятся?

— Подавляющее большинство молодых людей, с которыми мне приходилось и приходится встречаться сейчас,— превосходные работники, увлеченные, способные. Кстати сказать, я всегда стараюсь различить людей, которые талантливо работают карандашом на бумаге, и людей, которые талантливо работают паяльником, я имею в виду теоретиков и экспериментаторов. С одинаковым уважением относясь к тем и к другим, я всегда стараюсь определить с самого начала наиболее оптимальное направление их деятельности. Мне нравится их критическое отношение к современному состоянию науки, их смелость в научных и научно-технических дискуссиях, отсутствие подобострастия к авторитетам.

— Павел Акимович, если подытожить разговор и спросить: что удалось вам, что не удалось? Ведь о чем-то вы мечтали, о чем-то вы и сейчас мечтаете? Через какие трудности и испытания пришлось вам пройти на пути к поставленной цели?

— В юности у меня были мечты. Одна мечта (она и до сих пор остается) — разработать лабораторный метод получения шаровой молнии.
Дело в том, что мы сейчас относительно хорошо понимаем сложнейшие процессы, происходящие внутри атомного ядра, сложнейшие процессы, происходящие в глубинах Вселенной, черные дыры, нейтронные звезды, рождение Вселенной из какого-то одного центра. Все это области либо бесконечно удаленные от нас на гигантские расстояния и в пространстве и во времени, либо сосредоточенные в областях неимоверно малых, как-то: элементарные частицы. И в то же время, как ни парадоксально, мы мало знаем об эффекте шаровой молнии — что это такое и как она образуется. И я всю жизнь мечтал заняться работой по искусственному созданию шаровой молнии. Увы, я так и не успел.
Были и другие нереализованные намерения. Однако особой драмы для меня в этом нет, потому что параллельно шла работа над решением других задач, которая в большинстве случаев удалась. Выделю два момента, запомнившиеся очень ярко.
Перед войною я со своими сотрудниками занимался разработкой дефектоскопов для контроля железнодорожных рельсов. Эта работа была закончена после войны Вениамином Васильевичем Власовым — сотрудником нашего института. Дефектоскопы в то время представляли собой дрезины, которые передвигаются по железнодорожному полотну с большой скоростью. И вот однажды мы расшифровали записи нашего дефектоскопа и отправились пешком, чтобы осмотреть рельсы в тех местах, где дефектоскоп дал сигналы. Осмотр рельса показал поперечную трещину, мало того, на расстоянии полуметра от нее была вторая. Страшное дело! Этот кусок рельса мог вывалиться под первым проходящим поездом.
И тут мы действительно услышали шум подходящего поезда. Самого молодого парня послали вперед, чтобы задержал состав. Поезд был товарный, груженный рудой, на участке между станциями Карталы и Магнитогорск. Машинист снизил скорость до скорости пешехода и заявил, что не будет останавливаться, а пройдет этот участок с самой малой скоростью. Так он и сделал. Все вздохнули облегченно. Была вызвана железнодорожная бригада. Когда поврежденный рельс сбрасывали в кювет, он сломался на три части... Ныне Министерство путей сообщения располагает десятками вагонов-дефектоскопов, которые контролируют всю железнодорожную сеть страны. Можно представить, какое количество человеческих жизней, груза спасено ими.

Другой пример. Во время Великой Отечественной войны я разрабатывал аппарат для поиска затонувших кораблей. Морской катер-охотник, оборудованный для поиска, отправился в район портов, где, по слухам, немцы потопили подводную лодку. Уже через семь минут прибор, установленный на катере, дал сигнал о какой-то массе, находящейся на дне. Именно здесь водолазы и обнаружили подводную лодку.

— Павел Акимович, вы не были участником Великой Отечественной войны, но были участником парада в честь сорокалетия Победы над фашистской Германией. Согласитесь, случай редкий.

— Совершенно верно. Мне была оказана такая честь. Прибыв в Москву, я узнал, что предстоит репетиция. Вначале меня это очень удивило. Зачем нужно вывозить людей на Ходынское поле, выстраивать, командовать ими. Потом оказалось, что это совершенно необходимо. Парад — не демонстрация. Впереди и позади нас должны идти воинские части. Следовательно, мы, гражданские, должны пройти по площади с той же четкостью и выправкой.

...Интересно было наблюдать за участниками парада. В основном это, конечно, солдаты и офицеры, но были герои тыла, которые ковали победу на фабриках, заводах, шахтах, в госпиталях, в научных учреждениях. Довелось видеть такую картину: в подъезд гостиницы, где все мы жили, заходит небольшая, слегка сутулая женщина. Очень пожилая, можно даже сказать старенькая, скромно одетая. Сняла пальто, и оказалось, вся грудь у нее увешана орденами. Герой Советского Союза...

Трудно передать те чувства, которые овладевали нами, когда мы в день праздника 40-летия Победы проходили мимо Мавзолея. Этот день никогда не забудется. На парад я пришел, надев орден Красной Звезды, орден Трудового Красного Знамени, медали.

— Если у вас выдается свободное время, чем оно занято?

— В не очень далеком прошлом я отдавал свободное время музыке и шахматам. В шахматы играю очень слабо, но люблю. Что касается музыки, то играл когда-то неплохо на рояле, и любовь эта сохранилась до сегодняшнего дня, хотя к роялю сейчас подхожу очень редко.

— Если бы вам пришлось ответить на вопрос, в чем вы видите главный смысл прожитых лет, как бы вы кратко сформулировали это?

— Я бы сформулировал его просто: сделал кое-что полезное для страны, но сделал много меньше, чем хотелось бы.

— Что бы вы хотели сказать в заключение?

— Всеми нами сейчас владеет одно желание, одно

стремление — избежать ядерной катастрофы. Мне приходится читать немало литературы в этой отрасли, литературы специальной. Может быть, поэтому я и многие другие научные работники ярче представляем, что такое ядерная катастрофа. И вот самое большое желание — найти способы предотвращения этого ада, который может кончиться гибелью человечества.

Его Гренада...

Кажется, сама история повторяется в биографиях наших современников. Высоким сознанием своего интернационального долга они сродни героям светловской «Гренады». Так думал я в ожидании молодого солдата-уральца, только что вернувшегося с войны. Вспомнился «Испанский дневник» Михаила Кольцова, полный нежной любви к Родине и ненависти к фашизму. Вспомнились ставшие песней стихи Михаила Светлова...

Я хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...

Каков он, Александр Лопаев? Что определяет лицо, нравственный портрет современного советского воина? В чем истоки его готовности к подвигу, защите революции в соседней стране? Юноше, оказавшемуся в условиях необъявленной войны в Афганистане, пришлось проявить высокую гражданскую ответственность. В боевых условиях проходил и с честью выдержал свой стаж кандидата в члены партии Александр.

И вот он вошел. Чуть застенчивый, но рукопожатие по-мужски крепкое. Первый вопрос к нему: думал ли он, что доведется служить в Афганистане?

— Думал, потому что морально давно готовился к армии и вообще считал себя уже вполне взрослым. Правда, когда из Кабула на Урал вернулся парень, с которым мы учились, мне показалось, что мы против него дети. На вопрос, как там, отвечал:

«Попадете — узнаете. Одно могу сказать — тяжело. Готовьте себя, ребята...»

Был тогда у нас в железнодорожном техникуме военрук Михаил Адамович Обухович. Ему я и многие мои товарищи обязаны тем, что позже попали в воздушно-десантные войска. Помогли занятия парашютным спортом. После теоретического курса и сдачи экзаменов мы поехали на аэродром. До этого, честно признаться, прыжки я видел только по телевизору. Но я себя успокаивал просто: девушки прыгают, неужели я спасую? Когда уже пришло время взлета, совершенно не к месту подумалось: а ведь я первый раз в жизни сажусь в самолет. Может быть,

земля из космоса и кажется голубой, но мне было не до красоты. Некогда любоваться, да и волновался очень. Вот уже сигнал: «Приготовиться!» Мы встали у открытой двери. Высота 950 метров. Прыгнул. Считаю: 224, 225, 226. Что такое? Прибор не срабатывает. Снова считаю, и только тогда раскрылся купол.

— Неполадка?

— Нет, все было в порядке. Просто в воздухе кажется, что считаешь медленно, а на самом деле, если записать себя на магнитофон, то «строчишь», как из пулемета. Сначала земля кажется ой как далеко. Потом петь хотелось от радости, от счастья. Вот он, первый прыжок! Приземлился благополучно, собрал парашют и, счастливый, отправился на сборный пункт. Прыжки продолжались до самого призыва в армию. Повестка застала меня, можно сказать, в пути. После техникума я работал помощником машиниста. Это бабушке спасибо. В детстве я с наступлением лета ездил к ней в Воронежскую область. Жила она на самом краю деревни, в маленьком домике у самой железной дороги. Днем и ночью мимо низких окошек проносились поезда. Бабушка к стуку колес привыкла и шума не замечала, а я, как услышу дальний гудок, так — во двор. Очень завидовал людям в кабинах локомотивов. Такая интересная профессия! И так мне это с детства запало в душу, что я мечтал быстрее вырасти и поехать впереди состава. Когда закончил восемь классов, не раздумывая, поступил в железнодорожный техникум.

— Что из доармейской жизни особенно помогло на службе? Как прошли первые ее дни?

— Поначалу все было, как у всех: нас увезли на сборный пункт. На другой день прибыли бывалые десантники. Мы сразу к ним — расспрашивать. Оказалось, что они в Афганистане. Так я узнал, где предстоит служить. Буквально через час нас построили на плацу. Зачитали списки. Я, как и мечтал, попал в воздушно-десантные войска. Утром мы уже были в Кабуле. На аэродром пришли командиры подразделений и начали отбирать ребят. Я, наверное, ростом приглянулся командиру разведроты. Привели нас в подразделение и сразу же к турнику.

Тут надо сделать отступление. Школа наша в Свердловске находилась рядом со стадионом «Калининец», и я увлекался лыжами (имел первый юношеский разряд) и боксом (выступал на первенстве города, занял третье место). Ну, а турник я тоже очень любил, делал до пятнадцати подъемов, переворотов, подтягивался много. Для меня это труда не составило. Делал упражнения до тех пор, пока командир роты не сказал: «Хватит, годишься»

Ребята очень хорошие попались. Мы сразу же сдружились. Тут я понял, что услышанное дома об Афганистане отличается от того, что там действительно происходит: одно упрощено, другое преувеличено.
Помню, пришли в «курилку» ребята, которые уже прослужили в Афганистане по году, по полгода, и стали нам рассказывать о себе. Главное, не волнуйтесь, говорят. Мы такие же сюда прилетели. Не беспокойтесь. Всему вас научат. И действительно, был у нас замкомвзвода сержант Андрей Шоков из Белгорода. Я очень ему благодарен. Он сделал из меня разведчика. Когда мы начали ходить в горы, он учил: первая заповедь — пей меньше воды, когда идешь в горы. Показывал, как двигаться, если гора крутая. Тем более у тебя за спиной около 30—40 килограммов. Объяснял, как укрываться, маскироваться. Я как бы заново прошел курс молодого бойца, только в условиях высокогорья, в боевых условиях.

— Какие эпизоды в своей боевой биографии вы можете выделить особо?

— В апреле я прилетел, а в июне уже был включен в группу, которая выполняла боевое задание. И это продолжалось в течение полутора лет. Участвовал в нескольких боевых действиях.

В один из дней по горной дороге шла колонна афганских машин — чехословацкие наливные «Татры». Везли дизельное топливо, попросту говоря, солярку. И вот, когда они вошли в зеленую зону, душманы подбили первую и последнюю машины. Колонна застопорилась.
Сигнал о помощи афганским друзьям мы получили по рации, и рота поднялась по тревоге. Это было вечером. Летим мы на большой скорости. И, хотя смеркалось уже, видим за горой зарево огня. Не успели подъехать к колонне, нас начали обстреливать душманы. Мы открыли бойницы и повели ответный огонь. Грохот. Едкий дым. Свист пуль. Сознаешь, что стреляют в тебя, и сам стреляешь в контрреволюционеров. Наш бронетранспортер с ходу столкнул с дороги подбитую горевшую машину, чтобы освободить путь остальным. А мы тремя «БТРами» прикрывали их отход до тех пор, пока колонна не вышла из зоны обстрела.
Такие выезды продолжались на протяжении всей моей службы. Наши ребята помогали афганским товарищам в трудных ситуациях. В этом мы видели свой интернациональный долг. Там, вдали от Родины, я в первый раз увидел (не в кино) тех людей, которые хотят погубить дружественную страну, как когда-то враги нашей революции стремились задушить молодую Советскую Республику.

Впервые увидел в бою винтовку «бур». Это страшное оружие. Когда пуля ее попадает в скалу, глыба выворачивается. Не раз на захваченных складах душманов мы находили боеприпасы, крупнокалиберные пулеметы, продовольствие, которое присылают контрреволюционерам из-за рубежа враги афганской революции. Однажды мы попали в окружение. Нас было несколько человек, а во вражеской группировке — около 350. Мы вели бой с пяти утра и до четырех дня. Практически одиннадцать часов непрерывно. Патроны были на исходе, и нам с вертолета сбросили их на парашюте. Появились и первые раненые.
Командир роты образовал группу, которая должна была отнести раненых в долину. Мне приказали пойти на прикрытие. И я прикрывал своих товарищей из пулемета, пока они не спустились в долину, пока не прилетел за ними вертолет. Тяжело пришлось тогда. Рядом, буквально в сантиметрах, свистели пули. Делал перебежки, различные перекаты. К счастью, никого из наших товарищей не задело, а душманам я даже головы не дал поднять. Потом мы вместе вернулись обратно на гору, где находилось все подразделение, и оборонялись около двух часов. Это был самый сложный бой. Он закалил меня. За успешное прикрытие товарищей к Новому году получил свою первую боевую награду — медаль «За отвагу».
В ходе службы наше подразделение не раз сопровождало по горам вдоль ущелья афганские колонны машин. Бои были длительными. А за день проходили около 15 километров. Это по нашей местности немного, а там горы, ущелья. Условия боевые. Жара доходила до 50 градусов. В эту жару в касках, в бронежилетах — можете себе представить? Естественно, что все время взаимодействовали с частями афганской народной армии. Несколько раз вместе участвовали в боевых действиях. Рота афганцев и наше отделение. Никогда не было никаких разногласий, полное взаимодействие. Конечно, им еще учиться и учиться надо. Смотришь иногда, идут они отнюдь не по-военному — всем скопом. Но ничего, это дело наживное. Хорошо помню такой эпизод. Мы только спустились с гор, не успели даже пообедать, как понадобилось спешить на помощь афганскому подразделению, которое «зажали» душманы. Кто успел что-то себе положить в ранец, кто нет — и сразу на выручку. С боем прорвали кольцо и соединились с афганскими солдатами. Двое суток находились бок о бок. Продовольствия у нас не было, и они с удовольствием делились с нами, чем могли.

Когда возвращались, у нас были сухари, консервы, которые остались от того «обеда». Подъезжаем к Кабулу, видим: бегут дети и кричат что-то. Проскальзывают и русские слова. Понял, что просят есть. Все, что у нас оставалось, отдали. Даже в дальних уголках страны местное население знает, что русский солдат — это свой. Конечно, западная пропаганда, различные радиоголоса делают свое грязное дело. Случалось видеть и недобрые взгляды. Значит, тут побывали «инструкторы» из западных стран, поработала на афганском языке радиостанция «Голос Америки». Мы не раз вместе с нашими друзьями задерживали агентов и обезвреживали их. Мы помогали не только афганской армии, но и мирному населению. Ездили собирать виноград. В Джалалабаде убирали урожай цитрусовых. Оказывали населению медицинскую помощь. В дальних кишлаках люди тянулись к нам, видя, что мы действительно помогаем во всем. Доверие афганского народа к нашему народу, к нашим ребятам, которые сейчас там служат, растет.

— Связь с родиной, домом была постоянной?

— Очень много газет к нам приходило: и центральных, и из Узбекистана... Все новости уральские мы узнавали от своих родных. Как Свердловск наш строится, разрастается. Я уходил в армию из одной квартиры, а пришел в новую: родители получили трехкомнатную. Я вернулся в свой родной Свердловск, прослужив ровно 18 месяцев — день в день. Из Кабула по-парадному одетыми отправили нас самолетом в Ташкент, и уже оттуда каждый добирался домой сам. В Ташкенте у меня родная тетя живет. Вы бы знали, как она обрадовалась, увидев меня живым, невредимым, с медалью. Всех моих восемь товарищей, как детей своих, усадила за стол.

Дома оказался через два дня. Октябрьские заморозки были, а я без шинели, но, поверьте, даже этот холод был родным. Прилетел ночью. Никто не встречал. Родители не ожидали, что я именно в этот день вернусь. Кое-как нашел свой дом, потому что этот район Уралмаша очень изменился. Старые-то дома все посносили. Сейчас новые дома 9-этажные, 14-этажные построены на улицах Ильича и Стахановской.

Поднялся пешком на пятый этаж, хоть лифт работал. Позвонил. Наверное, минуты две ждал, пока мне откроют, а показалось — много дольше. Ну, потом, когда открыли, мама в слезы, конечно.

Месяц обходил друзей, одноклассников. Каждый спрашивал, как и что. Всем нужно было ответить, рассказать. Людей понять можно, ведь из туристической поездки приезжают — и то сколько впечатлений.

В апреле 1984 года в составе делегации уральцев побывал у пограничников Дальнего Востока, на заставах. Меня просили рассказать о службе в Афганистане, а по возвращении домой пригласили в клуб военно-патриотического воспитания машиностроительного завода имени Калинина, который возглавляет бывший фронтовик Владимир Аронович Песин. Выступал в своем техникуме, в школах, воинских частях, а летом работал в оборонно-спортивном лагере «Молодой калининец».

В первый раз командовал целым взводом будущих солдат. Это большая ответственность: нужно ребят морально и физически подготовить к службе в армии. На своем опыте убедился, как это важно. И для закалки характера, и для выполнения гражданского долга.

Сегодня многие ребята из моего взвода служат в армии, пишут мне, благодарят наш клуб. Им сейчас гораздо легче служится, чем другим. Летом снова поеду в оборонно-спортивный лагерь «Молодой калининец» учить тому, что сам прошел в армии.

Сейчас слежу за событиями в Афганистане. Наши друзья окрепли в борьбе с контрреволюцией. Справедливая национально-освободительная борьба удесятеряет силы народа. Шесть наших полков вернулись домой, но необъявленная война продолжается, и наша помощь нужна. Афганская армия воюет, набирается опыта, как наша Красная Армия в первые годы после Октябрьской революции.

А. Пашков
ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Дело доктора Бызова

Борис Иванович открыл форточку, и свежий воздух ворвался в кабинет, вытесняя запахи больницы. Весенний воздух бодрит, снимает накопившуюся за зиму усталость. Шестьдесят третья весна у хирурга из Сысерти Б. И. Бызова. Время, говорят, подводить итоги. Но не получается победный рапорт самому себе. Вот они, письма, рождающие чувство неудовлетворенности. Письма, идущие со всей страны, из-за рубежа. Смысл их один: «Помогите...»

«Урал. Сысерть. Бызову». Телеграмма из Болгарии со столь лаконичным адресом все-таки нашла сысертского хирурга. Нашла, потому что есть такое прекрасное чувство — сострадание. Не могли допустить связисты, чтобы мольба о помощи затерялась в паутине телеграфных проводов. Вот сама помощь...

Борис Иванович Бызов, вздохнув, отложил телеграмму туда, где уже скопились тысячи подобных. Всю свою корреспонденцию он аккуратно раскладывает по папкам. В одну — письма тех, кому нужно помочь в первую очередь. В другую — кому, к сожалению, придется ждать очень долго. В третью — кому уже вряд ли поможешь... Последние письма особенно заставляют сжиматься сердце главного врача сысертского санатория «Урал», автора аппарата, помогающего поставить на ноги людей с тяжелыми заболеваниями позвоночника.

Обращаются люди, на долгие годы прикованные к постели тяжелейшим недугом — травмой позвоночника. Пишут и коллеги-хирурги, просят поделиться опытом, прислать «аппарат Бызова». Об уникальных операциях сысертского хирурга люди узнали из публикаций центральной прессы. После этих же публикаций сюда, в небольшой уральский городок, приезжало немало компетентных комиссий. «Конструкция, предложенная Бызовым, является принципиально новым медико-техническим решением лечения тяжелой травмы позвоночника... Это можно расценивать как новое крупное достижение советской медицины»,— писала в своем заключении одна из таких комиссий под руководством главного травматолога-ортопеда Минздрава СССР профессора В. Кузьменко. После визита директора Центрального института туберкулеза А. Приймака (санаторий «Урал», который возглавляет Бызов,— туберкулезного профиля) оперировать с применением аппарата начали в Москве. Хирург института В. Лавров защищает по этой теме докторскую диссертацию.

Долгие годы боролся Бызов за реализацию своей идеи, за то, чтобы дело его вышло за рамки небольшого

города, боролся со всеми, кто упорно не желает организовать хотя бы специальное отделение и наладить выпуск созданных им аппаратов.

— Бызов выскочка. Вместо того чтобы печататься в серьезных научных изданиях, не спеша опробовать свой метод, он бежит за помощью в газеты, пробивает свои идеи, словно открыл нечто новое,— говорили мне в Свердловском институте травматологии и ортопедии.

Нет нового — таково было главное обвинение, выдвинутое против сысертского хирурга. Действительно, Борис Иванович говорит, что начинал не на пустом месте. Идея освободить больного с травмированным позвоночником от лубков, гипса, различных неудобных приспособлений, которыми пользовались еще во времена Римской империи, буквально носилась в воздухе. Но у всех предшествующих аппаратов был существенный недостаток — громоздкость и сложность применения в обычных условиях. Над этим размышлял Бызов пристально, упорно, сутками. И настал такой день, когда он увидел решение. Хищные птицы легко хватают и удерживают самую тяжелую и неудобную для подъема добычу. Их когти имеют форму полуокружностей, захватов. Значит, можно сделать легкий, удобный аппарат: мощные иглы-когти, вращающиеся по окружности. Они захватывают позвонки, а специальными винтами хирург постепенно добивается выпрямления позвоночника. Удаляются поврежденные позвонки, и конструкция способствует соединению здоровых. Больной может спать на боку и на животе...

Решение оказалось настолько простым, что Бызов удивился, почему не пришло это в голову другим. Для страховки просмотрел еще раз литературу — не изобрел ли велосипед? Нет, все нормально. Составляя заявку на авторское свидетельство, Бызову было необходимо найти «печку», от которой нужно танцевать, доказывая преимущества своего изобретения. Таков порядок.

Борис Иванович опасно созорничал: взял за «печку» аппарат тогдашнего директора Центрального института травматологии и ортопедии академика АМН СССР М. Волкова, известного своей борьбой с методом Илизарова. Хирург-практик сразу понял, что аппарат М. Волкова и А. Оганесяна не применим на практике. Это и было доказано в его заявке.

При оформлении заявки Бызов впервые почувствовал, что спокойной жизни у него не будет. И помощи сверху лучше не ждать. Уверенность эта появилась после долгих бесплодных хождений по кабинетам в областном совете ВОИР, где должны были оказать помощь начинающему изобретателю. И тогда кто-то из родственников, узнав о его мытарствах, посоветовал обратиться к Леониду Александровичу

Кутаркину, возглавлявшему тогда патентно-конструкторскую группу отделения буровых установок на Уралмаше.
— Увлек меня Бызов,— вспоминает он сегодня.— Увлек своими переживаниями за людей, которые попали в беду. Мы оба фронтовики, а фронтовое братство не пустой звук. Кутаркин в то время лечился в заводском профилактории, и хирург ездил к нему. Там и прошел ликбез нового для себя дела — технического творчества.
Да, Борис Иванович умеет убедить, насколько важно то дело, которым он занимается.
А боль приходится испытывать постоянно. Умирала молодая женщина Людмила Л. ...В автомобильной катастрофе повредила позвоночник, традиционное хирургическое вмешательство не помогло. Мучилась ужасно. Муж в отчаянии помчался за тысячу километров на Украину, привез мешок проса, которое на Урале не растет: кто-то сказал, что на просе человеку с поврежденным позвоночником легче лежать. Добывал лекарства, привозил врачей. А помочь было нельзя. Как хирург Бызов понимал это, а как человек смириться не мог. Бессилие угнетало, возмущало — на глазах из жизни уходил человек, оставляя сиротами двух детей. Да разве только эта женщина! Молодость неосторожна: прыжок в воду в незнакомом месте, быстрая езда на автомобиле...
Борис Иванович изучил статистику, и она подтвердила его личное наблюдение: большая часть парализованных — молодые люди в возрасте от 20 до 30 лет. Томительные годы в бездействии, без надежды.
В это время приезжал в Сысерть тогда никому еще не известный Г. Илизаров. Коллеги-недруги шутили: «Слесарь от медицины». Насмешки мешали, но не останавливали, Илизаров доказывал свою правоту делом. Газеты писали о докторе Федорове.
В медицину рвались вот такие люди — ломающие привычные представления о лечении, о болезнях, о развитии медицинской науки. Они твердо верили, что передовая линия науки проходит не по принципу территориальному — столица, областной центр, а там, где есть мыслящие, энергичные люди, идущие в своих идеях от жизни, ее потребностей. Бызов не раздумывая вступил в эту борьбу.
Нет, он не писал в газеты, как утверждали злопыхатели. Получив свидетельство на изобретение, он обратился за помощью в Свердловский институт травматологии и ортопедии, в Свердловский облздравотдел, написал серьезную статью в солидный журнал. Ведь свидетельство — это только бумага, а нужен сам аппарат. И с огорчением еще раз убедился, что единомышленников надо искать в другом месте.

— Лет двадцать назад я попал к Бызову с подозрением на травму позвоночника. Тревога оказалась ложной, а вот с человеком познакомился прекрасным,— рассказывает Владимир Львович Лифшиц, бывший тогда директором Уралгидромаша, крупнейшего предприятия в Сысерти.— Чего он только в своей больнице не придумал: вертикальную ванну-баню, передвижную кровать, воспроизвел аппараты Илизарова. Поэтому когда пришел ко мне за помощью, я твердо знал: не для диссертации человек старается, для людей.

...Позвали опытнейшего слесаря Григория Васильевича Ошкордина. Спросили:

— Сложно, Василич?

Внимательно вгляделся тот в чертеж, уточнил, для чего все это нужно, сказал:

— Не сложнее, чем людям живым мучиться. Только вот металл нужен легкий — титан...

Уральские мастера разработали оснастку, выточили на станке «орлиные» когти. Начальник инструментального цеха Л. Леканов, начальник конструкторского бюро Г. Захаров, конструктор В. Яковлев и многие-многие другие безвозмездно, частенько в свободное от работы время, создавали новый аппарат. Но сменился директор, стало сложно с планом, и «самодеятельность» прикрыли. Нашелся, однако, другой завод — помог бывший тогда заместителем облздравотдела А. Блохин. Но титана на том предприятии не было. Взял хирург рюкзак и поехал километров за двести, где на одном заводе пообещали дать нужный металл из отходов. Обойдемся без фамилий и адресов: нелегко делать доброе дело. С миру по нитке — аппараты родились на свет. А вместе с ними родилась надежда на выздоровление у многих людей. Я беседовал с одним из первых пациентов — Ниной Андреевной Родионовой. Трудно поверить, что двадцать лет назад эта энергичная, веселая женщина была полностью парализована, долгие годы пролежала в гипсовом корсете. В Сысерти вернули ее к жизни, семье, детям.

— Забыла, что такое инвалидность, катаюсь на лыжах, хожу за грибами, ягодами. Встречаемся с моей соседкой по палате Ниной Константиновной Грингерш. Тоже ведь ходить не могла, а сейчас даже работает.

Странная получается ситуация: долгие годы хирург из небольшого города на собственный страх и риск пробивает прогрессивный метод лечения. Ему помогают все, но только не те, кто должен заниматься этим по должности. Словно не было печального опыта Илизарова, Федорова и многих других врачей, десятилетия потративших на то, чтобы сломать косность существующей системы внедрения. Целый институт упорно отмахивался от метода, сулящего —

и доказавшего это — огромный социальный и экономический эффект. Свердловский облздравотдел, несмотря на решение облисполкома оказать помощь сысертскому хирургу, долгое время равнодушно взирал на его проблемы, будто эти проблемы — частное дело Бызова. Бывший тогда первым заместителем министра Минздрава СССР А. Сафонов рассказывал мне, что только благодаря его личным связям один московский завод взялся за изготовление нескольких аппаратов. Власть употребить, оказывается, и он не мог. Говорят, чтобы недостатки были устранены, надо, чтобы они кому-нибудь помешали. Но органам здравоохранения эти недостатки не мешают. Они благополучно выполняют план по койко-дням, внедряют планы по новой технике, защищают кандидатские и докторские — все идет своим чередом.

В таком размеренном движении не могут участвовать лишь создатели нового. Они не укладываются в привычные рамки, в существующий порядок, заведенный в здравоохранении. Отсюда — конфликты.

— Происходит это, на мой взгляд, потому, что у нас практически отсутствует система финансирования медицины по качеству и количеству вылеченных больных, то есть мы утратили ориентир на главную цель здравоохранения,— считает профессор С. Федоров.— Внедрение нового нередко основано у нас на энтузиазме отдельных новаторов, которые чаще всего с огромным трудом пробивают свои идеи, иногда тратя десятилетия... Как ни парадоксально, но организаторы нашей медицины, за малым исключением, не заинтересованы в развитии и применении новых методов лечения. Новое для них — лишняя обуза.

Поэтому и не создается у нас четкой системы внедрения нового, поэтому все жалобы на «недостаток сил», которые приходится слышать в Минздраве СССР,— это следствие прежде всего их собственной безынициативности.

Естественно, что Бызова как главного врача санатория «Урал» обвиняют в невыполнении плана по койко-дням. Верно: применение прогрессивных методов лечения позволяет сокращать пребывание больного в больнице на 4—6 месяцев, причем многие больные выходят оттуда трудоспособными. Санаторий, естественно, не уложился в те показатели, по которым оценивается деятельность здравоохранения.

Симптоматично, что три центральные газеты выступили в защиту Бызова, но районный комитет народного контроля не «заметил» этого, зато, получив анонимку на Бызова, не попытался разобраться, в чем дело, а среагировал моментально, словно только ее и ждал... Отчитали врача как мальчишку.

...Побывал я недавно в Кургане в илизаровском центре.

Да, хорошее дело не погибает. Но разве это оправдывает тех, кто такому делу мешает стать на ноги? По-хозяйски поступили курганцы, поддержав знаменитого на весь мир хирурга. Его центр — слава города, области...
А в Сысерти, встретив меня, председатель райисполкома В. Носов все сокрушался о том, что Бызов не дает спокойно жить...
Тогда помощи Бызов так и не дождался. «Словно опять коврик в рояль положили»,— сказал Борис Иванович. Признаться, я вначале не понял, что хотел сказать хирург, а потом узнал об истории, о которой до сих пор помнят в семье Бызовых. Дело в том, что двое сыновей, дочь, жена и сам Борис Иванович играют на разных инструментах, и их частенько приглашают выступать на концертах, творческих конкурсах. Так вот, один из них должен был состояться в Свердловске. Музыкальная семья выходила, так сказать, на областную сцену. Готовились серьезно, волновались.
И вот встреча со слушателями. Глава семьи сидел за роялем. Руки привычно разбежались по черно-белому полю. Тишина. Старший сын, который вел свою партию на баяне, удивленно посмотрел на отца. А тот, как в немом кино, бесполезно стучал по клавишам. С грехом пополам выступление закончили. Подняли крышку инструмента и увидели коврик, который кто-то положил туда, чтобы заглушить звуки, пошутить над исполнителями из провинции.
Эпизод этот не случайно припомнился хирургу, когда он стал узнавать, как продвигается дело с внедрением аппарата. Тяжело шло пробивание аппарата. Но шло. В Москве, Свердловске, области находились помощники. Энтузиаст не останется в одиночестве, если он печется не о себе, а о деле. За него дело агитирует, ибо оно нужно людям. Поток писем в санаторий «Урал» не иссякал. Больные стали обращаться в Минздрав СССР, в областной здравотдел, который возглавил сторонник применения аппарата Бызова А. Блохин. Сменился и директор Свердловского института травматологии и ортопедии. Пришел на это место человек, который также в свое время поддерживал Бызова.
Те благотворные изменения, которые начались в стране после апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда партии, коснулись и лично судьбы Бориса Ивановича. С новыми людьми стало легче воевать за аппарат, за новый метод лечения.
С должности главного врача он ушел, чтобы больше заниматься практической работой, полнее реализовать новые идеи, возникшие по поводу аппарата. В Свердловске наконец поставили вопрос о создании спинального центра, экспериментальной лаборатории, задумались о расширении работ, начатых сысертским хирургом.

Что ж, мажорное окончание сложной, трудной истории? До окончания, наверное, еще далеко. На пути «дела Бызова» еще немало сложностей организационного и психологического плана. Важно, что наметился перелом, что «глухой коврик» сдвинут наконец в сторону... А хирург пробивает сегодня новое изобретение. Тяжелобольному человеку не нужна будет сиделка для передвижения по палате, для изменения положения своего тела. Таких кроватей в мире нет — это подтверждено соответствующими документами. ...Поистине неисправимый человек Борис Иванович!

Сверху и снизу

по-разному видится старый уральский завод с высот технического прогресса и из ведомственных кабинетов

В живописной котловине между горами Аптечная и Кабацкая раскинулся старейший на Урале Нижнесергинский металлургический завод. Двести с лишним лет назад на землях, купленных у башкир, построил Демидов чугуноплавильный и железоделательный завод, знаменитый впоследствии тем, что на нем впервые в России зажглись мартеновские печи, закружились под действием паровой машины прокатные валки, по которым бежало кровельное и листовое железо, одно из лучших в те времена. Среди городов Урала уступали Нижние Серги лишь Екатеринбургу.

Но время шло. Если взглянуть на город сегодня хотя бы с той же горы Аптечной, покажется он совсем небольшим. Стоят, зажатые между горами и вытянутым, в форме запятой, прудом, уже никого не впечатляя, знаменитые когда-то корпуса мартенов да прокатного стана. Латаные-перелатаные. И лишь радует глаз современное здание стана «250». Небольшой завод, если смотреть на него с вершины горы. Однако значение его определяется не только размером цехов и количеством административных зданий. Вот уже два с лишним века кормит он целый город, дает людям работу. Здесь учатся жить сын у отца, внук у деда. Здесь рождается то, что ни с какой горы не определишь, большое это или малое,— мастерство потомственных металлургов, которые всегда остро ощущали ритм времени, шли в ногу с ним, внедряя у себя то, что становилось достоянием уральской и русской металлургии.

— Шли в ногу, а в последние годы вроде бы как отстали,— говорил мне старейший металлург Алексей Григорьевич Трубкин.— Не манят старые стены молодых ребят. У нас на «250», как на пятачке, вся молодежь скопилась. А кто туда не успел, куда податься? Город заводом кормится — значит, прочь из города?

172 рабочих в возрасте до 30 лет пришли в 1986 году

в мартеновский цех. Ушли — 154. Увольняются специалисты: инженеры, технологи, механики, мастера. Невозможно выжать что-то из старой техники, показатели работы которой в 6 раз ниже отраслевых. В конце концов люди на работу, не в музей устраиваются. Вот и ученые подсчитали: 55 процентов составляет стабильность кадров на старых уральских заводах. Основная причина увольнения — отсутствие перспективы, отсутствие условий для повышения квалификации.
Ну, хорошо. Завод старый, разваливается. Люди не могут найти дело по душе. Так в чем вопрос? Завод закрыть, а люди работу себе найдут: Урал большой. Сказал я об этом главному энергетику завода, его старожилу Борису Николаевичу Федотову. И пожалел. Воспринял он этот вопрос как нечто кощунственное: «Сын мой тоже словечек поднабрался: «неперспективный», «рухлядь» — и уехал. А потом вернулся. Трудно без родных мест. Нас в городе вроде бы и немного, но все народ мастеровой, металлургию со всех сторон познавший. А это ведь тоже — народное богатство. Придумали какие-то мудрые головы в свое время термин — неперспективные деревни. Но жизнь доказала, что не деревни надо было «закрывать» — дороги к ним хорошие прокладывать, дома, больницы, школы строить. Потому что любовь к родной земле ничем не заменишь. Минчермет тоже хочет под «неперспективные» подвести старые заводы, которые испокон веков металлом страну кормили.
Ученые Уральского научного центра АН СССР предложили использовать те плюсы, которые имеются на Нижнесергинском заводе, и дать ему вторую жизнь. Создать здесь первый в стране мини-металлургический завод машиностроительного назначения. Решить назревшие социальные задачи завода-города, обеспечив потребности машиностроительных предприятий Уральского экономического региона в заготовках деталей машин повышенной прочности, близких по форме и размеру к готовым деталям.

Странная сложилась в народном хозяйстве ситуация. Наши металлурги варят стали больше всех в мире, получая ежедневно миллионы тонн проката, а машиностроители зачастую перекуривают из-за нехватки стали и проката. Или, наоборот, тратят время на то, чтобы из большей заготовки сделать меньшую. Противоречие, порожденное высокой степенью специализации производства: металлурги варят и прокатывают стали много, но не всегда нужного сортамента и качества, а машиностроителям как раз и не хватает этого сортамента и металла этого качества.

Противоречие пока разрешается так: сто тонн металла ежегодно перегоняется в стружку на одном лишь Уралмаше, в Свердловской области каждая тонна металла «худеет» при обработке на 216 килограммов. По стране

набегает таких отходов 9 миллионов тонн. Путешествует балласт по стране, транжирятся время, энергия, металл.

— Мы подсчитали, что мини-завод на 100 тысяч тонн, созданный на стыке этих проблем,— говорил мне автор идеи такого завода Герой Социалистического Труда, член-корреспондент АН СССР Г. Л. Химич,— только в уральском регионе будет экономить 80 тысяч тонн металла, высвободит 2230 единиц различного оборудования, 6,5 тысячи человек работающих. Ну, а Нижние Серги, если такое предприятие создать там, получат новый импульс развития.

По проекту ученых, на месте демидовского оборудования должны появиться электроплавильный цех, установка по непрерывной разливке стали, гамма прокатных станов, рассчитанная на быструю переналадку для любого профиля проката. Логично вписывается сюда стан «250». Это будет высокомеханизированное, автоматизированное, с использованием электронно-вычислительной техники производство.

Здесь будут получать то, что сегодня в основном куют, а не катают, что так необходимо машиностроителям, а у металлургов считается «мелочевкой»: валы и оси диаметром от 40 до 200 миллиметров, сортовой прокат — фасонные профили, кольца, втулки, цилиндры, диски с наружным диаметром от 20 до 1500 миллиметров, шестерни, зубчатые кольца и т. д. и т. п. Производство именно этой «мелочевки» дает массу отходов.

К примеру, Уралмашу необходима партия гаек определенного размера. Металлурги поставляют заготовку большего диаметра. В результате с каждой гайки в стружку уходит три килограмма металла. На Ашинском металлургическом заводе (не только для машиностроителей проблема) вытачивают вал-шестерню, который в поковке весил 100, а в готовом виде — 52 килограмма.

Те 100 тонн, которые будут поступать машиностроителям и на которые рассчитан мини-завод, придут в виде деталей, требующих минимум обработки. В перспективе ученые планируют модуль унифицированных изделий, который позволит отправить с завода полностью готовые детали.

Нижнесергинские металлурги, сотрудники института Уралгипромез, познакомившись с проектом ученых, «заболели» идеей, почувствовав в ней то дыхание грядущего века, которым пронизаны сегодня важнейшие документы партии. Иначе приняли идею в Минчермете СССР. Несмотря на выводы компетентной экспертной комиссии Госплана СССР, которая признала целесообразным строительство такого завода, Министерство черной металлургии заняло «особую», а проще говоря, отрицательную позицию.

Беседуя с работниками министерства о судьбе Нижнесергинского

завода, о том, каковы реальные пути претворения в жизнь идеи уральских ученых, я испытывал ощущение, что смотрю на завод с горы Аптечной: настолько убеждали меня, что взятая тема незначительна и мелка.

— В отрасли сложилось немало своих проблем, чтобы у нас болела голова о машиностроителях,— прямо сказал начальник Чермет УКС В. И. Фоминых. Поддержал его и начальник технического управления министерства В. Г. Антипин. Действительно, у кого должна болеть голова? Одним из основных условий развития научно-технического прогресса является положение, когда потребитель диктует свои условия производителю. Пока металлурги, к чему они традиционно привыкли, будут вынуждать машиностроителей брать то, что дают, а не то, что в данный момент необходимо, машиностроение будет развиваться не столь быстро, как хотелось бы.

Ученые предлагают не гнать абстрактные тонны, которые потом, в реальности, будут «доведены до ума», а работать непосредственно по заказам машиностроителей. Вопрос о Нижнесергинском заводе — вопрос принципиальный: будем ли мы по-прежнему мириться с расточительством, идя на поводу ведомственного интереса, или найдем меры кардинальные, эффективные? Что предлагают в Минчермете?

— Есть у машиностроителей небольшие прокатные станы — пусть они их и развивают,— ответил В. Г. Антипин.

Да, есть. Около 400 по всей стране. Это как раз те станы и «станики», которые вынуждены создавать у себя машиностроители, чтобы получать валы, шестерни, кольца путем литья и прокатки, а не методом ковки и обработки. Но они от нужды, от безвыходности положения. Специалисты Уралгипромеза, обследовав их, сделали выводы, вызвавшие большое неудовольствие в министерских верхах: качество проката на этих станах невысокое, что отрицательно сказывается на конечной продукции. Загружены они на 65—70 процентов.

Специалисты Уралгипромеза правильно восприняли критику в адрес ведомственной науки и постарались взглянуть на проблему не с министерского высока, а снизу, от предприятия, от людей, откуда тоже многое видно, причем в деталях и живой конкретности. Вот бы и министерству сделать то же самое!

В министерстве я услышал фразу: «Нет средств». Большая часть технической документации по мини-заводу Уралгипромез готовилась чуть ли не на общественных началах, а теперь неспешно проходит путь в министерских кабинетах. Слишком неспешно!

«Нет средств». Это сказал заместитель министра, как бы подытоживая все состоявшиеся в министерстве разговоры.

Знаменитая своей убийственно-железной логикой фраза. Нет средств — и сдается завод без очистных сооружений. Нет средств — и целый микрорайон бедствует без магазинов и объектов соцкультбыта. Нет средств — и хорошее дело, сулящее прибыль, в несколько раз большую, чем исходные затраты, гаснет на корню. Формально не придерешься. А по существу за этим аргументом порой скрывается нежелание свернуть с проторенной дорожки, нежелание напрячь ум, волю, напрячь предприимчивость, найти те средства, которые найти сегодня просто необходимо — ради пользы дела.

В министерстве я встретил директора Ашинского металлургического завода В. Шляпенкова, который с гордостью показал мне отрезок тончайшей металлической ленты:

— Вот он, деликатес для радиотехнической промышленности. Тоньше в стране не катают!

А ведь несколько лет назад завод, очень, кстати, схожий с Нижнесергинским, хотели закрыть все по той же причине: нехватки средств на его реконструкцию, которая сегодня позволила предприятию стать одним из передовых в отрасли. Никто не призывает неразумно тратить народные деньги. Но в данном случае наука, экономисты доказывают, что, не потратив их, мы потеряем во много раз больше. Ведь каждый год министерство выделяет нижнесергинцам в среднем по 3 миллиона рублей на капитальный ремонт. Деньги эти отдачи не приносят, потому что уходят на латание, на перелицовку тришкина кафтана, который высмеивают вот уже второе столетие.

Не делаю секрета из того, что подавляющая часть записанных в моем блокноте мнений, да и мое личное мнение тоже, совпадают с позицией, высказанной первым секретарем Нижнесергинского райкома партии С. М. Якимовым.

— Разговоры об отсутствии строительной базы в районе — это, извините за резкость, сказка про белого бычка. Будет сегодня решение о строительстве — будет создаваться и база. Силы и средства у нас найдутся.

Уезжал я из Нижних Серег вечером. Как раз закончилась первая смена, и люди неторопливо расходились по домам, которые, словно нашалившие ребята, разбежались вокруг завода по взгоркам. Резкие всполохи мартеновских огней сливались с теплым светом, струящимся из окон домов. Я представил, как нижнесергинцы садятся ужинать за обеденный стол, ведут неспешные разговоры, и в них, наверное, присутствует тема завода, его жизни и быта. Завод — главное в жизни города, и надо ему расти дальше. Обязательно расти.

Прошел год после той поездки. Девять месяцев потребовалось

Минчермету СССР, чтобы родить ответ из двух абзацев на мое первое выступление. Я решил познакомить с ним старейшего прокатчика завода А. Трубкина. Он определил суть двух абзацев довольно точно: отписка. Алексей Григорьевич поделился со мной соображениями по этому поводу, которые я использовал в этом очерке.
Размышления рабочего:
— После той публикации заместитель министра черной металлургии СССР А. Кугушин счел нужным передать мне через директора завода привет. Мол, знаем о ваших проблемах. Может быть, тот привет передали походя, но мы почему-то почувствовали себя именинниками. Сколько лет бились лбом в каменную стену министерского равнодушия, и вот она, первая трещинка. Ведь в последние годы эта каменная стена казалась крепче демидовской кладки, которая подпирает стены моего родного цеха. Только и слышали от молодых столичных мальчиков из министерства, изредка появляющихся на нашем горизонте, что мы неперспективные и, следовательно, никому не нужные.
— Вот видите,— сказали нашему секретарю парткома в высоком министерском здании, показав рукой за окно, где московские виртуозы вручную, повиснув в люльках, мыли швабрами окна,— люди заменяют машины. А с техникой какая бы была возня!
Секретарь намек понял, но с ним не согласился, ибо уральские металлурги быть на «подхвате» не привыкли. Личным мнением одного не особо умного человека можно было бы и пренебречь, но в простоте душевной высказалась целая позиция, с которой сегодня все мы — завод, город, страна — мириться никак не можем.
И вот из этого же высокого здания металлурги получают привет, который вселяет надежду, что поняты они наконец правильно: не нахлебниками стремятся на шею министерскому дяде, а полноправными членами металлургического коллектива страны, способными приносить пользу не числом, так умением, мастерством. Заместитель начальника цеха Николай Иванович Маклаков сказал двум сыновьям-металлургам: «Распаковывайте чемоданы, нечего искать счастья на стороне. Скоро здесь заварится большое дело». Проще стало Алексею Григорьевичу агитировать молодежь, бывая в подшефной школе,— не киснуть больше Нижним Сергам, будет где ум и силы приложить дома. Действительно, вроде как рухнула стена, и они увидели свет.
Конечно же, нижнесергинцы понимали, что внимание к ним наметилось отнюдь не случайно. О судьбе старых уральских заводов писалось немало. Как было немало и ходоков в министерство из Нижнесергинского райкома партии, от руководителей завода, от рабочего коллектива. Не очень-то

с ними считались. После апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС свежий ветер стал залетать и в министерские кабинеты. Отсюда вдруг увидели не только проценты, тонны, железо, но и людей, от которых все зависит. Заинтересованно обсуждались основные направления развития народного хозяйства на многие годы вперед. Все ждали открытия съезда с ощущением, что он даст стране ответы на самые серьезные проблемы жизни, развития общества.

Размышления рабочего:

— Могли бы в министерстве отмолчаться в это время, как делали прежде? Сделать вид, что ничего не произошло? Конечно же, нет. Как говорится, было бы это не в духе времени. Поэтому пошли приветы, приглашения в Москву, переговоры с местными руководителями.

Нижнесергинцы отряжают нескольких металлургов учиться на строителей, прикидывают, за что им взяться в первую и вторую очередь. Райком партии ведет интенсивные переговоры с Главсредуралстроем о развитии строительной базы. В Москве по поручению правительства министерство готовит документы на возведение комплекса машиностроительных заготовок ориентировочной стоимостью в 650 миллионов рублей, хотя сами заводчане вели речь всего о 120.

И вот XXVII съезд партии утверждает Основные направления экономического и социального развития страны, в которых появляется строчка и о развитии старых уральских заводов. В Политическом докладе съезду прямо говорится о том, что вдумчивого подхода требует и вопрос рационального сочетания крупных, мелких и средних предприятий. Как показывает опыт, небольшие, технически хорошо оснащенные предприятия во многих случаях имеют свои преимущества. Они могут быстрее и гибче учитывать технологические новшества, изменения спроса. Оперативнее удовлетворять нужды в мелкосерийной и штучной продукции. Лучше использовать свободные трудовые ресурсы, особенно в малых городах.

Сегодняшняя сталь Ашинского металлургического завода, без которой немыслим научно-технический прогресс, знаменитый саткинский чугун, порошковая металлургия Староуткинского завода... У каждого из этих предприятий есть своя «изюминка», без которой большая металлургия не может развиваться. А мы предпочитаем многое покупать за рубежом, потому что «деликатесная» продукция не дает вала и объемов — того, по чему в недавнем прошлом оценивалась и работа министерства. Съезд осудил валовый подход, расчистил дорогу многим прогрессивным начинаниям. Фактически рухнула стена не только для нижнесергинцев, но и для министерских работников.

Но что сделали в Минчермете после окончания работы съезда? Во-первых, подвергли резкой критике сумму стоимости комплекса. Деньги действительно непомерные, но цифра свою задачу выполнила — «прогремела» где надо. Во-вторых, срочно подыскивали аргументацию, почему в этой пятилетке Нижними Сергами заниматься недосуг. Нашли, оказывается, конкурента — Алапаевский металлургический завод. Но о нем позже. В-третьих, направили ответ на публикацию: «Выбор направления реконструкции Нижнесергинского металлургического завода достаточно сложен...

При утверждении ТЭО Минчерметом СССР совместно с Госпланом СССР будут уточнены сроки проектирования и строительства».

Куда подевалась конкретность? Где былой размах, энтузиазм, которые буквально клокотали в министерстве перед съездом? Все дело кончилось лишь тем, что ответ для солидности подписал министр С. В. Колпаков. Да А. А. Кугушин решил самолично побывать в Нижних Сергах. Опять же, так сказать, в духе времени.

Размышления рабочего:

— Замминистра как опытный специалист определил, куда можно воткнуть два небольших станика на старой площадке, подписал соответствующий документ. Но... вот уже поистине гора родила мышь — нам разъяснили, что такое решение диктуется государственной необходимостью — до 1990 года ввести экспериментальные станы, апробировать на них технологию, а там, дескать, возьмемся и за весь комплекс, но это — в перспективе.

Более сорока лет я на заводе. Сколько уже пришлось слышать такие вот разумные доводы. В 1957 году, когда впервые пытались закрыть завод, рабочие обратились в правительство, и Минчермет с большой неохотой дал разрешение пристроить к демидовским стенам современную крышу. В 1975 году вновь пытались нас «прихлопнуть». Но коллектив добился строительства небольшго стана «250». Появилась молодежь, почувствовался ее интерес к городу. Но если откровенно, то много ли изменило такое латание? Выросло лишь несколько пятиэтажек, провели канализацию, водопровод. Не мало ли для современного житья-бытья? Кугушин побывал у нас словно для «галочки». А зря. Не мешало бы потолковать с народом. Мои дети заканчивали школу с 28 сверстниками. Сегодня из них в городе осталось два человека. Приезжают к нам по распределению выпускники Уральского политехнического института. И редко кто остается, отбыв положенное время. Неинтересно им ни на заводе, ни в городе, где нет элементарного — хорошего кинотеатра, спортивных сооружений, баз отдыха и кафе. Каждый год при

распределении жилья (за пятилетку ввели один дом), мест в детские сады, путевок в пионерлагерь разгораются скандалы — людей буквально сталкивают лбами. Не лучшая основа для дружеских, нормальных отношений.
Два небольших стана за счет капитального ремонта. На пятилетку. Без жилья и соцкультбыта. Вот какая сегодня картина получается. В чем же изменилась политика министерства — брать с уральских предприятий все, ничего не давая взамен? В чем же оно перестроило свою работу? Нижнесергинцы готовы, как алапаевцы, погасить мартеновские печи и стать на время строителями. Готовы трудиться по развитию строительной базы, обучать сегодняшних школьников тем профессиям, которые станут нужны в будущем. А им говорят: потерпите, вот закончим с алапаевцами... Но ведь начавшаяся реконструкция Алапаевского завода и есть яркий пример «перестройки», которая на самом деле никакой перестройкой не является, а есть лишь привычная форма старого мышления. Долгие годы бились алапаевцы за реконструкцию. А сегодня авралом штурмуется то, что давно пора было сделать, все продумав и спланировав загодя. Опять полетят «щепки» в виде того, что мы называем соцкультбытом? Опять надеются под гром фанфар потихоньку списать свою бесхозяйственность? А следующий аврал на Нижних Сергах? Так надо понимать суть этой «перестройки»?
Та каменная стена, которая существовала между нами и министерством, под влиянием проходящей в стране перестройки начинает оседать и рушиться. Другое дело, что она, оказывается, была многим нужна. За ней было спокойно и тихо. И вот те, кому она была нужна, какое-то время отсидевшись в «окопах», начинают вновь действовать. Мы явственно видим на примере своего завода, что на месте прежней стены срочно возводится другая, из более современного «материала». Она прозрачна и не так громоздка, сквозь нее мы смотрим друг на друга, улыбаемся, говорим приятные слова, передаем друг другу приветы, но пройти сквозь эту стену не менее трудно, чем через каменную, демидовскую. Она тоже разделяет слово и дело, поступок и рассуждения о нем. Мне тоже кажется, что свою лепту в это «строительство» внес и Минчермет СССР. Не лучше ли было эту энергию направить на подлинное разрушение всяких барьеров и стен между министерскими кабинетами и реальным производством, на настоящую перестройку?

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ ДНЕВНИК

Его вели бойцы студенческого дозиметрического отряда, прибывшие в опасную зону на помощь людям

Июнь. Первыми приехали студенты Обнинского института атомной энергетики. День выдался угрюмым. Вода в Припяти казалась густой и тяжелой. «Ракета» из Киева опаздывала. На причале — пусто. Лишь Саша Бочаров, секретарь комитета комсомола атомной, одиноко сидел в зале. «Ракета» пришла полупустой. Белые, синие защитные костюмы. Привычный цвет тридцатикилометровой зоны. Подняв воротники легких курточек — продувало,— столпились на корме новички. Стали пробираться к трапу. «Стоп,— остановил их дежурный.— Прошу всех оставаться на своих местах и приготовить пропуска, командировочные удостоверения». После формальностей вышли на берег, осмотрелись. Саша Новиков бросил на землю сумку. Бочаров укоризненно посмотрел на него. Он тут же поднял, отряхнул ее и начал быстро шарить в карманах. Вытащил дозиметр, провел по дну сумки, улыбнулся: «Вроде бы чисто!» Через пять минут сидели в автобусе. И смеялись все вместе над первым дозиметрическим контролем. Я спросил у командира Анатолия Москалева:

— Не страшно было ехать?

— Мы же знали, куда едем. Это наша работа. Мы все с факультета атомных электростанций. С первого дня рвались сюда. Минэнерго отвечало: специалисты пока не требуются. И вдруг в комитете комсомола раздался звонок. Через полчаса висело объявление о специализированном дозиметрическом отряде. Первым прибежал Саша Новиков. Они измеряли уровень радиации в базовом лагере, на контрольно-пропускных пунктах. Потом к ним на помощь приехали еще два отряда: Московского энергетического и Уральского политехнического институтов. На станции существовал неписаный закон: первыми идут дозиметристы. Потом прокладывается маршрут, и уже специалисты отправляются на задание. Первый эшелон — самый опасный. Студентов туда не посылали. И думать запретили им об этих маршрутах. На долю свердловчан выпала, пожалуй, самая тяжелая ноша. Пришло время, и жителям Припяти разрешили забрать кое-какие свои вещи. После тщательного контроля. Вместе с ними ехали дозиметристы. Они и определяли, что чисто, а чему путь только в контейнер (потом в могильник). На выезде еще одна проверка. Однажды командир Игорь Аншигин предложил вести дневник. Не просто записывать даты, фамилии, факты. Другое. Завели тетрадь. Каждый мог взять ее и записать то, что потрясло, запомнилось. Кто писал один абзац,

а кто и несколько страниц. Они не переписывались начисто, набело — не приглажены, не причесаны. Такими, какими были впечатления от чернобыльского лета.
П. Положевец

«В отряде я появился случайно. Так сказать, человек со стороны, чужак. Дело в том, что в отряд брали только шестикурсников. Но я-таки упросил командира. Оказался самым молодым.
Прекрасные места здесь: лес, речка, поле. Поражают пустынные деревни. Я никогда не забуду свою первую поездку в Припять. Скрипит незакрытая форточка. Ветер который день полощет пересохшее белье. Стаи одиноких кошек. Они сидят на тротуаре и смотрят вслед проезжающим машинам. Словно понимают, что здесь произошло.
Чернобыль открыл для меня не технические, не технологические стороны аварии. Меня потрясла людская беда. Я понял, насколько осторожно нужно обращаться с атомом. Ужасаюсь от мысли, что́ будет при ядерной войне. Никто в ней не победит. Никто живой не останется».
«Я первый раз открыл нашу тетрадку. Был в Припяти. Вместе с эксплуатационниками — они забирали свои вещи. Закончили и ждали машину. Один из парней достал яблоко из кармана, неловко подбросил его и не поймал. Обмахнул полой куртки и как ни в в чем не бывало — в рот. «Ты что?» — поразился я. «А что?» Меня поражает отсутствие элементарных знаний о радиоактивном излучении. И у кого? У тех, кто по роду своей работы должен бы это знать назубок. Думаю, что беспечность и отсутствие элементарных знаний — это глобальная причина, которая привела к чернобыльской аварии».
«Сегодня ездили делать замеры. Если проснуться рано утром в любом другом городе, увидишь: там свет горит и кто-то копошится на кухне. Или услышишь, как первый трамвай из парка звенит. Здесь, в Припяти, другое. Пустота. Нет людей, Припять резко отличается от Чернобыля. Там, в городе, днем полно народа. Они живут. Работают. Для Чернобыля авария — беда. Чернобыль знают все. О Припяти по-настоящему я узнал только здесь».
«День начался обычно. Получил задание ехать в Припять. Определить, что можно жителям вывезти. Очередная квартира. Хозяйка — двадцатилетняя девчонка, похожа на шаловливого ребенка. Смеется, шутит. Это пока мы поднимались по лестнице. А когда вошли в квартиру — она враз изменилась. Улыбка исчезла. Лицо осунулось. Постарела на десяток лет. Несколько секунд молчала. Потом хлынули слезы. Она плакала и не стеснялась меня. Случайно я наткнулся на записку: «Володюшка!

Мы эвакуировались. Буду стараться любыми путями попасть в Городище. Постарайся дать весточку, а то я сойду с ума. Молоко сгорело. Выздоравливай. Целуем. Надя и доченька». Вечером я узнал, что это была жена пожарного, который погиб. И записку Надя написала, когда муж уже был мертв...»

«Поток людей не иссякал. Устал. Уже не видел деления дозиметра. Раздражало, что много машин, много вещей, много людей. И то — что ночь, а надо работать. Зашел в наш домик. Прислонился к стене. Спал не спал, а через полчаса вышел совершенно здоровым. Подкатил автобус. Вышла старушка. Посмотрела на меня и стала что-то совать мне, зажатое в кулаке. Схватил за руку: на ладони — смятая, с надорванным краешком десятка. Почувствовал, как пятки краснеют. Стал отказываться, а она: «Это тебе за работу». Пробовал убедить, что деньги я и так получаю, и что ей, старому человеку, стыдно так унижаться, и что нормально, когда к старым людям с уважением относятся (я их вне очереди обслуживаю),— убедить не удалось. Не понимала она моих слов. Я чуть не заплакал. А ведь, наверное, и войну она пережила, и разруху, и голод. Тогда отношения между людьми были более братскими, взаимопомощь и поддержка развиты острее. А потом была мать пятерых детей. Я сразу увидел, что детские вещи «грязные». Она не захотела их отдавать. Я ругался с ней, требовал, а она ни в какую. В глазах — растерянность, обида. Вещи-то она выкинула, но выражение ее глаз окончательно выбило меня из колеи».

«Девятнадцатое августа. Погода мерзкая. Ветер. Вот-вот хлынет дождь. Ливень разразился, когда пошел основной поток машин. Словно кто-то бочку с водой перевернул. Я как раз залез в кузов «КамАЗА». Раздался оглушительный треск, сверкнула молния. Прожекторы потухли, и я оказался в кромешной тьме. Я вмиг промок. Одежда пластырем прилипла к телу. Меня бил озноб. Влетел в дежурку — еле отогрелся. Но машины ждали. Пришлось помозговать, как потеплее одеться. Натянул спецодежду, на шею — прибор и вышел на улицу. Получился полупришельцем-полурыцарем средневековья. От дождя я-то спрятался, но меня подкарауливало другое. Серый, ничем не примечательный человек, воровато оглядываясь по сторонам, выскользнул из-за угла. Дернул меня за рукав и сказал: «Ящик водки даю!» — «За что?» — не понял сразу. Он показал на контейнеры. Они хотели порыться в «грязных» вещах и выбрать. «Зачем?» — «Ну, на барахолке продать или в комиссионку толкнуть». Я взбесился. Кричал не помню что. В ту ночь еще несколько таких же типов подходили

ко мне. Потом сообразил: мы же стоим на КПП. С одной стороны — зона. С другой — подъезжай, подходи. Еле дождался конца смены».

«Сколько людей прошло передо мной. Молодежи, пожилых. Мужчин и женщин. Беда у них одна. Но все они разные. Мужчины нервно курят. Женщины плачут. Сегодня обслуживал молодого парня. «Грязноват» сверху был один его ящик. «Давай внутри посмотрим»,— предложил я ему. Он стал его выносить и выронил. Зазвенело, словно в посудную лавку забрел слон. Оказалось, там был прекрасный фарфоровый набор посуды. Парень развел руками, улыбнулся и сказал: «На счастье». А потом рассказал вот такую историю. За рубежом помогал строить атомную станцию. Жена осталась дома. Вот-вот должна была родить. Подарок по этому случаю он давно припас. И вдруг получил телеграмму: сын у него! Шел радостный по городу и представлял: родятся у него еще два — нет, три сына, вырастут они, у них пойдут свои дети, и когда-то они все вместе соберутся у него в доме. Тут взгляд его упал на витрину: там стоял роскошный обеденный сервиз. Как раз для того будущего сбора — решил. Так и купил. Не жалко,— махнул рукой. Попросил закурить. Потом сказал: «Не надо, нельзя тут курить. А жене не буду говорить, что «грязный» был. Так и скажу: не случайно разбил. Сам. Специально. На счастье».

«Сейчас много говорят и пишут, что молодые специалисты не приучены принимать решения, брать на себя ответственность. По-моему, это верно. По крайней мере до этого месяца, до этой работы я не испытывал необходимости в таких действиях. Тут я впервые почувствовал, что такое ответственность. Ведь показания дозиметра не всегда однозначны и четки, а люди просят, плачут, угрожают. Нужно решать однозначно и самому. Меня не отпускали в отряд родственники. Сейчас я не могу представить, что мог бы не оказаться здесь. Мы повзрослели».

«Я — Анатолий Самонов. Не зря взял с собой права. Вожу здесь машину. Ездил с Костей Беспаловым, Сергеем Ясинским, Мишей Чепуштановым. Мы отбирали пробы и вели анализ изменений радиационного фона. Во всей тридцатикилометровой зоне. Ошибиться тут нельзя ни на йоту...»

«Узнали, что на Зеленом Мысе, в вахтовом поселке, будет Леонтьев выступать. Не повезло тем, кто в ночную смену работал. Концерт назначили на 22. 30. Ребята даже слегка обиделись. Но что поделаешь — все по-честному: график есть график. А с утра поднялся настоящий ураган. Ветки с деревьев, как листья осенью, сыпались. Дождь зарядил после обеда. Но концерт не отменили. Вижу: аппаратуру установили, а площадка

открытая. Только над сценой небольшой козырек. Электрик бегает, ругается. Замкнет — и вся аппаратура погорит... Вернулись эксплуатационники в лагерь, поужинали — их-то и ждали. К десяти вся площадка была забита: сидели под зонтиками, клеенками и просто плащами. И тут вырубили свет. Часа полтора искали, что случилось. Оказалось, ураган порвал провода, свалил опору. Звонили в Киевэнерго. Там ответили: до утра не отремонтируем. Что делать? Мы с секретарем комитета комсомола станции Сашей Бочаровым побежали — народ послал — к Валерию на пароход, чтобы спросить: будет ли петь? «Буду,— сказал,— дайте свет». Начали тянуть кабель от парохода. Не хватило. В начале первого ночи стало понятно, что ничего не получится. Завтра у него предстоял концерт в Чернобыле, а потом он уезжал. Пришли еще раз к Леонтьеву. А он и сам расстроился, слезы на глазах, честное слово. «Давайте так,— сказал,— завтра поздно вечером я приеду сюда после чернобыльского концерта...»

«Печет. Оказывается, тут не всегда идет дождь и дует ураган. Уже пропала острота первых впечатлений. Уже привыкли к знакомому маршруту. Не удивляют пустынный город и заросшие зеленью улицы. И то, что яблоки, абрикосы, сливы никто не срывает. И к розам привыкли, которых здесь тысячи кустов. И к лицам людей под респираторами привыкли. И даже к полосе выгоревшего леса рядом со станцией, и к «грязным» участкам. Дни наши похожи друг на друга и очень будничны. Но работа здесь не может быть будничным делом. Зона не может быть привычной».

«Моя запись, наверное, последняя в этой тетрадке. Потому что наша вахта закончилась. Завтра мы полетим домой, в Свердловск. Уже билеты на руках. Собран багаж. Но мне вдруг мучительно захотелось остаться здесь. Неужели все закончилось? Поездки в тридцатикилометровую зону? Дни, когда анализатор перегревался от непрерывной работы? Неужели мы больше не будем стоять на дозиметрическом контроле? Наша работа очень нужна — вот что я здесь понял. Тем, кто ликвидирует последствия аварии. И тем, кто будет здесь после работать. Я бы хотел остаться здесь. Но надо заканчивать вуз, писать диплом, защищаться. Может быть, по распределению я приеду сюда, на ЧАЭС. Работа здесь найдется...»

«Комсомольская правда»

А. Новоселов
КОЛОКОЛА ЧЕРНОБЫЛЯ

Чем выделялся из нескольких десятков выпускников Свердловского инженерно-технического училища МВД СССР 1971 года вчерашний курсант, а сейчас лейтенант внутренней службы Леонид Телятников? Физически крепкий, энергичный, как большинство курсантов. Серьезный, сосредоточенный, порой, казалось, до замкнутости. Отличник — тоже не редкость для этого учебного заведения, где за годы учебы курсантам стараются дать все, что им будет необходимо в предстоящих сражениях с огненной стихией: и теорию, и разнообразные практические навыки.
Что же отличало его? Может, упорство в овладении боевой наукой? Ведь, поступив в училище, новичок на первых порах не блистал глубокими знаниями. Но учился упорно, порой самоотверженно и вскоре стал одним из лучших.
Чувствовалось в этом юноше глубокое осознание той огромной ответственности, которая ляжет на его плечи, как только он станет офицером пожарной охраны,— ответственность за жизнь людей, за народное достояние... Леонид стремился соответствовать своей будущей социальной роли, считал долгом быть готовым к ней во всех отношениях... Отсюда — серьезность, сосредоточенность на учебе, отсюда — неприятие легкомыслия по отношению к будущему делу. Делу жизни. Призванию. Таково единодушное мнение однокурсников, преподавателей, командира дивизиона, в котором состоял Телятников.
Об этом говорят и детали, которые вспомнили ныне подполковник в отставке Александр Сергеевич Поляков, начальник политчасти училища полковник Александр Тихонович Аграшников, бывший старшина курсантской роты, а ныне преподаватель майор Владимир Васильевич Тишин. Вместе с Телятниковым учился в СПТУ, а затем в Московской высшей инженерной пожарно-технической школе МВД СССР ныне преподаватель майор Михаил Васильевич Донсков. В одной учебной группе с Леонидом Телятниковым учился В. Пестерев, ныне начальник отделения Свердловского областного управления пожарной охраны. Все они отзываются о своем соученике как о прекрасном товарище.
Конечно, подобные качества заложены в подавляющем большинстве курсантов, выпускников. Без них настоящий пожарный, тем более офицер, командир, которому предстоит принимать решения в боевой обстановке и нести за них полную ответственность, просто не состоится. Но, наверно, в Леониде Телятникове они были выражены особенно ярко, концентрированно.

Это подтвердилось и в час чернобыльской трагедии. Вчитываюсь в строки аттестационной характеристики на Леонида Телятникова, которую писал в 1971 году командир дивизиона, тогда — майор А. С. Поляков: «По характеру спокойный, уравновешенный, чуткий и отзывчивый товарищ. Вежлив по отношению к старшим, общителен в коллективе, весел, находчив. При работе на пожарах принимал правильные решения, действовал решительно, не теряя самообладания. Физически здоров, имеет разряды по пожарно-прикладному спорту и боксу. Активно участвовал в общественной жизни, завоевав авторитет среди комсомольцев, был избран комсоргом группы. На стажировках умело применял полученные теоритические знания, грамотно и умело проводил занятия с личным составом. Стажировку в должности начальника караула и инспектора государственного пожарного надзора закончил на «отлично».

А вот предметы, по которым будущий огнеборец держал экзамены: политико-воспитательная работа, пожарная тактика, пожарно-строевая подготовка, элементы высшей математики, пожарно-техническое вооружение, физическое воспитание... По всем — «отлично».

Нелегко порой давались успехи. Приходилось засиживаться по ночам, жертвовать столь ценимыми каждым курсантом увольнениями в город... Во многом благодаря неутомимости, энергичности Телятникова, личному примеру его отделение, в котором было одиннадцать курсантов, завоевало звание отличного. Курсанты были удостоены одного из самых почетных поощрений — сфотографированы у развернутого знамени училища.

— Хорошо помню своего выпускника,— делится воспоминаниями Александр Сергеевич Поляков.— Было в нем большое жизнелюбие, постоянная внутренняя собранность, бодрость душевная. Все поставленные задачи всегда выполнял безукоризненно. В том, что группа вышла в число передовых,— и его немалая заслуга.

Много времени Леонид отдавал спорту — пожарник должен быть физически крепок, закален. Ну а бокс помогал вырабатывать личную смелость, умение и желание идти навстречу опасности, мгновенно принимать решения. Вел активную общественную работу и потому, что не мог стоять в стороне от жизни коллектива, и потому, что остро чувствовал — нужно умение работать с людьми. Офицер — это и воспитатель подчиненных, который должен понимать их души...

«...При работе на пожарах принимал правильные решения...» — вспоминается строка из характеристики. 26 апреля 1986 года майору Телятникову пришлось принимать самые ответственные в своей жизни решения. И они оказались верными.

... Через 19 минут после поступления тревожного сигнала Телятников был на четвертом энергоблоке. Ревело пламя, охватившее разрушенную крышу и верхние этажи гигантского здания. Оно бушевало во многих из более чем тысячи помещений блока... Надо было оттеснить его от нетронутого еще машинного зала, не дать перекинуться на третий блок... Жестко вели бой с пожаром караулы лейтенантов Владимира Правика и Виктора Кибенка. Телятников принял командование в разгар схватки, когда положение на многих участках становилось критическим... Охватить мыслью весь фронт борьбы, выделить наиболее опасные участки, бросить туда силы и средства... А тут еще самая грозная опасность — гамма-излучение... Двадцать восемь героев держали оборону станции так же, как сорок пять лет назад двадцать восемь панфиловцев держали фронт у безвестного разъезда... Условия сложнейшие — лабиринт помещений, насыщенность аппаратурой. Разрушенное сердце блока — реактор... Большие высоты: Телятникову трижды приходилось подниматься на отметку 71,5 метра — верхнюю точку энергоблока, в аппаратный зал, где был один из очагов пожара. Пламя могло внезапно ударить из любого из бесчисленных закоулков лабиринта комнат и коридоров, в любой момент могли рухнуть разрушенные паровым взрывом перекрытия... Трудно даже переоценить, сколь тяжелые последствия предотвратили бойцы охраны ЧАЭС. Неимоверно долгие часы боролись они с огнем, спасая станцию, Украину, Родину от небывалой еще беды.

Шли сквозь град раскаленных обломков туда, где наиболее жестоко бушевало пламя. Всей мощью данных в их руки средств давили огонь, гнали джина атомной стихии вспять. И знали, знал каждый, что самый страшный враг — не пламя. От вырвавшегося его жгучего языка в конце концов можно отпрянуть... Если б на минуту они могли отвлечься от своего грозного дела, если б на мгновение смолк рев и грохот, они, наверно, смогли бы услыхать в воздухе неслышный, но вполне ощутимый звон, а под языком почувствовать кислящий привкус йода-131 — так человек без помощи приборов может почувствовать своего невидимого, коварного и смертельного врага — радиацию... А чуткие стрелки приборов с точностью до тысячных миллирентгена показали бы силу незримого противника... Но в эти часы, главные часы своей жизни, бойцам пожарной охраны ЧАЭС было некогда и, по их естественному убеждению, не нужно разбираться в ощущениях... Перед ними был враг, реальный, грозящий общей бедой. И его надо было одолеть. Другого выхода не предполагалось.

В атаку бойцов вел Телятников. Это не был лихой кавалерийский наскок. Это был упорный, последовательный

натиск, когда у врага отбиралась одна позиция за другой, когда удары наносились все точнее, сильнее, прямо в его раскаленное сердце... Наступление по всем правилам пожарной науки, хотя не существует еще теории о том, как гасить горящие АЭС...
...У кого-то начался приступ тошноты. Отвели к санитарным машинам. Опустевшее место тут же занял новый боец. Атака продолжалась. И в журнале боевых действий появлялись записи: «Предотвращен переброс огня на третий блок», «Сбито пламя на высоте тридцать метров...» И наконец: «Из зоны пожара люди выведены...».
Три часа вели борьбу с огнем пожарные, порой шагая по расплавленному битуму. А даже едва заметный его мазок на белом костюме впоследствии оставлял на теле радиоактивный ожог. Когда много времени спустя по обгорелым, пустынным уже помещениям поползли роботы, показывая датчиками огромные уровни радиации, исследователи на телеэкранах глазами роботов видели спутанные шланги, оплавленные брандспойты... Здесь проходили двадцать восемь...
Живыми встают в памяти Леонида Петровича лейтенанты Владимир Правик и Виктор Кибенок, сержанты Николай Васильевич Вальчук, Василий Иванович Игнатенко, Владимир Иванович Тищура... каждый из тех, кто до конца выполнил свой долг, не дал разбушеваться атомной беде... Ведя бой с огнем, все уже знали о грозных показаниях дозиметрических приборов, но ни у кого не было и в мыслях отступить, уйти. Только когда пламя было побеждено, Телятников и его бойцы отошли с огненного рубежа...
Затем была московская клиника, борьба за жизнь и здоровье. И не раз, перебирая по минутам эпизод за эпизодом борьбу с огнем, Леонид Петрович с благодарностью возвращался памятью к годам учебы на Урале, давшим бесценную закалку, вооружившим знаниями и навыками, давшим настрой на всю жизнь и службу...
...Приходят в Главное управление пожарной охраны МВД СССР такие письма, как вот это. Хочется дословно привести бесхитростные строки этого человеческого документа (письмо датировано 17 мая 1986 года): «К вам обращается Жакупова Галия Абдрахмановна, жительница североказахстанского города Петропавловска, жена погибшего при тушении пожара начальника ОПО Кзыл-Ординского облисполкома майора Жакупова Кенжебия Жакуповича, навечно занесенного в списки личного состава 2-го дивизиона Свердловского пожарно-технического училища. Я восприняла аварию на Чернобыльской АЭС как большое личное горе, подобное тому, которое перенесла сама 16 сентября 1965 года,

когда погиб мой муж. Обращаюсь к вам за советом, куда, на какой адрес перечислить 100 рублей для памятника погибшим пожарным Чернобыльской АЭС. Хочу, чтобы им поставили красивый памятник со словами В. Маяковского:

Я своды
пожарных правил
Хотел бы нарушить
в одном:
Я памятник
им бы поставил,
С пылающим
вечным
огнем.

Очень меня интересует, как здоровье Л. П. Телятникова и других ребят-пожарных. Ведь Телятников — выпускник СПТУ, я очень горжусь его подвигом, героизмом В. Кибенка, В. Правика, Н. Вальчука, В. Игнатенко, В. Тищуры, которые погибли, защищая станцию от огня... Я думаю, их подвиг будет отмечен, ведь герои не умирают.
Передайте привет Л. П. Телятникову от семьи майора К. Жакупова. Может быть, он меня видел — я часто бывала в училище на присягах... Сын наш Мурат вырос, закончил то же училище, что и отец, в этом году заканчивает Ташкентскую высшую инженерную пожарно-техническую школу. Мне бы хотелось, чтобы и мой сын был таким же, как его отец или Л. П. Телятников, В. Кибенок, В. Правик.
А может быть, от моего имени обратимся ко всем работникам пожарной охраны СССР — перечислить в фонд пострадавших на Чернобыльской АЭС заработную плату одного дня? Жду ответа и адреса, куда перечислить деньги».
И в родном училище также не забывают своего героя-выпускника. В комнате боевой славы создан мемориальный уголок, на центральном входе стенды, посвященные подвигу чернобыльцев-пожарников. Учебные группы встали на трудовую вахту 1987/88 года в честь XX съезда ВЛКСМ и за право носить имя Героя Советского Союза подполковника Л. П. Телятникова. В этих стенах Леонид Петрович всегда желанный и дорогой гость, как и в ставшем ему своим и близким Свердловске...

Профессор Гуськова

В первые же дни чернобыльской трагедии три специальных рейса Аэрофлота доставили в Москву пострадавших. Сто человек — пожарных, работников АЭС, военнослужащих были госпитализированы в 6-й московской горбольнице. Здесь их ждали. Медики были готовы вести борьбу за жизнь и здоровье.

Наготове были новейшие препараты, самая совершенная аппаратура. И все же врачи во многом стояли перед грозной неизвестностью: незначителен был сам опыт борьбы с заболеваниями, вызванными радиационными поражениями. Сейчас же предстояло встретиться с самой тяжелой их формой, когда воздействию потоков радионуклеотидов подверглись не отдельные части тела, а весь организм...
В обычных условиях для выработки методики, наилучших приемов и способов лечения требуются годы кропотливых экспериментов, аналитической, исследовательской работы, десятки и сотни опытов. Но условия были необычными.
В больничных палатах находились десятки людей, которым должна быть оказана экстренная помощь. На раздумья давались не месяцы и годы, а дни и часы, порой — минуты.
Врачи понимали: сейчас они — на линии фронта, на передовой линии схватки с вырвавшейся из-под контроля стихией атома... И потому они делали все возможное.
И невозможное — тоже.
Основная тяжесть ответственности за принятие скорых и обязательно единственно верных решений легла на плечи главного врача отделения радиолога Ангелины Константиновны Гуськовой — профессора, хорошо известного широкой мировой медицинской общественности, лауреата Ленинской премии. Сейчас предстояла борьба с новым, во многом неизвестным и поэтому особенно коварным противником...
Вновь невольно вспоминались военные годы...
...Заснеженные улицы Свердловска. Казалось, в ту пору общей народной беды и морозы были злее, и зимы дольше и беспощаднее. Скудный студенческий паек, плохо протопленные аудитории... Заботы об элементарном — еде, тепле, казалось, отбирали все силы. А страна уже жила предощущением близкой победы. Из более чем ста человек того военного выпуска Свердловского медицинского института две трети закончили его с отличием. В их числе была и Ангелина Гуськова. Нелегким трудом досталась ей заветная книжица с красной обложкой. За ней — ночи над учебниками, долгие часы напряженнейшего труда в лабораториях и клиниках, стремление постичь как можно глубже искусство врачевания на практиках в больницах и госпиталях. Придавало сил и осознание того, насколько необходима сегодня профессия врача.
Память об этих годах, о суровом крае, давшем закалку трудом и мужеством, помогла Ангелине Константиновне и в новой жестокой схватке — в борьбе с лучевой болезнью.
В кратчайшие сроки под ее руководством коллектив клиники разработал и применил новую методику лечения, включавшую сложнейшие операции по пересадке костного мозга. Прибывший вскоре известный американский радиолог

доктор Ричард Гейл, обладавший уникальным опытом более тысячи трансплантационных операций, одобрил советскую методику. С его помощью проведен курс лечения первых больных. В сжатые сроки сделаны тысячи анализов, проведены десятки тысяч процедур, люди считали естественной нормой трудиться по 14—18 часов в сутки. И всегда самые сложные проблемы, самые срочные вопросы решала Ангелина Константиновна. Помогал ей и опыт лечебной практики в других сферах: она не только ведущий радиолог страны, возглавляющий клинический отдел Института биофизики Минздрава СССР, избранная членом научного комитета ООН по действию атомной радиации, но и замечательный хирург-практик, человек энциклопедических медицинских знаний.
Бригада врачей, подготовленных выпускницей уральского вуза, в первый же день вылетела в район аварии.
И с первых же часов началась упорная борьба за каждого больного. Ее итоги наглядны: из почти двухсот госпитализированных более половины через месяц были выписаны для завершения лечения в санаториях и на курортах. За здоровье остальных велось самое настоящее сражение. Пациенты знали — медики делают для них все возможное. И в этой битве, когда неудачи сменялись надеждой, накапливался бесценный опыт, придавала силы поддержка земляков-уральцев. Оттуда шли письма, люди спрашивали — нужно ли чем помочь? Множество людей проявляло желание стать донорами. Клиника была обеспечена всей необходимой аппаратурой, препаратами. Свердловский медицинский институт выделил для помощи пострадавшим около четырех тысяч рублей. Для работы в клинике в качестве младшего медперсонала приехали несколько девушек с Урала, с Белоярской атомной: самоотверженно ухаживали за пострадавшими Алла Игоренко, Галина Островерх, Татьяна Киреева, Любовь Акулова и другие. Им впервые пришлось выполнять такие обязанности, это было нелегко и непросто. Все девушки удостоены поощрений, Людмила Кудрявцева награждена медалью «За трудовую доблесть». Хорошее взаимодействие было налажено и с американскими медиками. Проведены почти два десятка совместных операций, постоянно шел плодотворный обмен мнениями, полезными оказались и дискуссии. Все это помогало оттачивать лечебную методику и, самое главное, спасать людей. А для пострадавших делалось все. Каждый круглосуточно находился под наблюдением индивидуального врача, о нем заботилась медсестра.
В лечение пострадавших Ангелина Константиновна и ее коллеги вложили весь свой бесценный опыт, приобрели новый, который во многом еще предстоит осмыслить. Результаты

колоссальной работы советских медиков обогатят медицинскую науку — ведь со многими явлениями им пришлось столкнуться впервые в мировой практике. Найденные ими решения проблем помогут и кардиологам, и инфекционистам, эпидемиологам, онкологам и врачам других специальностей.
Уральцы, свердловские медики, могут быть горды своей воспитанницей — не подвела.
— Уральская закалка — это на всю жизнь. Спасибо ей. И моим дорогим землякам,— говорит Ангелина Константиновна.

Вертолеты идут на объект

Работа вертолетчиков-пожарных, десантников, чья задача — тушить горящие леса, не из тех, что дается легко. Она требует постоянного мужества, подлинной, не показной храбрости не в виде исключения, а как непременную составляющую характера, необходимое профессиональное качество. Порой даже высадиться в районе пожара новичку кажется немыслимым, а ведь еще надо его тушить...
— «Хороший» пожар слышно за два-три километра,— говорит начальник Уральской базы авиационной охраны лесов и обслуживания лесного хозяйства пилот первого класса Георгий Георгиевич Шаньгин, кавалер медали «За отвагу на пожаре».— Огонь идет так, что от него даже убежать порой невозможно. Остается одно: самим и остановить его. Выбора нет. Так что в нашей специальности идет как бы естественный отбор: порой десантник-новичок — хоть в фильме в роли супермена снимай,— прошедший всяческую подготовку, сделает один-два вылета — и все, просит списать... Приходилось видеть и такое: руководители, которых по необходимости брали к месту тушения, отказывались выходить из вертолетов...
Профессия Шаньгина и его товарищей не терпит малодушия. Каждый летний сезон вновь становится испытанием для вертолетчиков и десантников, ведущих непрерывное сражение за народное достояние — лес. И в подавляющем большинстве случаев они выходят победителями.

Когда случилась чернобыльская беда, первыми из гражданских летчиков на днепровские берега были вызваны уральцы. Едва только завершили свое героическое дело военные авиаторы, под жесткими гамма-лучами закидавшие мирными бомбами — мешками с песком и другими материалами смертоносный кратер реактора, как в дело вступили наши вертолетчики. В те дни станция и ее окрестности буквально дышали убийственной радиоактивностью. Сбить ее уровень в самые минимальные

сроки, чтобы дать возможность людям и технике приступить к восстановительным работам,— такая задача была поставлена перед экипажами вертолетов. И авиаторы с ходу вступили в бой. Бой — без кавычек, потому что враг был реальным и поражал также реально, хотя в вертолете и само по себе снижаются опасные уровни, а рабочие места экипажей были оборудованы дополнительной защитой из свинцовых листов...

Уральский авиаотряд разделился на две части: первая группа приступила к дезактивационным работам, вторая занялась привычным делом: вступила в борьбу с лесными пожарами. А лето выдалось жаркое, термометр постоянно показывал плюс двадцать пять — тридцать, а то и выше. Так что и привычной работы воздушным пожарным хватало. Тем более что деревья в прекрасных сосновых лесах этого района преимущественно искусственной посадки и в отличие от уральских имеют ветви, начинающиеся чуть ли не от хвойной подстилки, и вспыхивают, как факелы...

Более полутора десятков крупных очагов загораний ликвидировали наши вертолетчики и десантники на украинской земле. Борьба с огнем в тридцатикилометровой зоне осложнялась жестким лимитом времени. Если в обычных условиях пожарные имеют возможность разбить базовый лагерь, развернуть методическую, широкоохватную борьбу с пламенем, то здесь часто приходилось действовать «экспромтом», с ходу принимать решения и в ускоренном темпе выполнять их. Ведь часы пребывания в поединке с огненной стихией ограничивались показаниями дозиметрических приборов. И тем не менее все очаги загораний были ликвидированы. Помогла многолетняя закалка, огромный опыт, высокий профессионализм — ведь уральские воздушные огнеборцы не раз становились победителями на всесоюзных первенствах по пожарно-прикладным видам спорта, восхищая судей, коллег-летчиков и пожарных, многочисленных зрителей совершенством приемов и методов, ловкостью, снайперской точностью, умением вести безостановочный натиск на стихию. Десантники не только имели средства для борьбы с огнем, но и были одеты в специальные костюмы, защищающие от радиации. Здесь работали и профессионализм, и мужество, и — немаловажно — большая любовь каждого летчика и десантника к природе. Ведь вряд ли человек, не любящий поистине самозабвенно это чудо — прекрасные леса,— будет едва ли не ежедневно рисковать здоровьем, а то и жизнью ради их спасения. Хранить природу от огненной беды каждый пожарник считает не только своим служебным, но и нравственным долгом. Мужество, добросовестность, подлинное мастерство пило-

тирования проявили высококлассные специалисты командиры экипажей Юрий Николаевич Охотников, Александр Васильевич Шаев, Анатолий Анатольевич Белозерцев, командир звена Виктор Семенович Путинцев.
Точностью проводки вертолетного отряда по незнакомому маршруту Свердловск — Чернобыль наши авиаторы обязаны старшему штурману Виктору Ивановичу Новикову. В кратчайшие сроки для уральских машин была проложена «зеленая улица». И в небе Украины старейший навигатор также обеспечивал прокладку маршрутов. Здесь ему весьма пригодился большой опыт работы в высоких широтах Заполярья.
Огромный вклад в надежность работы вертолетов внесли высококвалифицированные авиатехники! Все уральцы были удостоены благодарностей Правительственной комиссии. Малодушных не было. Набор для работы в зоне аварии был строго добровольным, каждый летчик, пожарник, техник четко представлял, в борьбу с каким врагом придется вступить... Было, например, предложено остаться дома руководителю уральской группы Георгию Георгиевичу Шаньгину — вместо него вылетел бы его заместитель. Но опытный летчик, отец троих детей без раздумий принял решение — в зону радиоактивного заражения пойдет он, молодой же зам пусть остается дома...
Ежедневно наши авиаторы чувствовали поддержку земляков — к ним поступало все необходимое оборудование и снаряжение, летели добрые весточки, трогательно заботилась о них и Украина — летчикам и пожарным были созданы все условия для отдыха, восстановления сил, постоянно проводился самый тщательный медицинский контроль.
Но и после завершения основных работ по дезактивации продолжалась вахта уральских авиаторов в небе Чернобыля. На смену убывшим на вертолетах МИ-8 прилетели новые экипажи. Ведение дозиметрической разведки, высадки групп, перевозка грузов, полеты в сложных осенних метеоусловиях, посадки на необорудованные площадки и взлеты с них, полеты в условиях ограниченной видимости в туман, снегопады, в быстро меняющейся обстановке, порой работа на пределе полетного времени и запаса горючего — все это пришлось преодолеть уральцам.
В полевых условиях авиаторам приходилось производить и большой объем регламентных технических работ — несколько человек заменяли порой целые эксплуатационные подразделения. Уникальным был опыт экипажей, понимание огромной важности выполнения порученного, взаимопомощь авиаторов.
Высокое мастерство проявил экипаж, возглавляемый

Александром Ивановичем Смотровым — его командир был в свое время удостоен ордена «За службу Родине» II степени за мастерскую работу в небе Афганистана. Сейчас уральские авиаторы вернулись к повседневным делам и заботам. Их винтокрылые машины бороздят родное небо. Но навсегда остался в памяти Чернобыль как символ мужества советских людей, их стойкости, сплоченности, умения противостоять беде.

БАЭС — ЧАЭС

Утром 6 мая в кабинете Арнольда Георгиевича Шастина раздался звонок. Москва экстренно запрашивала технику для Чернобыля. Уральский абонент — начальник ремонтно-контрольной службы АЭС — на секунду задумался. Да, подобная техника есть, эксплуатируется на уральской АЭС более десяти лет и в обычных условиях дает положительные результаты. Но условия Чернобыля обычными не назовешь... В экстремальных условиях машины уральцев не опробованы... Тысячи людей по всей стране в кратчайшие сроки решали сложнейшие и небывалые в практике вопросы, поставленные жестокой драмой атомного века...

...В первые же дни на Чернобыльскую АЭС, где уже находился директор Белоярской атомной, вылетела группа уральских химиков-разведчиков во главе с Г. Казанцевым. Проведя большой объем исследовательских работ, люди, однако, были вынуждены остановиться перед непреодолимой преградой... Радиация... Поэтому Москва торопила Шастина.

К 7 мая была подготовлена и убыла на ЧАЭС команда из шести белоярцев для освоения заграничной техники. Главным и, как показала битва со стихией, единственно верным был расчет на свою — отечественную, уральскую робототехнику. Наряду с ней на ЧАЭС для дезактивации использовались три робота производства ФРГ, но сразу мог приступить к делу лишь один из них — малогабаритный, со складывающимися гусеницами. Два других пришлось «доводить» нашим специалистам — постоянно отказывало радиоуправление и механическая часть. Много пришлось повозиться с «иностранцами» начальнику лаборатории по электронике Александру Анатольевичу Приходько, слесарям-сборщикам Владимиру Васильевичу Борушко, Виктору Владимировичу Шаламову. Большую помощь оказал Киевский институт автоматики. После доработки импортные роботы неплохо потрудились, хотя один из них все-таки остался на радиоактивной территории: отказало управление...

В считанные дни были переоборудованы мирные белоярские машины.

Разведка была проведена успешно. На очередь встала новая задача — дезактивация атомной станции и прилегающей территории. Арнольда Георгиевича Шастина вновь торопили. Задел у уральцев имелся.
Напряженнейший, без преувеличения — героический труд ученых, конструкторов, рабочих дал ожидаемый результат. Всего месяц потребовался на весь цикл — от разработки до полной готовности. Срок рекордный.
И вот 6 июня в самолет, вылетающий на Украину, взобралась машина — созданье ума и рук умельцев.
А через сутки она вступила в схватку с радиацией...
Но эти сутки чуть не окончились для нее трагично.
При транспортировке на открытой платформе у машины была сломана «рука». Без нее уралец становился, естественно, бессильным. На БАЭС полетело тревожное сообщение: восстановите механизм! Но сопровождавшие уралец инженеры и рабочие Виктор Михайлович Мучник, Ирина Александровна Балаева и другие совершили поистине чудо: за ночь разыскали на брошенном чернобыльском заводе необходимые материалы и на обесточенном оборудовании, при свете карманных фонариков произвели сложнейшие операции по восстановлению «руки». Наутро уральский посланец вступил в бой...
Он был более функционален, чем питомцы МВТУ имени Баумана.
Обслуживала уралец бригада в составе В. Селина, С. Небогатикова, Г. Казанцева, А. Приходько, Е. Петрова, С. Костромитина и других сотрудников БАЭС.
Помогла белоярским конструкторам достичь такого успеха «прицельность» технического поиска, его постоянная коррекция практикой, когда было точно известно, что требуется и в каких условиях аппараты будут работать.
— Успех определила конкретная увязка с конкретным делом,— говорит А. Шастин.— Сами ставили себе техническую задачу. В этом есть риск, но он оправдан...

Перед учеными и конструкторами в связи с аварией на ЧАЭС встала новая проблема: необходимо было провести замеры непосредственно над реактором и около него, в местах, заваленных обломками металлоконструкций и бетона. Замеры с вертолетов не всегда точны. И опять давались считанные дни на разработку.
Все самые напряженные дни битвы со стихией уральцы были на переднем крае. Одна группа сменялась другой. В общем фронте натиска на чернобыльскую беду

у белоярских атомщиков был свой участок. За июль, август, сентябрь уральские машины провели огромный объем работ по дезактивации ЧАЭС и прилегающих территорий. Всей робототехникой, трудившейся на дезактивации, руководили уральцы. Конечно, там были десятки добровольцев из многих городов страны, но костяк составляли баэсовцы. Первый опыт применения уральской робототехники в экстремальных условиях показал ее надежность, правильность конструкторского пути. Теперь создатели роботов считают своей задачей не растерять бесценный опыт, аккумулировав его, использовать на практике.

Все работники БАЭС, принимавшие участие в ликвидации последствий аварии, удостоены благодарностей Правительственной комиссии. А Арнольд Георгиевич Шастин, ныне директор Белоярскатомэнергоремонта, организации, входящей во Всесоюзное объединение Атомэнергоремонт, и слесарь-сборщик Сергей Дурницын удостоены орденов Трудового Красного Знамени. Слесарь-сборщик Василий Иванович Куракин награжден медалью «За трудовую доблесть». Почетной грамоты Президиума Верховного Совета УССР удостоен Вилен Васильевич Селин.

Экстремальные условия Чернобыля дали чрезвычайно ценный материал и богатейший опыт для совершенствования робототехники, применяемой на БАЭС.

В борьбе с атомной бедой проявились и человеческие качества уральцев. Двенадцать семей работников ЧАЭС было принято и размещено в поселке уральских атомщиков Заречном, каждой предоставлена отдельная просторная квартира, все трудоустроены по специальности. 36 716 рублей перевели на счет № 904 работники БАЭС. Многие белоярцы, такие, как дежурный слесарь Михаил Васильевич Гаруст, старший инженер-конструктор конструкторско-технического отдела Яков Моисеевич Минкин, техник жилищно-коммунального хозяйства Эльвира Николаевна Бушуева, с июня до конца года ежемесячно перечисляли в фонд помощи Чернобылю заработок одного дня. Их вклад составил соответственно 99, 70 и 62 рубля. Белоярцы помогали проводить также ремонтно-восстановительные работы на ЧАЭС, на их счету работы на пуско-резервной котельной, подготовка воды для охлаждения реакторов, работы по теплоснабжению. И после пуска энергоблоков в составе вахт долгое время трудился персонал электроцеха БАЭС. Наибольшее число людей послали на ЧАЭС цех централизованного ремонта, электроцех и отделение охраны труда и техники безопасности, химцех, цех теплоснабжения и подземных коммуникаций. Схватку с радиацией вела бригада дезактиваторщиков с БАЭС.

В течение месяца работали на обслуживании работников ЧАЭС тридцать специалистов комбината питания БАЭС — повара, кондитеры, кулинары. Такие работники, как делопроизводитель штаба по ликвидации последствий аварии Августа Тимофеевна Селедкова, Станислав Иванович Кошевой и многие другие, добровольно оставались на два и более срока в зоне ЧАЭС.
Ордена Дружбы народов удостоен Виктор Петрович Елькин, старший инженер-радиохимик химцеха. Он одним из первых прибыл на ЧАЭС. Высокая квалификация позволила ему освоить новое оборудование и выполнить большой объем работ.
Ордена «Знак Почета» удостоен Владимир Филиппович Первов — сотрудник отделения охраны труда и техники безопасности, также одним из первых прибывший на ЧАЭС и принявший деятельное участие в дезактивационных работах и сооружении промышленной площадки. Высокое профессиональное мастерство, выдержка, гражданское мужество помогли ему справиться с заданием. Высокая награда вручена заместителю директора БАЭС по кадрам Владимиру Георгиевичу Захарову, много месяцев проработавшему на ЧАЭС. Он блестяще решал сотни бытовых вопросов обустройства тысяч людей, прибывших в зону ЧАЭС. Захаров — кавалер ордена Трудового Красного Знамени, которого он был удостоен в 1980 году за участие в работах по пуску БН-600 — реактора на быстрых нейтронах. Белоярская атомная протянула ЧАЭС крепкую руку помощи. Не в правилах уральцев оставлять в беде друзей.

Чужого горя не бывает. И если рушатся от сейсмических ударов дома в Ашхабаде или Ташкенте, сметают все живое смерчи в селах центральной полосы, волны губят поселки на побережье Кавказа или на берегах далекой Уссури, каждое бедствие отдается болью в сердцах уральцев. Не явилась исключением и чернобыльская беда. С первых же дней во всех городах и селах Урала начался добровольный сбор средств в фонд помощи пострадавшим. Счет № 904 хорошо знают и в Свердловске, и в Перми, и в Челябинске... Тысячи посланцев Урала, представители сотен трудовых коллективов, десятков самых разнообразных профессий — от энергетиков-атомщиков и вертолетчиков до медсестер и кулинаров отправились на помощь Украине. На самой Чернобыльской станции трудились посланцы Белоярской АЭС и Среднеуральской ГРЭС, шоферы-уральцы вывозили зараженный грунт и доставляли тысячи кубометров бетона, уложенного в конструкцию защитного саркофага на четвертом энергоблоке. Сотни тонн свинца, важнейшего

составляющего той смеси, которой было завалено жерло аварийного реактора, прибыли с Урала.
В ликвидации последствий аварии участвовал отряд уральских рабочих и специалистов. Из тысяч добровольцев были отобраны по рекомендации трудовых коллективов наиболее квалифицированные, надежные. Трактористы, шоферы, строители, монтажники, газоэлектросварщики — трудно перечислить все специальности сотен наших земляков, приехавших в составе отряда в зону ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Около трети из них — костяк отряда — составляли коммунисты. Уральский отряд работал бок о бок с москвичами, ленинградцами, сибиряками, одесситами. Трудовой порыв, желание попасть на самые «горячие» участки были столь велики, что коммунистам-руководителям: секретарю партийного комитета отряда Ю. Воропаеву, члену парткома А. Третьякову и другим — зачастую приходилось удерживать людей, напоминать о необходимости строго соблюдать меры безопасности. Строителям, которыми руководил Ф. Мироненко, предстояло установить стену в подвале между третьим и четвертым блоками, чтобы надежно отделить пострадавший блок от станции. К месту работ подошли по транспортному коридору. В полу пробили отверстие, прошли в нижние помещения. Приходилось работать в очень быстром темпе — время пребывания в зоне повышенной радиоактивности было весьма ограниченным. К тому же в этих помещениях, находящихся ниже поверхности земли, появилась стекающая с верхних этажей вода, которую приходилось постоянно откачивать. Для снижения опасного уровня был забетонирован пол. И при свете переносных ламп в подземном лабиринте началась работа. Влажность, жара, узость проходов и щелей, через которые передавали строительные материалы,— все это затрудняло работу. Люди работали быстро, однако помнили, что главное здесь — качество, ни малейшей ошибки здесь быть не должно. И ошибок не было. Сменилось несколько групп уральцев.
Конечно, в опасные места шла техника, но без человеческой творческой мысли, смелости в принятии решений она была бы бессильна.

Многое открыл, заставил переоценить, переосмыслить Чернобыль. Его набат прозвучал над страной, над планетой. Люди Земли вглядывались в чернобыльские силуэты. Вглядывались пристально — с состраданием, с тревогой, с желанием помочь. Равнодушных не было. Чернобыль грозно напомнил всем: мы живем в атомном веке. В руках человека — гигантские силы. И он сам в полной

мере не осознал их мощь. Драма Чернобыля — капля в океане беды, который затопит человечество, если не победит разум. Чернобыль — знак беды, когда атомная энергия становится неуправляемой. Наш мир слишком хрупок, чтобы позволить атомному урагану играть с ним. И об этом сказал звон колоколов Чернобыля.

В. Брезгунов, Герой Социалистического Труда

МОЕ РАБОЧЕЕ МЕСТО — МОЙ УЧАСТОК БОРЬБЫ

Будем смотреть правде в глаза: первый год двенадцатой пятилетки для многих трудовых коллективов так и не стал поворотным. С болью в сердце воспринимаю факты постоянного срыва государственного плана нашим объединением Уралэлектротяжмаш, теряем былую славу. Выходит, не тот у нас подход к делу, не осознали мы до конца лозунг партии о решительной перестройке и ускорении во всех сферах жизни общества, коренного повышения качества выпускаемых машин. Не ощущаем еще сердцем меру личной ответственности за выполнение общепартийной и общенародной программы борьбы за мир и повышение благосостояния.

В заводской газете прочитал, как в конце ноября в одном из наших цехов, выпускающих трансформаторы, побывали корреспонденты Свердловского телевидения. Съемка шла на рабочем месте бригады А. Кузнецова, когда та устраняла свой собственный брак, выявленный представителями государственной приемки. Неуютно чувствовали себя рабочие перед телекамерой. Ведь их бригада считалась лучшей. По обязательствам должны сдавать 99,8 процента продукции с первого предъявления. А тут из девяти трансформаторов приняли у них без замечаний только два.

Если бы каждый такой факт стал достоянием общественности, если бы каждый бракодел высвечивался, как на телеэкране, наверное бы, по-другому и люди стали относиться к своей работе, своим обязанностям.

Все больше утверждаюсь в мысли — пора выдвигать на первый план личную ответственность рабочего, инженерно-технического работника, руководителя, коммуниста и беспартийного за свое участие в реализации плана пятилетки, за выполнение социалистических обязательств.

Как коммунист, я определяю свою позицию однозначно: мое рабочее место — мой участок борьбы за выполнение решений партии. Это предполагает — каждый должен трудиться высокопроизводительно и высококачественно, сообразуясь с планами и социалистическими обязательствами коллектива. Я лично готов за это нести полную ответственность перед товарищами по труду и по партии.

Говоря об ответственности, подчеркиваю: порой из-за элементарной нераспорядительности, невыполнения прямых служебных обязанностей наносится огромный ущерб делу. Два дня гоняли мы карусельный станок, обрабатывая крышку гидрогенератора. И все оказалось зря — детали повело во время обточки. Опять нам подсунули

заведомый брак из смежного сорокового цеха. Попытались найти виновника, того, кто некачественно ее сляпал, термически не обработал, да только бесполезно. Полнейшая обезличка. Спросить не с кого. А надо бы знать конкретного виновника, ведь пропал труд, выброшены народные деньги, испорчено настроение людей. Если не несешь ответственности, начинает дремать совесть. Вот тут и встает во весь рост рабочий коллектив, который должен спрашивать с каждого своего члена — рядового и руководителя: как он работает на своем месте? Выходит, нужно повысить спрос за порученное дело на каждом рабочем месте. Ввести штрафные санкции для бракоделов, меры административного воздействия, а для тех, кто сдает продукцию отличного качества, стимулы материального и морального поощрения.

Мы можем значительно повысить отдачу от каждого рабочего места, если четко организуем технологию и будем ее придерживаться, повысим гласность нашего труда, чтобы всем было видно — такая-то бригада работает над таким-то заказом. Борьба за качество нуждается в постоянном росте профессионального уровня рабочих, инженерно-технических работников. Производство с каждым годом будет пополняться новой техникой. Готовиться на ней работать, готовить смену высококвалифицированных кадров — серьезнейшая задача дня. Понимаем, от каждого личного трудового вклада зависит вклад коллектива. Однако случается, рядом с сильной бригадой — слабая, рядом с передовым предприятием — отстающее.

Шефство сильного над слабым — вот еще один из рычагов повышения эффективности производства. Нужно практиковать содружество не только бригад, когда передовой руководитель ее переходит в отстающий коллектив, но и содружество предприятий, создавать творческие инженерно-технические группы для помощи отстающим. Материально заинтересовать людей.

Несколько лет назад мы всерьез занимались на заводе внедрением бригадного хозрасчета. Стремились к созданию комплексных сквозных бригад с замкнутым производственным циклом, объединяющих рабочих разных профессий одной технологической цепочкой, но не довели дело до конца.

Считаю, система хозрасчетных отношений сегодня должна стать важнейшим стимулятором роста производительности труда. Заформализовали, а кое-где забыли и постоянно действующие производственные совещания, когда к управлению производством привлекались самые широкие массы трудящихся. Инициатива шла снизу,

развивалась, становилась главным ускорителем движения вперед. Была полная гарантия, что толковые предложения трудящихся, поступившие в ПДПС, будут приняты во внимание и реализованы.
Знаю по собственному опыту — любой почин нуждается в поддержке хозяйственных руководителей. На результатах рабочего ускорения очень сказывается несовершенство планирования. Сплошь и рядом такие примеры: бригады трудятся ударно, задания выполняют с опережением. А в конце месяца выясняется: цех не выполнил план, не выдержали номенклатуру договорных заказов. То, над чем так убивались, лежит на складе как немой укор неорганизованности.
Тревожит и уровень технологической подготовки производства. Пятую за последние годы делаем машину для Загорской ГАЭС. Казалось бы, и опыта пора поднабраться, и качество поднять, да только все получается не так. Уровень инженерной подготовки застыл на месте, никаких прогрессивных новшеств, никаких преобразований. Мы, рабочие, ждем наконец серьезной инженерной поддержки наших трудовых починов. Поставить дело так, чтобы в борьбе за технический прогресс, в выполнении напряженных социалистических обязательств самое прямое участие принимали инженерно-технические службы предприятия. И их труд оплачивать исходя из конечного результата трудовых коллективов. На каждом заводе создать творческие рабоче-инженерные группы по расшивке «узких мест» производства.
На XXVII съезде КПСС подчеркивалось, что партийные организации центром своей практической работы должны считать воспитание в коммунистах стремления к повышению технического уровня и качества продукции. О перестройке, об ускорении в последнее время идет немало разговоров на партийных и профсоюзных собраниях. Но так ли уж часто, обсуждая пути реализации партийных решений, вносятся конкретные предложения?
Сейчас каждая партийная организация определила для себя конкретный участок борьбы за выполнение решений XXVII съезда на всю двенадцатую пятилетку, указала сроки реализации стоящих задач. А на основе этого каждый член партии имел бы свой личный план. Тогда легче будет спросить с коммуниста: а что он лично сделал для ускорения, перестройки?
Мое рабочее место — мой участок борьбы за выполнение решений партии. Хотелось, чтобы этот лозунг был одинаково обязателен для всех.

В Свердловском обкоме КПСС
О статье рабочего корреспондента В. Брезгунова «Мое рабочее место — мой участок борьбы за выполнение решений партии», опубликованной в областной газете «Уральский рабочий» 16 декабря 1986 года

В статье рабочего корреспондента выражено принципиальное отношение к недостаткам, мешающим обеспечить эффективный труд каждого работника на своем рабочем месте. В статье сделан правильный вывод, что от личной позиции рабочего, инженера, специалиста, руководителя, их творческого, инициативного отношения к труду, нетерпимости к недостаткам, товарищества и взаимовыручки, деловитости и предприимчивости в решающей степени зависит успех всего коллектива...
Бюро обкома КПСС постановляет:
поддержать выступление рабочего корреспондента газеты «Уральский рабочий», Героя Социалистического Труда, бригадира токарей-карусельщиков завода Уралэлектротяжмаш В. П. Брезгунова. Отметить, что постановка проблем, поднятых автором статьи «Мое рабочее место — мой участок борьбы за выполнение решений партии», является актуальной, она имеет принципиальное значение в решении задач, поставленных XXVII съездом КПСС, в процессе перестройки, для дальнейшего обеспечения массового участия трудящихся в ускорении, социалистическом соревновании за достойную встречу 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции.

СОДЕРЖАНИЕ

От нздательства 9

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

И. Малофеев
Сыновьям идтн дальше! 23

В. Данилов
Рывок 35

Р. Печуркнна
Жнви, роднйк, жнвн... 47

ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО...

Н. Попов
Октябрь на Среднем Урале 67
Героев славных имена 89

П. Ермаков
Продолжаем борьбу 98

И. Степанов
Курейское происшествие 108

А. Округин, Н. Голден
Волею рабочнх н крестьян 127

Хроннка 149

НЕТ У РЕВОЛЮЦИИ КОНЦА...

Г. Зборовскнй
Человек — обществу, общество — человеку 181

В. Мнролевнч
Дорога на Ямбург 218

Я. Хуторянскнй
Пять интервью 234

А. Пашков
Две точкн зрення 262
Чернобыльскнй дневннк 277

А. Новоселов
Колокола Чернобыля 282

В. Брезгунов
Мое рабочее место — мой участок борьбы 300

У68 **Урал,** революцией призванный. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.— 304 с., ил.

В пер.: 1 р. 80 к. 5000 экз.

Коллективная документальная повесть о событиях на Урале в 1917 году, воспоминания ветеранов партии, очерки, интервью, дневники, диалоги о главном содержании нашей сегодняшней жизни — революционной перестройке.

Выходит во Всероссийском цикле «Октябрь в нашей судьбе».

У $\frac{0802010207-095}{М158(03)-87}$ 1-87 ББК 66.3(2)

УРАЛ, РЕВОЛЮЦИЕЙ ПРИЗВАННЫЙ

Редактор Л. Г. Адамова
Художннкн Н. В. Данилов, Н. Н. Даннлова
Художественный редактор В. С. Солдатов
Техннческнй редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры Т. А. Дрябнна, Е. В. Иванова
ИБ № 1559
Сдано в набор 06.04.87. Подпнсано в печать 22.09.87. НС 15386.
Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура журн.-рубленая.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,2. Усл. кр.-отт. 44,4. Уч.-нзд. л. 19,46.
Тнраж 5000. Заказ 195. Цена 1 р. 80 к.
Средне-Уральское кннжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351,
Малышева, 24. Типографня нзд-ва «Уральскнй рабочнй», 620151, Свердловск,
пр. Леннна, 49.